

I

Вообще мы, русские, не можем похвастать основательным знакомством с естественными богатствами своей страны, и за примерами дело не станет: едва ли кто из читателей и подозревает то значение, какое имеют многочисленные озера юго-восточного склона Уральских гор не только для таких огромных краев, каковы Пермская и Оренбургская губернии, но даже для Уфимской, Вятской и Казанской губерний, куда озерная рыба идет в огромном количестве и успешно конкурирует с рыбой Волги, Камы и других второстепенных рек. Сотни тысяч пудов доставляют ежегодно эти озера, многие рыбопромышленники нажили чуть не миллионы, и никто, даже большинство пермских и оренбургских жителей, не имеет малейшего понятия об этом неистощимом богатстве, хорошо знакомом только людям, заинтересованным в этом деле, результаты которого из расчета и боязни конкуренции держатся ими в строжайшей тайне.

Действительно есть что и скрывать: одна удачная тоня окупает не только арендную плату, вообще очень низкую, но и все затраты на снасти и наем рабочих. О богатстве рыбою можно судить уже по тому, что уловы считаются здесь не поштучно и не пудами, а коробами, вмещающими от 70 до 80 пудов, смотря по величине и породе рыбы. Бывали, да и до сих пор бывают, случаи, что без риска оборвать канаты, тетивы невода и самый невод нет никакой физической возможности вытащить последний в притонную прорубь, и стеснившуюся рыбу вычерпывают сачками в продолжение нескольких суток, причем, само собою разумеется, сотни, даже тысячи пудов успевает уйти обратно в озеро. И все-таки в таких случаях улов достигает невероятно громадной цифры — при некоторых благоприятных условиях до 5000 пудов!

Конечно, подобные тони случаются не каждый год и вообще представляют довольно редкое исключение, но на основании добытых сведений мы имеем полное право заключить, что и средняя тоня зимнего неводного лова для всех озер должна быть не менее двухсот пудов. Для самых больших и вообще наиболее рыбных это количество значительно ниже действительного, и можно положительно сказать, что в улов могут идти в сравнении с ними только Нижняя Волга и Урал. Как это ни странно с первого взгляда, но цены озерной рыбы нисколько не ниже, а иногда даже выше средних цен красной рыбы, тоже на месте лова, и это, конечно, самое лучшее доказательство ее высокого качества и большого запроса. Вряд ли где в России можно встретить таких гигантов окуней, ершей, линей, щук, налимов и такую крупную плотву или, вернее, тарань. Вся рыба в приуральских озерах, очень часто соединенных между собою протоками, необыкновенно жирна и вкусна и растет, как мы увидим впоследствии, по крайней мере вдесятеро скорее, чем в реках.

Рассмотрим теперь, что следует понимать под общим названием Зауральских озер, и сделаем возможно наглядный и вместе краткий обзор их, по возможности избегая мелких подробностей и не вдаваясь в сухой перечень фактов, не представляющих общего интереса.

Весь восточный склон Среднего Урала в Пермской губернии, начиная от широты Екатеринбурга, и Южного в Оренбургской, усеян бесчисленным множеством больших и малых озер, которые отчасти находятся в самом Урале и имеют вид настоящих горных бассейнов, но по мере удаления на восток принимают все более и более степной характер: в Челябинском уезде и Троицком в особенности эти озера, частью являясь более или менее солеными или горько-солеными, имеют уже большую аналогию с озерами Барабинских и Киргизских степей. В обширном смысле вся Зауральская черноземная равнина, окаймляющая подошву

Екатеринбургского и Златоустовского Урала, вместе с озерами, на ней лежащими, может быть рассматриваема как западная и северо-западная окраина этих громадных степей, в которые она незаметно переходит.

Главная масса Зауральских озер находится в юго-восточной части Екатеринбургского уезда и в западной Шадринского. Последние вместе с челябинскими все принадлежат к числу настоящих степных озер; они большею частью мелки, иловаты и редко находятся в связи между собою; большая часть Екатеринбургских озер расположена, напротив, вдоль хребта, даже в самом Урале, имеют весьма значительную глубину, соединены между собою протоками и служат для некоторых заводов как бы запасными прудами, которые имеют еще ту выгоду, что делают весеннюю прибыль воды почти неприметною и предохраняют заводские плотины от прорыва. Таковы в особенности озера Каспийского и Кыштымского Урала, которые почти все сообщаются между собой естественными, а иногда и искусственными протоками. Не будь этих озер, существование этих заводов было бы весьма сомнительно: при сравнительно небольшом количестве выпадающего дождя и снега на юго-восточном склоне Урала заводская деятельность ограничивалась бы весьма коротким временем, а для того, чтобы они постоянно были в ходу, потребовались бы целые цепи запасных прудов и, следовательно, громадные затраты, между тем как все это при существующих условиях достигается весьма ограниченными средствами.

В самом деле, чрезвычайно замечательно редкое отличие между западным и восточным склонами Екатеринбургского Урала. Трудно поверить, что только главный хребет, большею частию шириною не более двадцати верст и такой незначительной высоты, разделяет две страны, весьма отличные друг от друга по местности, почве, климату, а частию и по своему животному населению и растительности. Отроги главного хребта тянутся к западу на несколько сот верст, здесь множество мелких ручьев, рек и речек, принадлежащих бассейну Уфы и Чусовой, но зато вовсе нет озер: снега достигают иногда саженной глубины, количество выпадающего дождя весьма значительно, вся почва даже на вершинах гор проникнута влажностью, и вся растительность гораздо разнообразнее и роскошнее. Ель и пихта составляют здесь главные лесные насаждения, но берега рек имеют совершенно особенный характер и ту древесную растительность, свойственную так назыв. уремам Уфимской губернии, столь живо описанным известным охотником-писателем.

На восточном склоне Урала мы видим, наоборот, необыкновенное однообразие — однообразие, выкупающееся, однако, с лихвою бесчисленными озерами, и нельзя не пожалеть, что эти великолепные озера не находятся на западном, например в Уфимском, уезде; тогда положительно во всей России не было бы другой более счастливой и разнообразной местности. Но не будь этих озер Кыштымско-Каслинский Урал лишился бы всей своей оригинальности: сухие песчаные или каменистые увалы его не производят. Почти ничего, кроме угрюмой сосны; здесь почти нет ели, пихты, можжевельника, липы и вяза, вовсе не растет клен, ильм и дуб, и только береза да сосна, изредка прямоствольная лиственница придают некоторую оживленность мрачному виду гор, вершины которых притом, вследствие беспримерно дурного лесохозяйства, совершенно обнажены во всякое время года. Сравнительно со всеми другими частями Урала и звериный промысел тут тоже незначителен и однообразен: он ограничивается исключительно добыванием диких козлов (*Cervus carpeolus* var. *pygargus*), которые, впрочем, во множестве — тысячами — со всех сторон, иногда за сто, двести верст, стекаются сюда в позднюю осень.

Вся привлекательность Кыштымского и Каслинского Урала главным образом заключается в многочисленности озер, глубоких, рыбных, в многочисленности и разнообразии пород водяных птиц, находящихся здесь обильную пищу. Все недостатки его забываются, все мелкие и неутешительные частности сглаживаются и исчезают, когда с какой-нибудь вершины увидишь эту громадную массу вод, эту непрерывную цепь бесчисленных озер, окаймляющих подошву Урала.

Трудно представить себе более величественный и вместе оригинальный вид, который открывается с высоты Аракульских утесов, находящихся притом как раз посредине области горных озер Кыштымско-Каслинской дачи. Утесы эти — весьма замечательное явление в Уральских горах, вообще, за исключением дальнего севера, отличающихся своими пологими очертаниями, отсутствием скал и глубоких расщелин, — издали весьма напоминают огромные полуразвалившиеся каменные здания; но у подножия их сравнение это не совсем верно, так как они имеют более 20 сажен вышины. Вообще Аракульская гора — одна из наиболее любопытных и наиболее уединенных местностей Каслинского Урала: растительность здесь разнообразней, чем где-либо, чаще, чем другие местности, ее посещают медведи, рыси и прочие дикие звери; в последнее время здесь появились даже соболи, вероятно прикочевавшие из Верхотурского уезда, так как в Екатеринбургском Урале они уже давно сделались анахронизмом. В выступах этих отвесных скал гнездятся сокола, и не так давно на склоне горы в высеченной из камня пещере спасались каслинские кержаки, т. е. раскольники.

Взобраться сюда стоит большого труда, и один неверный или скользкий шаг — и можно жестоко разбиться об острые выступы камней, действием воды и воздуха отделившихся от главной отвесной массы. Но на вершине все трудности невольно забываются, и никакое перо не в состоянии вполне изобразить тот великолепный вид, который открывается удивленному взору в ясное майское утро, когда в воздухе еще не парит и далекий горизонт только синее, не теряясь в беловатых туманных очертаниях. Вверху тишина, изредка прерываемая пронзительным криком и свистом крыльев быстролетных стрижей, которые гнездятся здесь только в Урале, внизу беспокойно шмыгают взад и вперед сокола, неожиданно потревоженные со своих неприступных гнезд: в лесу у подножия утеса ясно слышны разнообразные голоса бесчисленных птишек, воркованье «микитанки» — витютня, чуфысканье и бормотанье тетерева; а с озера у подошвы горы доносится только какой-то неопределенный гул: это кричат невидимые утки, крохали, гагары и лебеди, кажущиеся отсюда едва заметными белыми точками.

Верст на семьдесят кругом все видно как на ладони, и какая резкая противоположность: на запад — один лес, безграничный, непрерывный лес, среди однообразной синевы которого не на чем остановиться; с великим трудом отличаешь разве дальние колокольни отдаленных заводов. Далеко виднеются Полевские, Уфалейские и Ураимские (Нязепетровские) горы, постепенно сливающиеся с горизонтом, и волнообразные очертания этих гор придают всей местности вид как бы внезапно застывшего моря. А на севере, юге и востоке — всюду, куда только хватает глаз, и леса, и горы отходят совершенно на второй план, получают как бы второстепенное значение, озера же, по-видимому, занимают гораздо большее пространство, чем суша.

Рисунок 1 Зауральские озера (20 верст в дюйме)

1. Дорога в Екатеринино; 2. Село Щелкунское; 3. Верхне-Сысертский завод; 4. Оз. Иткуль; 5. Оз. Синарское; 6. Оз. Бол. Окункуль; 7. Оз. Мал. Окункуль; 8. Оз. Черкаскуль; 9. Оз. Карасье; 10. Оз. Турундук; 11. Оз. Лебяжьи; 12. Оз. Татош; 13. Оз. Ташкуль; 14. Оз. Семискуль; 15. Оз. Арыткуль; 16. Оз. Чусовские; 17. Оз. Карагуз; 18. Село Воскресенское; 19. Село Тибук; 20. Оз. Мал. Аллак; 21. Оз. Бол. Аллак; 22. Оз. Косигач; 23. Оз. Ситач; 24. Оз. Сунгул; 25. Оз. Киреты; 26. Оз. Карасье; 27. Оз. Бол. Касли; 28. Оз. Атабуга; 29. Оз. Аракуль; 30. Оз. Булдым; 31. Оз. Щучье; 32. Оз. Иртяш; 33. Оз. Бол. Нанога; 34. Оз. Кызылташ; 35. Каспийский завод; 36. Оз. Мал. Касли; 37. Оз. Бердениш; 38. Оз. Урускуль; 39. Оз. Котакуль; 40. Оз. Куяш; 41. Оз. Кыштымское; 42. Оз. Сугомак; 43. Оз. Ирдяги; 44. Оз. Увельды; 45. Кыштымский завод; 46. Оз. Калды; 47. Оз. Чебакуль; 48. Оз. Тышки; 49. Оз. Увельки; 50. Оз. Шаблиш; 51. Оз. Маян; 52. Оз. Тарталым; 53. Оз. Айдакуль; 54. Река Исеть; 55. Река Багаряк; 56. Река Синара; 57. Река Теча; 58. Оз. Улагач; 59. Село Метлино; 60. Оз. Черновское

Прямо на север в 25 верстах между высокими горами лежит девятиверстный, почти круглый Иткуль, настоящий представитель горных озер: в сравнении с ним небольшие смежные

озера, соединенные с ним протоками, кажутся небольшими лужами. На северо-востоке в таком же расстоянии виднеется Синарское озеро — не меньшей величины, Окункуль и многие другие второстепенные водоемы. Все они принадлежат к бассейну реки Синары, вытекающей из Синарского озера или, вернее, Иткуля.

На востоке у подошвы Урала, который здесь круто обрывается и граничит с черноземной равниной Екатеринбургско-Шадринского уездов, глазам зрителя представляется целая масса озер, соединенных между собою широкими протоками. Это — Каслинские озера, которые, собственно говоря, составляют один огромный бассейн с весьма искривленными очертаниями. К югу от этой цепи озер виднеется двадцативерстный Иртяш; он соединен протоком с Каспийскими озерами, и в свою очередь, хотя и в меньшей степени, состоит из нескольких плёсов, т. е. небольших озер. А за этими озерами блестит множество второстепенных, лежащих уже в полосе березовых лесов: последние редуют все более и более, мелкие степные озера уже невидимы невооруженному глазу, и едва отличаешь длинную блестящую полосу — это двадцативерстный Увельки. А за ним уже ничего не видно, и безграничная степь сливается с далеким горизонтом.

К югу от Иртяша, в Кыштымской даче, количество озер еще более увеличивается, но здесь они уже весьма незначительны и в большинстве случаев и вовсе неприметны: за исключением громадного Увельды — красы уральских озер, начинающегося от границы Оренбургской губернии, они не имеют особенного значения. Но Увельды весьма замечателен как по своей величине и глубине, так и по множеству утесистых островков, которые поросли хвойным лесом и с вершины Аракуля кажутся большими или меньшими темными точками. Более ста озер видно отсюда невооруженному глазу: от Сысертских гор до Златоустовского Таганая с севера на юг, от Нязепетровского завода до больших озер Шадринской степи с запада на восток, легко сказать более полуторы тысячи квадратных верст можно обнять глазом. Действительно, зрелище великолепное, и ради его можно перенести и не такие мелкие лишения.

Все эти озера, конечно, заслуживают более основательного знакомства с ними, и, вероятно, читатель не посетует, если мы дадим краткие описания наиболее замечательных из них. Начнем с Иткуля.

Иткуль, как уже сказано, может служить наилучшим представителем настоящего, и притом большого, уральского озера. Он весь окружен и даже как бы стеснен горами, которые местами спускаются в него довольно значительными крутизнами. Нельзя сказать, однако, чтобы он был очень глубок: есть озера и гораздо меньшие по величине, которые глубже Иткуля, но все-таки в некоторых местах последний достигает до 20 аршин глубины: так, например, у Шайтан-камня — большой скалы, выдающейся из воды на несколько сажен и служащей с незапамятных времен гнездилищем пары соколов, детей которых иткульские башкирцы ежегодно разоряют и продают степным башкирцам, большим любителям соколиной охоты. Главную особенность животного населения озера составляют, однако, необыкновенно многочисленные крохали, которые гнездятся в трещинах каменистого берега, самого Шайтана и небольшого плоского известнякового острова, т. е. Белого камня, занимающего в длину не более 15 сажен.

Иткуль довольно рыбное озеро, но так как оно совершенно чисто, а поэтому в нем очень мало различных растительных и животных организмов, то рыба растет довольно медленно, и иногда даже трехгодовалая беспрепятственно проходит в крылья невода, впрочем вообще имеющего весьма крупные ячей. Не так давно здесь бывали тони в 18—20 коробов, но в зиму 1870/71 года более 8 коробов (около 600 пудов) не вытаскивали; зато и не было тони (всех тоней более ста) менее 35 пудов. Всего же здесь было поймано неводом более 20000 пудов, доставивших арендатору около 30000 р. валового дохода. Как странно после этого читать в статистическом

описании Пермской губернии, составленном в 1864 году, что во всем Екатеринбургском уезде в 1857 году было добыто только 19438 пудов рыбы на сумму 11069 р. с.!

Как и во всех проточных озерах, в Иткуле живут все породы рыб, свойственные всему юго-восточному склону Среднего Урала. Главная коренная рыба озера чебак (местное, собственно башкирское название плотвы) составляет более половины всего количества рыбы: за ним следует окунь, щука, ерш, язь, елец и наконец линь и карась, которые заходят сюда из мелких тинистых озер Семискуля, Арыткуля и проч. Вся остальная мелкая рыба не имеет уже никакого значения: таковы не употребляемые в пищу гольцы, веретей (*Cobitis taenia*, *barbatula*) или же весьма малоценные, как, например, гольяны (*Phoxinus*) и пескари, называемые обыкновенно пескозобами.

Все эти различные породы рыб придерживаются каждая известного места, особенно зимой, и опытные неводчики всегда знают наверное, какая именно попадает в известную тону, а каждая тonya имеет свое определенное место и особенное название. На середине озера, у Белого Камня и р. Карабайки, вообще на самой глубине постоянно попадает только один чебак; ерши большею частью придерживаются берегов и всего чаще ловятся у Шайтан-Камня и между Средней и Дальней башкирскими деревнями; отличная язиная тonya у р. Казанки; щука тоже ловится у берегов. Главные места нереста хотя и меняются через неопределенный промежуток времени, также более или менее известны, и рыба главным образом играет у Белого камня, у Долгого мыса, у р. Долгой и у истока, сообщающего Иткуль с Синарой.

Иткуль, как горное озеро, вскрывается очень поздно, значительно позже всех прочих уральских озер, не говоря уже о степных. По этой причине и вся рыба нерестится здесь иногда несколькими неделями позднее: как известно, почти каждая порода требует для метания икры известной температуры воды. Правило это, однако, не всегда верно, и это видно уже из того, что сборная рыба из Синары, Ташкуля, Окункуля и проч., которая опытным рыбаком отличается безошибочно по цвету и относительной толщине, играет несколько ранее коренной рыбы, хотя все-таки развитие икры здесь несколько задерживается, и она начинает ловиться, когда весенний лов ее во время нереста в соседних озерах уже кончился. Таким образом, игра сборной рыбы, сравнительно малочисленной, служит здесь лучшим предвестником скорого нереста коренной рыбы.

Конечно, весенний лов рыбы далеко не имеет таких грандиозных размеров, как зимний, неводной, но все-таки он гораздо значительнее летнего и осеннего. Обыкновенно арендаторы озер ловят рыбу только по льду, начиная с ноября и кончая серединой апреля, немного раньше или позже, смотря по осени и весне и местоположению озера, ловят ее только неводом, а на все остальное время сдают озеро в аренду мелким промышленникам за известную плату, смотря по количеству мереж и других мелких снастей. Здесь же это право предоставлено самим башкирцам-вотчинникам: нельзя, однако, сказать, чтобы этот ленивый народ усердно пользовался таким правом: всякий труд в тягость башкирцу, и поэтому немногие из них постоянно занимаются рыболовством: большей частью они ловят рыбу, только когда в доме не останется куска хлеба. За всем тем количество рыбы, вылавливаемой в продолжение всего теплого времени года и сбываемой обыкновенно за бесценок в окрестные заводы и селения, весьма значительно: по всему вероятно, оно заключает в себе не одну тысячу пудов.

Из небольших озер, имеющих сообщение с Иткулем, всего замечательнее Ташкуль и Татош; остальные — Карасье, Семискуль, Арыткуль — мелки и няшисты и потому неудобны для неводной ловли; притом главная рыба здесь карась и озерной гольян (*Phoxinus perenurus* Pall) между тем как в первых водятся почти те же породы, как и в Иткуле. Ташкуль — одно из самых глубоких и рыбных уральских озер и, в сущности, гораздо лучший представитель последних, чем Иткуль. Дно его расположено крутыми уступами, которые имеют вид огромной каменной

лестницы, и вот почему в нем, несмотря на его величину (около 8 квадратных верст), всего только четыре годные тони, несмотря на богатство рыбой. Глубина его действительно замечательна: в некоторых местах она достигает семнадцати сажен, а прозрачность воды его такова, что и на этой огромной глубине в тихую погоду можно ясно различать белые камни на дне. Поэтому едва ли не большее количество рыбы, и притом самой крупной, добывается с лучом и острогой, что возможно здесь не только осенью, но и летом. Успешному лучению, однако, весьма часто мешает его глубина, почему оно по необходимости должно ограничиваться одними берегами.

Татош почти одинаковой величины с Ташкулем, но далеко не так глубок и представляет гораздо большие удобства для ловли неводом. В нем всюду около 8 аршин, дно его совершенно ровно, и в нем считается девять постоянных тоней, которые доставляют ежегодно около 30 коробов, т. е. более 2000 пудов крупной рыбы. Всего многочисленнее здесь чебак, за ним следует окунь, ерш, щука и наконец карась, в небольшом количестве; язя здесь нет вовсе, и он заходит сюда только случайно. Татошская рыба высокого качества и ценится почти вдвое дороже иткульской; окуни и караси достигают здесь более 8 фунтов веса, чебак — 3 фунтов; ерш-фунтовик здесь не редкость.

Из числа остальных, вовсе незначительных, озер окрестностей Иткуля нельзя пройти молчанием одного из них — Теренкульчика; он замечателен во многих отношениях, и прежде всего представляет наилучший пример, до какой степени рыбного богатства могут достигать здешние озера. Озерко это занимает немного более десятины при трехсаженной глубине и притом расположено на горе, по крайней мере, на 20 сажен выше уровня смежного с ним Ташкуля. Долгое время оно считалось совершенно безрыбным. Лет 5 назад один башкирец случайно обратил внимание на плесканье стеснившейся рыбы и, не давая никому знать о своем открытии, вздумал воспользоваться им по первому льду. Результат превзошел все его ожидания: с одной удочки первые дни он вытаскивал, трудно поверить, до 15 пудов рыбы, большею частью окуня-двухфунтовика и фунтового чебака. Само собою разумеется, за ним стали следить, и молва об этом открытии разнеслась по всей окрестности: в продолжение 2-х недель более 40 рыболовов каждодневно ловили от 3 до 5 пудов каждый, и в это короткое время было поймано приблизительно никак не менее 2000 пудов. Затем количество рыбы сразу уменьшилось, вся крупная рыба окончательно выловилась, начала клевать уже мелкая, и рыболовство не стало представлять особенных выгод. Но и до сих пор в Теренкульчике все еще много мелкого окуня и чебака, и в 1871 г. он был даже отдан в аренду (за 23 рубли на 12 лет). В нем всего две тони маленьким неводом в 150 сажен длины.

Вторая группа — Синарские озера находятся уже в предгорьях Урала и уже примыкают к черноземной равнине. Все они числом девять принадлежат, однако, не башкирцам, а владельцам Каслинских заводов, частью владельцу Воздвиженской дачи. Первые владеют тремя четвертями Синары, Черновским, Карагузом и другими незначительными озерами, второй — обоими Окункулями, Черкаскулем и остальной частью Синарского озера.

Самое значительное по величине Синарское озеро, с которым все остальные соединены постоянными или временными протоками, имеет такую же величину, как Иткуль, даже несколько длиннее последнего; глубина его местами тоже превосходит наибольшую глубину Иткуля и у Чищеного камня, саженях в ста от берега, недалеко от д. Воздвиженки (Клёпино), достигает 12 сажен. Эта глубокая яма имеет, однако, менее полуверсты длины и ста сажен ширины, и средняя глубина озера вообще не превышает 14 аршин. Весной, когда вся рыба отыграет и уходит отдыхать вглубь, она собирается здесь во множестве и ловится мережами едва ли не в большем количестве, чем во время нереста. Рыба здесь та же, но она гораздо ценнее иткульской, тем более, что главную массу ее составляет ерш, достигающий притом очень больших размеров, о которых, конечно, не имеют и понятия в России.

Окункуль с лишком вдвое менее Синары и имеет незначительную глубину, нигде не превышающую 2-х сажен, почему в жаркое время года большая часть рыбы уходит отсюда в более холодную воду Малого Окункуля, полузатянутого трясинной. За всем тем вода первого чрезвычайно чиста и прозрачна, и эта прозрачность, небольшая глубина и рыбность озера способствуют необыкновенно успешному осеннему и весеннему лучению: нередко один ловкий рыбак набивает здесь острой более десяти пудов рыбы, которая вообще здесь значительно крупнее, чем во всех других описанных озерах.

Речкою Шумихою соединяется с Окункулем Черновское озеро, замечательное обилием щуки и ерша, которые здесь необыкновенно толсты и жирны, и притом почти совершенно черного цвета: ерши в полтора фунта здесь не редкость, а аршинная щука часто весит более 15 фунтов. Озеро это, несмотря на свою незначительную величину, довольно глубоко (до 5 сажен), но главнейшие благоприятные условия заключаются, однако, не в глубине, а в обилии пищи, обусловливаемом обширной примыкающей к нему трясинной, под которой и течет Шумиха, выходящая наружу в немногих местах. Через этот проток ерш проходит в Окункуль, но, задерживаемый небольшим водопадом, уже не может вернуться обратно. Осенью, обыкновенно около 8 сентября, он идет из Окункуля и в таком количестве стесняется в небольшой бокалдине, образованной вышеупомянутым водопадом, что его просто выгребают отсюда сачками, даже подолами, и увозят целыми возами.

Еще более замечательный Карагуз лежит уже в черноземной полосе и принадлежит скорее к числу степных озер. В сущности, это огромный рыбный садок, в котором вся пересаженная рыба отъедается и растет необыкновенно быстро. Это т. н. кормное озеро имеет около десяти квадратных верст; оно лежит совершенно отдельно, сообщаясь с Синарой только в весеннее время, и то не каждый год, не особенно глубоко, даже скорее мелко, чрезвычайно няшисто и в крайней степени изобилует мормышем — небольшим рачком из рода *Gammarus*, составляющим вообще главную пищу озерных рыб и главную причину их необычайно быстрого роста. Коренная рыба здесь, как и следовало ожидать, карась, но не так давно пересаженные сюда чебаки, окуни и ерши в короткое время необыкновенно размножились и достигли значительной величины. Здесь-то все чаще бывали примеры тех баснословных тоней, которым трудно и поверить, не выдавши массы рыбы, приступающей в жары к берегу и ищущей выхода: озеро колыхнется от множества рыб, «рыба воду на себя носит», и вдруг, точно по сигналу, внезапно выпрыгивает из воды и с шумом, подобным раскату грома, падает обратно. Зимой 1871/72 года арендатор Карагуза Бельников ловил здесь от 20 до 24 коробов в каждую тоню — средним числом около 1500 пудов!

Переходим к Каслинским озерам и Иртяшу. Как первые, так и последний лежат у самой вершины Каспийского Урала, который здесь круто обрывается и граничит с черноземною равниною.

Рыба Каслинских озер как по своему качеству, так и по величине славится по всей Пермской губернии и с давних времен имеет такой верный сбыт, что в большинстве случаев скупается в день лова екатеринбургскими, каменскими и более дальними, например вятскими и казанскими, прасолами, которые, впрочем, везут отсюда исключительно окуня и мелкого, малоценного чебака. Нельзя сказать, однако, чтобы озера эти принадлежали к числу наиболее рыбных, но они, наравне с другими уральскими озерами, имеют то немаловажное преимущество перед степными, что рыбное богатство здесь неистощимо и множество рыбы укрывается в глубине, где ее не достанешь никаким неводом. В Иртяше, например, посредине находится длинная узкая полоса, где глубина достигает 20 сажен. Иногда, хотя и редко, случается, что вследствие каких-то необъяснимых причин вся рыба уходит в самые глубокие места озера и держится там всю зиму; конечно, улов значительно уменьшается, но вместе возрастает и ценность ее, а запрос так велик, что арендаторы при этом почти ничего не теряют, даже выигрывают, хотя,

конечно, в следующую зиму. В этом отношении весьма замечательно небольшое, но необыкновенно глубокое, т. н. Бездонное озеро (в Тагильской даче Верхотурского уезда), в котором ловят рыбу в огромном количестве, когда она выходит из глубы к берегам.

Главная рыба Каслинских озер — окунь, достигающий тут баснословных размеров: здесь именно лет 20 назад был пойман окунь-гигант, весивший 30 фунтов, но и теперь изредка попадаются 12-фунтовые. Кроме окуня в них, разумеется, встречаются и все остальные породы рыб, но они уже не представляют никаких особенностей и в этом отношении уступают многим другим озерам. Количество тоней на всех этих озерах и Иртыше весьма велико и приблизительно должно быть не менее четырехсот. Такую же роль рыбного садка, подобно Карагузу, играет здесь оз. Малые Касли, тоже лежащее совершенно отдельно от прочих и также изобилующее мормышем. Сюда выпускается почти вся рыба, пойманная весной, когда она может скоро портиться, и поэтому не имеет такого верного сбыта.

Иртыш — одно из самых великолепных озер Зауралья. Трудно представить себе всю живописность его островов, оригинальная растительность которых, вовсе не свойственная юго-восточному склону среднего Урала, придает им характер оазисов: липа, вяз, огромные ветлы, боярышник, карагана и красная смородина составляют единственную древесную растительность этих островов, весьма странную посреди сосен на нагорном берегу и березовых рощ на прилегающей черноземной равнине.

Живо вспоминается мне последняя летняя поездка на Иртыш. Погода вполне благоприятствовала плаванию: неугомонное озеро, недоступное и при незначительном ветре, представляло совершенно ровную зеркальную поверхность, и только далеко, ближе к середине, виднелась легкая зыбь. В дальнем северном углу в восемнадцативерстовом расстоянии белела высокая колокольня Каспийской церкви; прямо посередине озера виднелись три небольших круглых острова, и с них в утренней тишине смутно доносились голоса бесчисленного множества гнездящихся там чаек. На берегу мертвая тишина; вся жизнь сосредоточена на этих редко посещаемых островках и ближе к западному подуральному берегу, на больших липовых островах, расположенных длиною и узкою десятиверстной цепью. Не всякий решится и в тихую погоду доплыть до каменистых гряд, окружающих все эти острова; при незначительном ветре даже опытный рыбак, ловко управляющий утлым челноком (1) при помощи своего единственного весла, ни за что не согласится выплыть на середину бурного озера. Чем ближе подъезжаешь к островам, тем слышнее и слышнее гул бесчисленных голосов водяной птицы, и в этом гуле постепенно отличаешь то звучный крик лебедя, то пронзительный хохот большой чайки-хохотуни (*Larus cachinnans*); чаще и чаще в почтительном отдалении ныряют нырцы (*Podiceps*) и большие гагары величиною с гуся (*Colymbus arcticus*), чаще и чаще подымаются селезни крохалей, гоголей, свиязей и других разнообразных пород уток; на круглых островах уже можно различать сотни сидящих и летающих рыболовов и крачек; подъезжаешь еще ближе, и вдруг целая туча больших чаек вылетает навстречу, кружится над лодкой, и видишь, как неоперившиеся птенцы их проворно уплывают от ближнего острова. А на последнем в кустах красной смородины десятки, более — сотни гнезд почти сплошь покрывают его каменистую вершину; весь берег и кусты белеют от извержений множества птицы; везде валяется скорлупа, болтуны, бегают только что выклюнувшиеся птенцы; всюду в кустах, на воде, даже в яйце слышится писк их; все пронзительнее кричат, все назойливее и ближе кружатся чайки, и только выстрелами избавляешься от их неприятного соседства. На другом острове птицы еще более. Подобно рою пчел, кружатся над водой у берегов тысячи земляных ласточек; сотни крачек (*Sterna Hirundo*) и рыболовов (*Larus minutus*) трепещутся над гнездами, видишь, как самки слетают с последних и тревожно летают, присоединяя свой голос ко всеобщему хору. С первым шагом на берег острова — и из-под ног вылетает крохалиха, и едва не давишь ее крупные беловатые яйца; из первого попавшегося дупла ветлы вытаскиваешь крепко сидящего лутка. На смежном островке, угрюмо

втянув шею, спокойно сидит на сухом вязе цапля, а над ней просиживает зоб скопа, только что поймавшая рыбу, и обе равнодушно смотрят на внезапно поднявшуюся тревогу. В сотне саженях беспокойно вертится на одном месте лебедь, очевидно опасаящийся за целостность своего потомства; украдкой, окольным путем, выплывает к нему лебедка, только что спрятавшая лебедят; там и сям ныряют, кувыркаясь, большие гагары, и далеко слышится их заунывное «погиб». Какая громада птицы бывает здесь на пролете — трудно себе представить!

В этом отношении, как говорят, еще более замечательно Увельды в Кыштымской даче; но, насколько справедливо это, я не имел случая убедиться, и я могу только сказать, что это озеро со своими многочисленными островами, поросшими густым хвойным лесом, имеет гораздо более угрюмый вид. Да и по своим рыбным ловлям Увельды, несмотря на свою величину (оно занимает более 250 квадратных верст), стоит неизмеримо ниже Иртыша. Все оно чрезвычайно ямисто, почему в нем насчитывается очень немного годных тоней и арендная плата сравнительно незначительна. Однако в нем пропасть всякой рыбы, и годами, когда она выходит из своих глубоких и безопасных убежищ, ловится в очень большом количестве. Не так давно, всего года четыре назад, здесь была поймана огромная щука, весившая три с половиною пуда! Сколько времени этот великан укрывался в недоступных глубинах озера и сколько лет счастливо ускользал от жадности человека!

Кругом Увельдов расположено множество небольших, большею частию мелких и няшистых, озер; они все вместе не имеют и десятой доли значения Каслинских озер и Иртыша. Более сорока озер, соединенных между собою протоками, составляют как бы непрерывное звено вокруг этого большого озера, и весь избыток этих вод вливается в Иртыш; но, несмотря на это количество, едва ли можно насчитать здесь более десяти, в которых производится правильная неводная ловля; таковы Ирдяги, Кыштымский пруд, состоящий, собственно, из нескольких озер, Акуля, Улагач и некоторые другие. Кызылташ, Бердениш, Алабуга, прилежащие к Иртышу, уже находятся в черноземной равнине; каждое из них, и в особенности Кызылташ, через который протекает Теча, воспринимающая все воды Кыштымских и Каслинских заводов, имеет большее значение, чем даже огромное Увельды. Кызылташ замечателен, и не по одной своей величине (около сорока квадратных верст), но прежде всего тем, что заключает в себе, так сказать, самую крупную и отборную рыбу. Кызылташские лини и караси, несмотря на чистоту и прозрачность озера, достигают здесь наибольшей величины, и слава их гремит верст на сто в округности. В озере живет только одна крупная рыба, а вся мелкая уходит вниз — в Течинский пруд, частию вверх — к Иртышу и возвращается, достигнув только известного возраста; поэтому ценность ее — более чем где-либо, и вся рыба буквально покупается нарасхват. Обилие крупной рыбы привлекает на озеро, особенно в конце мая, когда линь во множестве подступает к берегам, десятки «вольных» рыбаков, которые набивают острогой целые сотни пудов отборной рыбы. Случается, что иногда зараз выезжает до 50 лодок с лучом, и что за великолепное зрелище представляют постороннему зрителю эти медленно движущиеся огоньки — при ночной тишине, прерываемой только трещанием полуночника и криканьем испуганных уток!

II

Длинная цепь озер тянется у подошвы Урала с лишком на шестьдесят верст и граничит с другой стороны с черноземной равниной, сначала покрытой березовыми лесами, а затем почти сразу переходящей в настоящую ровную и почти безлесную степь. Иногда всего какие-нибудь 20—25 верст разделяют две совершенно противоположные фауны: типические представители хвойных лесов Урала рысь, медведь, бурундук, белка, куница, глухарь и рябчик и т. д. здесь уже заменяются совсем другими — степными животными. Прежде всего появляются суслики (*Spermophilus rufescens*), называемые польскими кошками, большие тушканчики, ремеза —

знаменитые строители гнезд, клинтухи; крохали заменяются турпанами (*Oidemia fusca*) — большими черными утками, лебеди — бесчисленным множеством гусей; водяная дичь становится все многочисленнее и многочисленнее; на болотах появляются турухтаны, болотные кулики, называемые евдошками, разные породы кроншнепов и других голенастых птиц; в камышах ухает выпь. В березовых лесах гнездится баснословное количество тетеревов, которых ловят зимой тысячами; в кустах по болотам и у озер появляется белая куропатка — характеристическая особенность Зауральских степей, увеличивающаяся в численности к востоку; еще далее, ближе к границам Шадринского и Челябинского уездов, появляется дрофа, колпица, тиркушка, наконец, корсаки, степные кошки и чекушки — настоящие представители степи. Далеко-далеко отсюда, более чем за полтораста верст, виднеются вершины Уральских гор, как бы подернутые туманом и скорее кажущиеся тучами на горизонте.

Степные озера имеют уже совершенно другой характер: глубина их редко достигает трех сажен, большую часть они бывают гораздо мельче; берега их обыкновенно порастают густым и высоким камышом, и они, видимо, мельчают и зарастают. Лучшим примером такого пересыхающего бассейна служит не уступающее величиною Иртышу Увельки, в котором рыба, прежде многочисленная, совершенно перевелась. С другой стороны, мы также встречаем тут пропасть зарастающих или совсем заросших озер, образовавших наконец топкие трясины с небольшими бокалдинами, где может жить только один карась. Зарастание это совершается следующим, хотя и медленным путем: сухие стебли камыша, обламываемые ветрами, с течением времени образуют в заливах и у подветренных берегов озера целые помосты, увеличивающиеся с каждым годом; они или гниют на месте, или выбрасываются на берег, где из них составляются целые валы, перемежающиеся с песком или илом. Валы эти существуют у всех степных озер, у некоторых горных и достигают наибольшей вышины — до сажени, когда озеро ничем не защищено с северо-запада, со стороны главного, и притом самого сильного, ветра. Очевидно, в юго-восточных углах озер они будут всего выше, всего ниже в противоположных, что замечается и на самом деле. Зарастание озер, следовательно, будет начинаться исключительно с северо-запада: здесь, под защиту берега и прибрежных лесов или кустов, отчасти самих камышей, сухие стебли последних, образовав помост, постепенно увеличивающийся на месте во все стороны и в толщину, сплываются пылью, листьями деревьев, различными другими водяными растениями и образуют рыхлую массу, обсеменяемую наконец некоторыми болотными растениями, которые еще более скрепляют его и в конце концов образуют т. н. трясину. Раз образовавшись, эта трясина, или лавда, все быстрее и быстрее обволакивает озеро; под защиту ее начинается подобное зарастание озера с противоположной стороны, и наконец все озеро получает вид зыбкого болота, на котором мало-помалу показывается ивняк, а затем и чахлые березки. Иногда, разумеется, зарастание озера стоит в прямой связи с его высыханием, но в таком случае получается уже другой результат — т. н. чистое болото, а не трясина.

В прудах и проточных камышистых озерах эти лавды, образуясь несколько иначе, представляют весьма любопытное явление. Главную роль играют здесь уже не сухие стебли камыша, а та рыхлая и легкая масса, которая образуется из сгнивших корней камыша, частью и других водных растений. От сильной прибыви воды она отрывается от берега огромными глыбами, плавающими на поверхности, и выносится из протока в какое-либо мелкое место пруда, где становится на мель или задерживается камнем, корягой, даже растениями, каковы водяные лилии, горошница (*Potamogeton*) и друг. Глыба эта покрывается болотными растениями; впоследствии к ней, иногда очень скоро, присоединяются новые массы, постепенно связывающиеся и скрепляющиеся друг с другом, и наконец образуется как бы остров; при значительной прибыви воды в пруд и сильном ветре этот остров иногда выносится на глубокое место и плавает там взад и вперед до тех пор, пока при наивысшем уровне воды не сядет окончательно на мель и не образует настоящего низменного и болотистого острова. Такие

плавучие острова находятся, например, на Метлинском (Течинском), Воскресенском, Александровском (у Березовского завода, близ Екатеринбурга) прудах, в Силаче и некоторых других озерах, хотя вообще составляют исключительную принадлежность прудов. В жизни рыб они играют весьма важную роль и имеют для них первостепенное значение: в течение всего июля и августа вся мелкая рыба укрывается под лавдами и только к осени выходит на открытые места; следовательно, эти острова служат как бы убежищем и вместе питомником молодой рыбы, которая находит здесь полную безопасность от щук и окуней и обильную пищу. Один только налиим, любитель тени и прохлады, большую часть года живет под лавдами, но это далеко не такой опасный и проворный и притом немногочисленный хищник. Кроме него в петровки собирается сюда весь ерш; последний тоже предпочитает холодную воду и вместе с налимом тоже ведет более ночной образ жизни; в некоторых местах он ловится все лето не иначе как из прорубей в лавдах и притом клюет здесь только с заката до восхода солнца; таковы лавды на Иртяше и т. н. глубокая лавда на Силаче — одном из Каслинских озер. Само собою разумеется, что все сказанное нами о значении лавд применяется только к плавучим или укрепившимся на глубоких местах пруда или озера. Такие лавды имеют еще одну странную и не вполне объяснимую особенность: весной, по окончательном вскрытии, они тонут и начинают постепенно подыматься на поверхность уже в июне, когда болотные растения достигнут некоторой высоты. Очевидно, они же и служат главною причиною всплывания лавды: воздух, заключенный в растениях, облегчает всю массу последних, и каждый стебель осоки, каждая былинка является для нее как бы постепенно расширяющимся плавательным пузырем.

Степные озера имеют еще одну особенность, резко отличающую их от уральских: весьма многие из них, например Чебакуль, Малый Аллак, Калды и нек. друг., содержат более или менее заметную примесь солей, преимущественно хлористого натрия, частию глауберовой соли. Далее на юг и юго-восток это явление повторяется все чаще и чаще: и в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии некоторые соленые озера содержат такой значительный процент хлористого натрия, что могут служить, и частию служат, для добывания соли, хотя последняя редко получается в совершенно чистом виде, что зависит от значительной примеси посторонних веществ. Некоторые озера являются здесь настоящими горько-солеными или горькими, чем много напоминают озера Барабинской степи и, не доставляя никакой пользы человеку, совершенно лишены рыбы и птиц — почти без всякого проявления животной жизни, производят весьма тяжелое впечатление.

Многочисленность озер, большее или меньшее содержание солей как в них, так и во всех низменностях, бесчисленное множество солончаков, толщина и солонцеватость чернозема в низменностях и незначительность слоя его на буграх и небольших степных возвышенностях, выклинивание его у подошвы Урала и Сысертьских увалов и постепенное утолщение на юговосток — все служит доказательством, что обширная равнина эта составляет непосредственное продолжение Киргизских и Барабинских степей. Нет сомнения, что она вместе с ними еще в последние геологические эпохи принадлежала обширному Арало-Каспийскому бассейну и некогда составляла всего ранее осушившееся дно этого огромного моря. По мере высыхания последнего в отдельных низменностях и котловинах шло постепенное обособление озер; первоначально соединенные между собою протоками, которые существуют или следы которых заметны и до сих пор, последние с течением времени при посредстве дождевой воды все более и более выщелачивались и уносили большую часть своих солей в реки, вместе с образованием озер пролагавшие себе путь с Урала на восток. Очевидно, только позднее образовавшиеся озера и притом никогда не имевшие стока могли и по настоящую минуту остаться с прежним, а при постепенном пересыхании даже с большим содержанием солей. Вместе с выщелачиванием озер шло и выщелачивание почвы, вообще удобопроницаемой. Оба явления эти продолжаются и в настоящее время: на памяти старожилов многие озера пересохли или заросли и

превратились в болота, трясины и солончаки; многие солончаки превратились в роскошные луга, дающие ценное сено. Отсюда очевидно, что и самый зауральский чернозем, как исключительно водное, хотя и не вполне морское образование, имеет здесь совершенно другое значение и не может быть тождествен с южнорусским. Впоследствии мы рассмотрим обстоятельно этот важный вопрос о значении зауральского чернозема и постараемся определить границы Арало-Каспийской котловины и арало-каспийской фауны. Заметим только, что весьма многие факты прямо указывают на бывшее соединение Арало-Каспия с Ледовитым океаном.

Большая часть степных озер Екатеринбургского уезда, в сущности, еще не принадлежит к настоящим степным, какими могут называться только озера Шадринского и Челябинского. Все они находятся в полосе лиственных лесов, которые только дальше на восток и юго-восток постепенно редуют и наконец на сухих местах заменяются кустами дикой вишни, караганы, *Spiraea*, а в низменностях тальниками — местопребыванием множества белых куропаток. Лиственные леса юго-восточной части Екатеринбургского и западной — Челябинского уездов главным образом принадлежат башкирцам и занимают огромное пространство; окаймляя подошву Урала и цепь подуральных озер длинной, местами суживающейся лентой, они нисколько не похожи на наше среднерусское чернолесье. Леса эти состоят почти исключительно из одних березовых насаждений; осина растет здесь только небольшими островами в более сырых местностях леса, и главную массу его составляют столетние и крайне редко расположенные березы, отчего все башкирские леса имеют вид огромных рощ, всюду удобных для проезда; мелкого березняка, который ежегодно уничтожается весенними палами и ленивой привычкой башкирцев рубить на дрова только самые тонкие деревья, здесь почти вовсе нет, и весь подсед заключается единственно в кустах шиповника, дикой вишни и *Cytisus*. (2) Но вернемся, однако, к озерам.

Из озер этой полосы упомянем только о наиболее замечательных. К таковым принадлежит Малый Аллак, Чебакуль, Тышки, отчасти, хотя в отрицательном смысле, Калды. Особенного внимания заслуживает Чебакуль; это довольно большое озеро лежит на границе трех уездов — Екатеринбургского, Шадринского и Челябинского, и знаменито, как показывает, впрочем, само название, своими чебаками. Последние достигают здесь невероятной величины; не всякий, конечно, поверит, не выдавши тарани южнорусских рек (которая, в сущности, тот же чебак, или плотва, при благоприятных условиях выросшая до огромных размеров), что презренная плотица, почти последняя рыба из обширной семьи сазановых, достигает здесь 5—6 фунтов. Во всяком случае, тут кроме мормыша, тоже многочисленного, должны существовать еще другие причины, обуславливающие необычайное развитие этой рыбы, вообще принадлежащей к числу самых мелких пород; но какие именно эти причины, сказать очень трудно, так как я не имел случая заняться внимательней исследованием мелких беспозвоночных и растительностью озера; но то или другое должно, а priori, представить какую-нибудь интересную особенность, отличающую Чебакуль от всех других озер. Остальная рыба — окунь, ерш и щука — не так многочисленна, судя по всему, не принадлежит к числу коренной, каковой является только чебак, и, хотя вообще довольно крупна, не представляет, однако, таких резких отклонений в величине. Чебакуль принадлежит к числу довольно больших озер; оно занимает около пятидесяти квадратных верст при глубине до трех сажен и включает пятьдесят тоней; по ценности рыба его почти не уступает кызылташской, уловы же здесь также средние.

В этом отношении он резко отличается от Малого Аллака и Тышкова, находящегося уже в Челябинском уезде. В Малом Аллаке, занимающем всего около 9—10 квадратных верст, несмотря на его незначительную глубину, которая нигде не превосходит двух сажен, еще в начале шестидесятых годов уловы доходили до 22 коробов, т. е. более 1500 пудов. В последние годы, вслед за пересадкой окуня и ерша, как мормыш, так и чебак — коренная рыба озера — стали постепенно уменьшаться, и ежегодный приплод и прирост рыбы не стали пополнять ежегодный

убыли; но, во всяком случае, и теперь Малый Аллак все еще принадлежит к числу наиболее кормных озер. Этим он существенно разнится от Тышкова, где чебак хотя и находит для своего размножения все благоприятные условия, состоящие главным образом в отсутствии окуня и щуки — главных истребителей как его самого, так его икры (3) и приплода, но, не получая достаточного количества пищи, останавливается в своем росте. Тышкинский чебак кроме своей мелкости отличается еще белесоватостью и относительною длиною; он, как выражаются, очень прогонист, что, конечно, тоже зависит от вышеупомянутого условия. В довершение всего он здесь какой-то необыкновенно вялый и хворый, и хотя вообще при удачных тонях много рыбы давится в мотне и вытаскивается уже снулой, но это всего более относится к тышкинскому чебаку. В последнее время вследствие вылова рыбы и появления мормыша вышеупомянутая задержка развития уже не имеет места в полном значении слова: тышкинский чебак, прежде не более четверти фунта и не дороже 15—18 к. за пуд, впрочем, десять лет назад увеличился вдвое и продается теперь до 60 к., даже более. Но во всяком случае это явление представляет большой интерес, а что оно обуславливается недостатком пищи — видно из того, что тышкинский чебак, пересаженный весной в кормное озеро, к осени увеличивается с лишком в пять, а через полтора года в шестнадцать раз: из шестнадцати чебаков на фунт к открытию зимнего лова каждый из них весит треть фунта, а к следующей зиме каждый из них — фунтовик!

Всего удивительнее, что главною причиною подобного быстрого прироста рыбы и этого неистощимого рыбного богатства Зауральских озер является ничтожный рачок величиною около полудюйма и известный в зоологии под названием бокоплава — *Gammarus*, а у местных жителей Оренбургского края и сибирской половины Пермского, где он распространен до Петропавловского завода, а может быть и севернее 60° с. ш., — под именем мормыша. Мормыш составляет главную, исключительную пищу здешних рыб; все другие мелкие беспозвоночные не имеют сотой доли его значения, (4) и все рыбы, начиная от хищной щуки до травоядного карася, в большей или меньшей степени, и притом круглый год, кормятся этим ничтожным рачком, который местами, в особенности в карасях — няшистых — озерах, встречается в таком невероятном множестве, что за ночь буквально поедает все выставленные сети. Навряд ли кто может сказать утвердительно, что такая рыба, как окунь и плотва, может где-нибудь в России в полтора года своего существования достигать фунтового весу, а между тем это здесь неоспоримый и общеизвестный факт, хотя и не имеющий всестороннего применения. Во всем Зауралье нет почти ни одного озера без мормыша, но коренное местопребывание его все-таки проточные и непроточные няшистые озера, населенные карасями, менее других рыб употребляющими животную пищу. Главным же истребителем мормыша является ерш, который как летом, так даже в еще большей степени зимой буквально набивается им по горло и, несомненно, только ему обязан своей необычайной величиной, неслыханной в России.

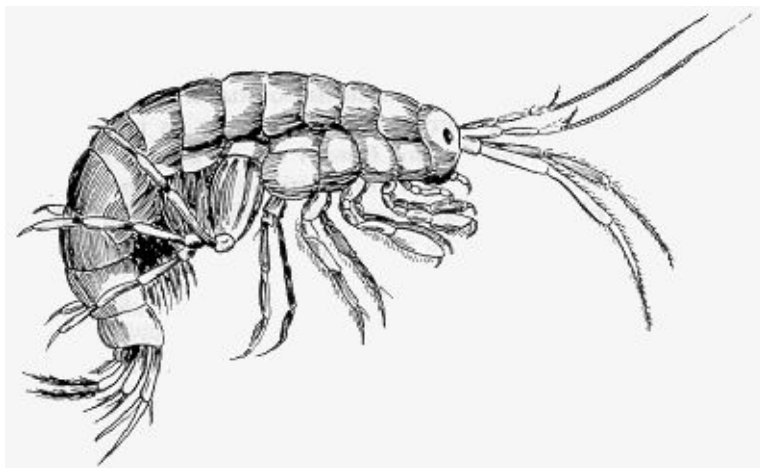

Рис. 2. Мормыш

При громадном запасе гниющих растительных, отчасти животных остатков, образующихся на месте или вносимых в проточные озера многочисленными речками, ручьями и дождевыми потоками с самых вершин Уральских гор, при таком почти неисчерпаемом источнике, очевидно, существование мормыша, а следовательно, и обилие рыбою обеспечено на долгие времена; это тем более вероятно, что все настоящие горные озера имеют сообщения с горными реками и такую значительную глубину, что о вылове рыбы не может быть и речи. Другое дело в степных, непроточных, более мелких озерах, где нечего ожидать прибыли извне; но зато эти самые озера имеют несравненно более богатую флору водных растений, большею частию иловатое дно и еще в сильнейшей степени способствуют размножению пресловутого мормыша. В таких озерах, конечно, нет ничего мудреного выловить в один год почти всю рыбу, но тут-то мы и видим то поразительное соотношение, которое существует между пищею и потребителями. Предположим, что в данном озере рыба размножилась до такой степени, что мормыш почти окончательно истребился. Необходимым следствием будет весьма незначительный прирост рыбы, вынужденной питаться исключительно растительной пищею и в весьма незначительном количестве употребляющей животную. Последующие поколения этой рыбы по мере дальнейшего уменьшения пищевых веществ постепенно уменьшают свой прирост, и наконец наступает такой момент, что озеро будет заключать в себе громадное количество рыбы, большею частию очень мелкой и остановившейся в своем росте. Допустим далее, что озеро это начинает постепенно вылавливаться все более и более; оставшаяся рыба соответственно этому постепенно получает большее количество пищи, которая прежде была едва достаточна для образования икры, не говоря уже о приросте; в то же время уцелевшие или просто случайно занесенные рыболовами-удильщиками мормыши начинают, в свою очередь, необыкновенно быстро размножаться под прикрытием все более и более развивающейся растительности; уцелевшая рыба и ее новый приплод в один год вырастает вдесятеро более, чем при прежних неблагоприятных условиях, и озеро, по-видимому окончательно выловленное, через два года снова доставляет арендатору богатый доход, тем более значительный, что пуд крупной рыбы в несколько раз ценнее пуда мелкой. Подобный замечательный пример мы видим на озере Тышках, много лет к ряду доставлявшем баснословное количество мелкой и малоценной рыбы: до последнего времени менее пятисот пудов не вытаскивали, и только очень недавно количество это уменьшилось в значительной степени; вместе с тем появился мормыш, и оставшаяся рыба сразу получила более высокую ценность. (5) Само собой разумеется, что такой случай прекращения прироста возможен только там, где живет только такой вид нехищной рыбы, которая бы питалась мормышом. Все необходимые условия для этого совмещает вполне один чебак, и отсюда ясно, что вполне неистощимыми озерами могут назваться только населенные одним этим видом.

Последний чаще других рыб подвергается различного рода болезням. Мы уже упоминали о болезненности чебака в Тышках, но внезапный, иногда совершенно необъяснимый мор в большинстве случаев относится именно к этой рыбе, которая вдобавок еще чаще других страдает как от наружных, так и от внутренних паразитов. Например, в Калдах, (6) где чебак составляет главную массу рыбы, он исключительно перед другими видами содержит в кишечном канале больших ленточных глистов, вследствие чего часто задерживается и даже вовсе прекращается развитие икры; вообще Калды, несмотря на свою величину, в чем мало уступает почти рядом лежащему Чебакулю, заключает в себе весьма невкусную и малоценную рыбу. Впоследствии мы будем еще иметь случай говорить о болезнях рыб и видимых причинах этих болезней, а теперь, оставив в стороне Челябинские и Троицкие озера, весьма мало нам известные, перейдем к Шадринским.

Горные озера со своими более или менее обрывистыми берегами, окаймленными тесною стеною крупноствольного хвойного леса, конечно, величественны и живописны, но живописность эта имеет, однако, какой-то угрюмый и мрачный характер. Совсем другое дело чисто степные

озера. Пологие берега их, иногда совершенно лишенные древесной растительности, придают им вид какой-то безграничности, вполне гармонирующей с окружающей равниной: гармония эта в редких случаях нарушается одиноко стоящими березами, между тем как прибрежные тальники вполне сливаются с береговыми очертаниями. И сколько, однако, жизни в этом кажущемся однообразии, жизни, обусловливаемой рыбным богатством этих озер, в свою очередь зависящим от необычайного изобилия растительной и животной пищи! В сравнении со степными горные озера кажутся совершенно пустынными и необитаемыми.

Эта противоположность особенно резко выражается весной и осенью, когда на этих степных озерах присоединяются к местным массы пролетных птиц с дальнего севера и большая часть выведшихся на горных озерах. В разнообразии и богатстве фауны Шадринские и Челябинские озера не имеют тогда ничего подобного; но и летом, когда разнообразие это уменьшается в значительной степени, птичье население их поражает своею многочисленностью: крикание и свист уток, гоготанье гусей и пронзительный крик бесчисленных чаек и крачек издали дают знать о присутствии озера, так сказать, центра животной жизни, около которого группируется почти все степное население, привлекаемое отчасти легкою добычею, отчасти прибрежными кустарниками и деревьями.

Во главе Шадринских озер стоят два огромные озера, почти не уступающие величиною Увельдам и Иртышу, — Маян и Увельки; второстепенное значение имеют Айдакуль, Тарталым и многие другие тоже значительные водоемы, перечисление которых будет совершенно излишне. Самое замечательное озеро, бесспорно, Маян — настоящий представитель степных озер, до сих пор дающий громадные, баснословные уловы, которые на других озерах Пермской губернии давно уже сделались анахронизмом. Неиссякаемость его рыбного богатства, в свою очередь, имеет необходимым следствием бесчисленное множество водяных птиц, и в этом отношении Маян тоже имеет себе подобных только в Оренбургской губернии.

Маян — озеро совершенно замкнутое, не имеющее никаких истоков; через это, во-первых, пищевые вещества, состоящие из многочисленных гниющих растительных остатков, которые служат через посредство мормыша и других ракообразных, равно как и личинок насекомых, а также и непосредственно к увеличению прироста рыбы, не уносятся в реку, а, так сказать, капитализируются; во-вторых, сама рыба не имеет никакой возможности уйти в реку или другое озеро. Рыбопромышленники, конечно, косвенным образом озаботились о равновесии между пищей и ее непосредственными потребителями — рыбами, но жадность их не могла все-таки исчерпать громадного рыбного богатства этого огромного озера и имела следствием большой прирост. Наоборот, в один год отдыха прирост этот уменьшается в значительной степени; после трехлетнего прекращения ловли неводом она здесь почти прекращается, и главную массу рыбы, остановившейся в своем дальнейшем развитии, составляет мелочь: является необходимая потребность, так сказать, процедить рыбу и через это дать возможность мелкой достигнуть к следующей зиме вдвое большей величины. Таких предусмотрительных арендаторов, однако, почти вовсе нет: вся деятельность их в этом отношении заключается единственно в невольном, даже вынужденном выбрасывании рыбы, пойманной весной в т. н. садки, т. е. кормные озера. Польза же подобных отдыхов очевидна до такой степени, что не понятно, почему большинство рыбопромышленников не следует этому необходимому правилу: факты говорят положительно, что озеро совершенно выловленное, т. е. дающее большую часть холостые тони, через 3—4 года дает уловы, каких не запомнят и старожилы, и один-два года такой благоразумной ловли дает больший доход, чем двенадцатилетняя аренда при непрерывной ловле неводом.

Маян, однако, не глубок — не глубже 5—6 аршин, и эта относительная мелкость несколько уменьшает его прочность на будущее время и не так обеспечивает одинаковость уловов, как это мы видим в горных озерах, глубина которых не позволяет выловить всю рыбу и

дает возможность ловить в одинаковой мере целые десятки лет. Однако, как мы уже видели, и здесь косвенным образом пополняется убыль рыбы: годами она уходит вглубь, недостижимую неводом, и держится там в продолжение всей зимы; необходимым следствием этого трудно объяснимого обстоятельства является значительное увеличение уловов следующих зим.

В этом отношении, т. е. в отношении глубины, Тарталым, имеющий до 3-х, даже более сажен и принадлежащий к числу озер средней величины, занимает первое место между Шадринскими озерами; вследствие этого он ценится арендаторами сравнительно очень высоко, значительно выше гораздо большего, но мелкого Айдакуля. За всем тем, независимо от больших или меньших удобств вылова, можно положить за правило, не переходя, впрочем, некоторых границ, что так как с уменьшением глубины озера количество пищевых веществ не уменьшается, а увеличивается, то при одинаковом пространстве озера, имеющее вдвое большую глубину, будет в состоянии пропитать только немного большее, иногда даже меньшее количество рыбы.

Положение это имеет, однако, некоторые пределы: лучшим примером для этого может служить уже отчасти знакомое нам Увельки, где, несмотря на огромное и постоянно увеличивающееся количество пищевых веществ, рыба вследствие постепенного мельчания озера постепенно уходила через исток в реку Караболку, частью выловилась, частью вымерзла или погибла от летних повальных болезней. Между тем еще очень недавно это огромное пересыхающее озеро в богатстве рыбы не уступало Маяну: но одна суровая зима, в которую оно вымерзло, затем сухое и жаркое лето окончательно истребили, частью выгнали всю рыбу; озеро, служившее, по-видимому, неисчерпаемым источником дохода и продовольствия окрестных башкирских селений, сразу потеряло все свое значение и превратилось в огромную, совершенно бесполезную лужу, из которой впоследствии образуется обширное и все-таки более полезное болото. Исчезновение рыбы, в свою очередь, имело последствием видимое уменьшение количества и разнообразия водяной птицы, которая если и до сих пор весьма многочисленна на Увельках, то единственно потому, что не осталось более никаких других потребителей огромных запасов пищевых веществ, которые заключает в себе это озеро.

Область озер в Пермской губернии не ограничивается, однако, вышеприведенными местностями Екатеринбургского и Шадринского уездов; она кончается несколько севернее Екатеринбурга и занимает некоторую часть Камышловского уезда, через который проходит граница чернозема и прежде сплошных березовых лесов: далее к северу и северо-востоку в Верхотурском и Ирбитском уездах начинаются уже бесконечные болота и низменные хвойные леса; вся местность принимает совершенно другой характер, напоминает тундру дальнего Севера, вероятно, имеет другое происхождение и, весьма возможно, обязана им именно Ледовитому океану.

Из этих крайних вод всего замечательнее озера, расположенные на севере, вернее, на северо-западе от Екатеринбурга, в самом Урале и истоках Исети и Пышмы, берущих из них свое начало. Аятское и Верх-Исетское озеро, Таватуй, Балтым — все это озера примечательные во многих отношениях, и об них можно было бы сказать многое, если бы дело могло обойтись без скучных и длинных подробностей. Вообще эти озера имеют уже несколько другой характер, отличный от Каспийских и Кыштымских: берега их более или менее болотисты, и они, так сказать, составляют переход к тундряным озерам, которые начинают встречаться, хотя в весьма ограниченном количестве, далее к северо-востоку и обыкновенно с течением времени рано или поздно образуют моховые трясиновые болота. Это в особенности приложимо к Аятскому озеру, лежащему у подножия Урала и со всех сторон окруженному обширными болотами. Таватуй и Верх-Исетское озеро занимают тоже около пятидесяти верст в окружности и, следовательно, принадлежат к числу наибольших озер Пермской губернии, но они скорее могут назваться горными, а из второстепенных бассейнов Балтым уже во многом напоминает степные озера;

вообще окрестности его составляют как бы оазис среди однообразия хвойных, исключительно сосновых лесов, которые в северо-восточном углу занимают огромное пространство, никак не менее 150 квадр. верст. Это одна из самых диких и пустынных местностей южной половины Пермской губернии, и в этом отношении с нею могут соперничать только т. н. Белые степи Красноуфимского уезда — обширная плоская, почти безлесная возвышенность, так сказать насквозь пропитанная ключами; последние дают начало многочисленным ручьям и речкам и обуславливают необычайно сильную растительность, почти достигающую человеческого роста и служащую приютом и убежищем северных оленей и множества косуль, которые собираются сюда летовать со всех окрестных дач.

Балтым представляет самое лучшее доказательство влияния окружающей древесной растительности на рыбное богатство озера. Несмотря на близость города, количество рыбы почти не уменьшается, (7) между тем как соседние даже большие озера не могут поравняться с ним в этом отношении: в последних рыба растет далеко не так быстро и, очевидно, имеет большой недостаток в пище. Это различие объясняется единственно окружающей растительностью и почвою: все эти озера, за исключением Балтыма, окружены сосновым лесом и имеют песчаное дно и песчаные берега; Балтым, напротив, окружен весьма смешанными и преимущественно березовыми рощами, растущими на почве, чрезвычайно изобилующей растительным перегноем. Последний, обязанный своим происхождением отчасти этим же лиственным лесам, в ряду питательных веществ микроскопической фауны озера имеет, очевидно, гораздо большее значение, чем песок, даже перегной хвои, вносимый в озеро; вообще можно принять за правило, что прибрежные лиственные леса имеют весьма сильное влияние на образование озерного ила и вместе с тем обуславливают и большее обилие рыбою. Рыбы в Балтыме действительно много, особенно окуня и ерша, опытному рыболову во время клева ничего не значит выудить два, даже три пуда рыбы, что при близости города (8) составляет весьма немаловажное количество. Балтым замечателен еще в другом отношении и представляет любопытное, хотя почти необъяснимое явление: один год клюет в нем только окунь, другой — ерш. Последний имеет здесь даже большие размеры, чем в озерах Каслинского Урала, и о величине с балтымским соперничает только таватуйский ерш, достигающий полуторафунтового веса.

Мелкие немногочисленные озера Сысертских увалов и довольно большие бассейны на границах Камышловского уезда замечательны более по отношению к птичьему населению, чем по рыбным ловлям. На небольших озерах близ Соснового выводится необыкновенное количество лебедей: здесь их десятки, даже сотни пар, гнезда расположены в нескольких аршинах одно от другого, даже рядом, подобно гнездам чаек и крачек на островах, лавдах Каслинских и Шадринских озер. Камышловские пограничные озера заслуживают внимания по громадному количеству пролетных казарок, которые десятками тысяч останавливаются здесь каждую весну и осень, нередко миную прочие более южные озера Зауралья. Судя по всему, Шаблиш, Куяш (9) и др. служат первою станцією, первым местом отдыха и пищи этих птиц, которые хотя выводятся несколько севернее, в Камышловском, Ирбитском и Верхотурском уездах, но исключительно живут на дальнем Севере, на бесчисленных островах устья Оби, где тоже гнездятся общественно, но в несравненно большем количестве, чем лебеди близ Соснового.

Большинство немногочисленных озер северо-востока Пермской губернии в Верхотурском уезде принимает уже тундряной характер и в большинстве случаев имеет вид совершенно замкнутых бассейнов; чаще и чаще встречаются полузатянутые и вовсе затянутые трясинной озерой; моховые болота — некогда бывшие озера — занимают огромные пространства. Единственными обитателями этих озер являются карась и озерной гольян, самые неприхотливые представители ихтиологической фауны; чебак, столь многочисленный в мелких степных озерах с песчаным дном, здесь уже является настоящею, хотя и весьма редкою речною рыбою и нисколько не отличается от

обыкновенной среднерусской плотвы, между тем как на юге он имеет некоторые, хотя и несущественные, отличия.

Вообще карась и озерной гольян во всех Зауральских, исключительно в горных и тундряных озерах, а чебак в степных составляют виды наиболее устойчивые и безразличные к изменениям озера. Между глубокими и обширными проточными озерами, изобилующими всякого рода рыбой, и озерами, подобно Увелькам, окончательно лишившимися своего рыбного населения, существует множество переходных ступеней. По мере исчезновения протоков, уменьшения глубины, обособления озера и его пересыхания исчезают различные виды рыб, и, наконец, смотря по свойству дна, озеро содержит только чебака или карася, реже оба вида вместе. Настоящие проточные горные или приуральские озера — Иткуль, Синара, Каспийские и проч., — через которые протекают Синара, Теча и Исеть, имеют все породы рыб, водящиеся в этих реках, хотя, конечно, и здесь вследствие многочисленных условий мы встречаем перевес одних видов над другими. В небольших, но глубоких уральских озерах, имеющих только исток, мы не встречаем более многих рыб; прежде всего удаляются гольян (*Phoxinus laevis*), голец (*Cobitis taenia*), пескарь и веретей (?) (*Cobitis barbatula*) — собственно речные жители, только заходящие в озера и по преимуществу зимой. Но во многих из них как налим, так и елец еще живут в продолжение некоторого времени, особенно после нереста.

По мере уменьшения глубины озера оба вида эти окончательно исчезают: налим, не находя там достаточно свежей воды, уже не доходит до него, хотя и продолжает жить в истоке; вследствие той же причины — мельчания озера и увеличения количества ила — елец тоже перестает посещать озеро. В таких все еще проточных озерах живут, однако, все остальные виды рыб, но по мере дальнейшего уменьшения глубины и увеличения иловатости исчезает из него язь; далее с постепенным уменьшением истока линь, доселе находивший все благоприятные условия для своего существования, удаляется, в свою очередь, и мы получаем третью категорию озер — полупроточных, к которым относятся Бердениш, Кожаккуль, Куяш и мног. друг., где живет щука, ерш, чебак и карась. При дальнейшем обособлении бассейна протоки совершенно исчезают и озера освежаются временно весной или после проливных дождей притоком воды в бывшие протоки. В таких временно проточных озерах (Карагуз, Малый Аллак), с иловатым дном в особенности, количество ерша уменьшается, и наконец, весной или осенью, он вовсе уходит отсюда, как это можно наблюдать в Куяше и Кожаккуле, где ерш, прежде необыкновенно многочисленный, в последнее время почти совершенно перевелся. Вслед за ершом постепенно вылавливается окунь, уже не находящий удобных мест для нереста; в больших замкнутых озерах он, однако, еще может существовать, хотя чебак и карась или один из них, видимо, берут перевес над ним; но в малых замкнутых озерах окуня уже нет, хотя щука все еще продолжает держаться. При постепенном обмелении или затягивании озера трясиной щука исчезнет, в свою очередь, и мелкие озера с песчаным дном заключают только одного чебака, няшистые — только карася и озерного гольяна. При дальнейшем пересыхании даже полупроточного, но вымерзающего озера, как это мы видели на Увельках, жизнь какой бы то ни было рыбы становится немыслимой; один только карась еще может иногда прозимовать в глубокой няше хотя бы и мелкого озера, и вообще этот вид является наиболее индифферентным: озеро почти окончательно затянулось трясиной и превращается в зыбкое болото, а карась все еще живет в нем. Вообще же можно принять за правило, что для существования рыбы необходима глубина, несколько превышающая толщину льда, который иногда достигает здесь пяти, а на глубоких уральских озерах даже шести четвертей.

III

Мертвая тишина царствует на озерах, и это безмолвие, нарушаемое только человеком, который спешит воспользоваться ледяным покровом, чтобы извлечь из них наибольшую пользу, представляет резкий контраст той жизни, которая кипит здесь в другие времена года.

Но вот наконец март — наступает весна; все сильнее и сильнее греет солнце; тонкий наст уже не выдерживает днем тяжести охотника; с глухим гулом садится снег, и белая пелена его потемнела местами; почернели дороги. Еще в первых числах быстро тают неглубокие снега на полуденной стороне увалов и на рыхлых парах черноземной равнины, где уже показались глянцевиные грачи — первые весенние гости. Теплый ветер так и съедает снег, насыщенный дождем; горные ручьи текут все быстрее и быстрее; вода прибывает в них с каждым днем и постепенно заливают тонкий лед речек и рек, которые имеют здесь еще весьма незначительные размеры; наконец, в исходе месяца она подтачивает этот лед, остатки его всплывают и силою течения выбрасываются на берег на крутых заворотах реки или нагромождают в теснинах недолговечную, но нередко довольно высокую ледяную преграду, обуславливающую иногда значительные разливы рек в самом Урале. Но вся эта весенняя вода, принимаемая проточными озерами и задерживаемая заводскими плотинами, не оказывает, однако, почти никакого влияния на дальнейшее течение реки и в черноземной равнине, где неглубокие снега тают с большой постепенностью и большая часть снеговой воды уходит в рыхлую почву, разливы уже вовсе не приметны: здесь реки прибывают в незначительной степени и никогда не выходят из берегов.

Но увеличивающейся теплоте и напору речных вод долго не одолеть ледяного покрова озера, который, особенно на глубоких горных бассейнах, как мы уже видели, достигает громадной толщины. Прежде всего именно в середине апреля образуются закраины у устьев рек и ручьев; на непроточных степных озерах сначала тоже около этого времени отъедает берега в прибрежных камышах и тростниках: снег быстро тает на поверхности озера, весенние ручейки скатываются с берегов, и эта коренная и прибылая снеговая вода уходит в щели, образованные водяными растениями, постепенно увеличивает эти щели и превращает лед в решетчатую массу; последняя очень скоро рыхлеет и тает на месте.

На этих закраинах и скучивается вся масса прилетных водяных птиц, которые в скором времени разлетаются по местам или улетают далее на север. Но в начале весны почти все животное население группируется около устьев горных рек, и эти поймы до середины, даже конца апреля представляют самую оживленную и разнообразную картину. Обилие пищи привлекает сюда множество хищников, куликов, пташек, и вот почему первый момент прилета имеет место не на степных непроточных озерах, хотя они, как мы увидим, очищаются ото льда ранее горных, а в Урале.

Настоящий прилет птицы начинается по вскрытии горных рек, т. е. в конце марта; только орлы и беркута, иногда зимующие, показываются несколько ранее. В первых же числах в Урале начинает токовать по зарям краснобровый глухарь, дико ухает по ночам филин, и при этих звуках — вестниках наступающей весны, — звуках, нарушающих невозмутимую тишину бора, радостно бьется сердце охотника, которому уже наскучило однообразие зимней утомительной охоты.

Но вот на речных и озерных полыньях показались лебеди, далеко отдается в горах их звучный крик; вскоре к ним присоединяются гоголи и, неумоимо ныряя, охотятся за рыбой, почуявшей свежую, обильную воздухом воду. Прилетела скопа и, зорко высматривая рыбу, редко дает промах: от ее цепких когтей не избавляется и проворная щука, если только не оказывается сильнее своего врага и не увлекает его безвозвратно в глубину. Черный коршун уже хватает мелкую рыбешку, плавающую на поверхности; многочисленные трясогузки, неумоимо помахивая длинным хвостом, прытко бегают по берегу; в камышах прыгают болотные воробьи,

подбирая осыпавшиеся семена; в прибрежных кардашах (10) свистят голубые лазоревки, прочие синицы и ранние птички. Наступает апрель; горные речки разливаются все более и более, постепенно подмывают у своего впадения ледяной покров озера и наполняют последнее; лед отрывается от берегов и с каждым днем утончается. Быстро тает снег на озере, снеговая вода, образовав сначала наледи, уходит под лед, разрыхлив его; закраины образуются и в других местах, особенно в курьях — камышистых и травянистых заливах; лед синее все более и более, только там и сям белеют снежные сугробы, нанесенные снежными метелями около прорубей; скоро он будет уже не в состоянии сдерживать рыбаков и глухо трещит даже под досками, подкладываемыми для большей безопасности; берега все более и более отъедаются, и закраины образуют, наконец, узкое, неправильное и быстро расширяющееся кольцо. Главная ледяная масса остается, однако, неприкосновенной до конца апреля, а на некоторых горных бассейнах и гораздо долее.

Еще в первых числах месяца на очистившихся разливах рек и на закраинах озер появляются многочисленные породы уток, крохали; целыми тучами летают большие рыболовы; в камышах гогочут стаи гусей, которые, впрочем, скоро вместе с кряквами переселятся в болото, далеко не дождавшись окончательного вскрытия озер. В воздухе уже слышится то заунывное курлыканье журавлей, напоминающее валторну, то свист утиных крыльев или токованье бекаса; на прибрежных лугах, надоедая своим пронзительным криком, кружатся, ловко перевертываясь на лету, десятки, сотни пугал, а в курьях зорко стерегут рыбу ленивые, неподвижные цапли.

Обратимся, однако, к главным — подводным обитателям озера. Вообще вся рыба, почуяв полую воду, выходит из глубины, жмется к берегам и идет в ручьи и реки против течения. Этого требует и самый организм их, нуждающийся для развития икры в большом количестве воздуха, что в особенности относится к рыбам, в скором времени начинающим нерест: ельцу, щуке, язю, которые все мечут икру, как только начнут образовываться закраины.

Прежде всех еще в середине апреля нерестится, или, по местному выражению, играет, елец. С первых чисел месяца целыми массами идет он из озер в ручьи и реки; вообще он мечет икру только в проточной воде и может жить только в проточных озерах, да и там придерживается ходовой воды. К середине апреля здесь не остается ни одного ельца: даже прошлогодние, не имеющие икры, следуют всеобщему стремлению и вместе с икрянниками и молошниками, вдвое малочисленными и отличающимися от самок беловатыми зернышками на чешуе, особенно заметными на голове, входят в быстротекущую воду и, если бы человек не старался всюду расставлять преграды этому движению, дошли бы почти до самых верховьев, где во всякое другое время года живет только один голец.

Еще прежде, в марте, когда елец выходит из глубоких озерных ям, где он «словно потеряется» на всю зиму, ловят его в большом количестве на морыша или червяка, если трудно бывает достать первого, что в это время — самую горячую пору для ужения — случается довольно часто. Но все-таки эта добыча ничтожна в сравнении с количеством, добываемом позже, во время самого нереста, который имеет место около 12—15 апреля. Так называемыми мордами, которые, в сущности, не что иное, как среднерусские верши, ловят их целыми возами и, конечно, продают за бесценок. В самый разгар хода в одну и ту же морду рыба набивается по самое горло по пяти раз в день, что составляет приблизительно до 10 пудов.

Рис. 3 Цапли (*Ardea cinerea*)

Играет и ловится только двухгодовалый, 2 1/2 — 3-хвершковый елец и старые; большая часть годовиков уходит через прутья не особенно частой морды. Самое метание икры производится, подобно большей части рыб, целым руном, почти всегда составленным из рыб одного возраста, всегда в прибрежных осоках. Икра выпускается здесь целыми грудками: в конце апреля все плоские берега Вязовки, Будыма положительно улеплены ельцовой икрой; громадное количество ее поедается рыболовами, утками, воронами, которые все жадно истребляют и самих рыб, идущих густыми стаями; еще большая часть по спаду воды остается на мели и высыхает, не достигнув окончательного развития. Ловля ельцов бывает еще добычливее, когда река внезапно сбует и рыба очутится в ямах и побочных пересыхающих руслах; здесь ловят ее самым первобытным способом — подолами, штанами, завязанными на концах веревочками, и выбрасывают прямо на берег. Несмотря на все, молоди бывает еще так много, что количество ельцов убавляется в меньшей степени, чем какой-либо другой рыбы, но это зависит, конечно, не от количества икры, которая, напротив, отличается своею крупнозернистостью, но единственно от неудобства ловли неводом, который не в состоянии захватить глубоких ям, служащих исключительным местопребыванием ельцов в зимнее время.

Между здешними рыбаками весьма распространено странное мнение, что зародыш ельца образуется через слипание четырех икринок; подобный предрассудок существует и относительно развития шук; но, конечно, нечего и сомневаться в невозможности и нелепости подобного факта, в котором, однако, твердо убеждены и волжские рыбаки.

По окончании нереста, обыкновенно в двадцатых числах или исходе апреля, ельцы возвращаются обратно в озеро; в реке остается только небольшая часть, так как им далеко нет здесь того простора и того обилия пищи — обилия, необходимого для рыбы, изнуренной продолжительным постом, плаванием против быстрого течения и, наконец, самим процессом нереста. Последний весьма любопытен и наблюдается едва ли не легче, чем у других рыб. С невысокой крутизны речного берега в неглубоких заводях, несмотря на помутневшие воды обыкновенно прозрачной, как кристалл, речки, ясно видны тысячи ельцов; ярко сверкая своею

серебристою чешуею, исполняют они немногими виденную рыбу пляску; шум и плеск играющего ельца, вообще отличающегося своим проворством и живостью, заглушает журчание быстротекущей речки и бывает слышен за несколько десятков сажен. Елец, однако, довольно осторожен, и потому его можно наблюдать только при соблюдении достаточной тишины и некоторых предосторожностей, что, впрочем, вполне вознаграждается этим необычайным и невиданным зрелищем.

Выметав икру, елец, значительно уменьшившийся в численности, идет в глубину озера и отдыхает там в продолжение недели; затем он снова подходит к берегам, где уже образовались очень большие закраины, и начинает жадно клевать на червяка, что бывает обыкновенно в конце апреля или в первых числах мая, когда у молошников уже не замечается более вышеназванных беловатых крупинки и самцы уже трудно отличаются от икрятников. Этот непродолжительный отдых после нереста, уход ее вглубь и затем жадный клев — явления, общие почти всем рыбам.

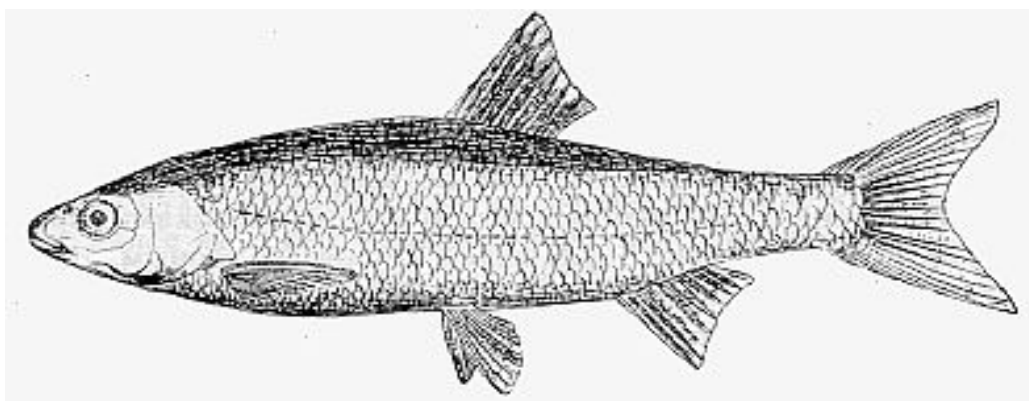

Рис. 4. Елец

В конце апреля, как было сказано, у большей части озер образуются большие закраины, но дальнейшая судьба ледяного покрова, представляющегося огромным, большею частью нераздельным островом, бывает весьма различна у горных и степных озер, и вообще надо принять за правило, что чем открытее местность озера, тем скорее очищается последнее. При сильных весенних ветрах, изменяющих свое направление, плавучая масса уже рыхлого и нетолстого льда прибивается поочередно то к тому, то к другому берегу; часть его выпирается на прибрежный песок и тает уже здесь; в центре постепенно образуются трещины, увеличивающиеся все более и более и, наконец разъединяющие всю массу на несколько льдинок, которые при сильном ветре разбиваются на еще более мелкие и недолговечные куски; середина озера постепенно очищается, и льдины собираются уже к подветренной стороне. В глубоких горных озерах, имеющих более толстый лед и защищенных от ветров, отчасти и солнечных лучей близстоящими горами и увалами, окончательное вскрытие сильно замедляется; эта разность бывает иногда весьма значительна и достигает нередко десяти, иногда даже четырнадцати дней: часто случается, что на степных озерах не остается и десятой доли ледяного покрова, между тем как в Урале, хотя и не без риску, продолжают ходить, удить и даже ездить. Прежде всех вскрываются озера Шадринского уезда, не защищенные лесом; вслед за ними — степные озера Екатеринбургского — Чебакуль, Калды, Куяш; несколькими днями позднее очищаются приуральские бассейны, каковы Иртяш, Касли, Силач; еще позже Синара и после всех Ташкуль и Иткуль. В последнем лед держится на середине до Вешнего Николы, иногда даже до 15 мая.

Сообразно с этим различием окончательного вскрытия различно и время нереста рыбы, который все-таки находится в некоторой зависимости от температуры воды, а иногда и вполне обуславливается ею. Возьмем для примера Каслинские озера. Вся весенняя рыба прежде всего играет в Силаче, в Синаре — 3—5 днями позже, спустя еще три дня — в Окункуле, Татоше;

разница между нерестом одной и той же породы в Силаче и Иткуле достигает восьми, даже десяти дней. Со степными озерами это различие заметно еще более, и можно принять почти безошибочно, что нерест рыбы в 2-х различных озерах совершается столькими днями ранее или позднее, насколько ранее или позднее они окончательно расчищаются. Нельзя не заметить, однако, что в Каслинских озерах, соединенных между собою протоками, правило это для непосвященного покажется не совсем верным. Дело в том, что здесь почти всюду бывает так называемая сборная рыба, которая вследствие известной степени развития икры, частью унаследованной привычки, играет почти одновременно, как и в коренном озере. Отсюда происходит тот замечательный факт, что в проточных водоемах рыба играет не только более продолжительное время, но даже в несколько приемов, в несколько различных сроков, отделенных несколькими днями один от другого. Опытный рыбак, однако, очень хорошо знает, какая рыба мечет икру — коренная или пришлая; во-первых, последняя всегда гораздо многочисленнее первой; во-вторых, и чебак, и окунь, и щука, и проч. в различных озерах, смотря по составу и цвету воды, большому или меньшему изобилию пищи и вследствие других условий, имеют некоторые различия в окраске и форме, различия большею частью неприметные для непосвященного, но очевидные для зоркого и наметавшего глаза рыболова, выросшего на озерах. Рыба может прийти уже давно, но все-таки она сохраняет свою типическую окраску и форму, все-таки нерест ее совершается почти в то же время; но потомство ее уже мало отличается от коренных обитателей озера.

Во второй половине апреля озера, особенно степные, имеют уже весьма оживленный вид. Многочисленные и разнообразные птички оглашают прибрежные леса и кустарники своим пением; в ивняках, мелодически посвистывая, прыгают ремеза, собирающие здесь материал для своих артистических гнезд, основа и донышко которых уже белеются на концах длинных ветвей развесистых берез; (11) в окраинных болотах свистят красноногие травники, пролетные кулички, и, завидев человека или собаку, безумолчно стонут долгоязыые болотные кулики, вместе с травниками и пигалицами составляющие главное болотное население. Первое время по прилете все эти кулики вместе с кроншнепами держатся на иловатых берегах или лавдах. В последних же скрываются еще гораздо ранее прилетевшие бесчисленные бекасы; неумоимо копаются они в жидкой грязи плавучих кочек, и в воздушной выси уже давно слышится их оригинальное бление, производимое сотрясанием распущенного хвоста. На уральских озерах голенастое население гораздо малочисленнее, но зато оно имеет там других представителей: здесь по преимуществу раздается звонкий свист речного и лесного кулика (*T. glottis et ochropus*) и жалобный писк перевозчика (*Actitis*).

Вся эта голенастая птица не принадлежит, однако, к настоящим обитателям озер: она только временно гостит на их берегах и островах и скоро окончательно перебирается в окрестные болота, даже сухие равнины, как, например, большие кроншнепы, или летит далее на север. Главные, коренные жители озер — лысухи, большие и малые гагары, красноголовые нырки, выпь, черные и белые крачки, маленькие рыболовы, составляющие три четверти пернатого населения озера, степного по преимуществу, — прилетают тоже около середины апреля, когда уже образуются большие закраины, очистятся все камыши, когда всюду в лесах расцветет желтый прострельник — первый весенний цветок Зауралья, в болотах заквакают лягушки, впрочем здесь немногочисленные, и под влиянием лучей апрельского солнца быстро начнет набухать березовая почка.

Около Егорьева дня, т. е. 23 апреля, в степных озерах начинает играть щука, которая в горных нерестится значительно позднее: в Иткуле обыкновенно около вешнего Никола, т. е. двумя неделями позже. В очень холодную весну игра щуки, да и некоторых других рыб, вообще запаздывает на целую неделю, и в холодный апрель в уральских бассейнах первая мечет икру даже в середине мая. Это, впрочем, весьма понятно и зависит от известных причин, но в низовьях Волги

нерест щуки представляет весьма любопытное и пока совершенно необъясненное явление: известно положительно, что здесь она мечет икру почти после всех рыб, между тем как в верховьях и среднем течении она, как и у нас, нерестится очень рано, прежде, чем реки, а тем более озера совершенно очистятся от льда. Объяснение этого странного исключения из общего правила надо, конечно, искать в каких-нибудь особенных условиях нижнего течения Волги.

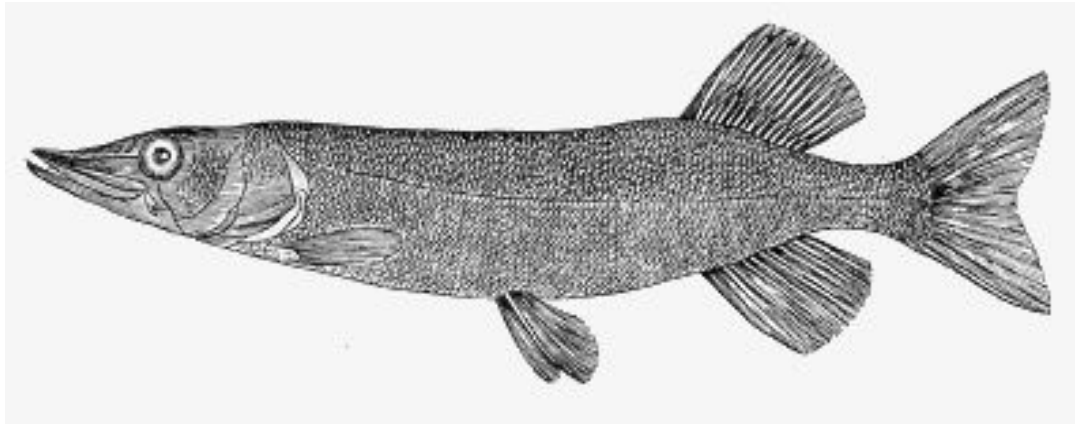

Рис. 5. Щука

В противоположность большинству рыб щука играет не рунами, а весьма небольшими артелями — штуки по три-четыре, в числе коих находится обыкновенно одна самка, так что молошников гораздо более икрыников. Вследствие этого, очевидно, большая часть выметанной икры оплодотворяется, чего далеко нельзя сказать о другой рыбе, у которой, частью по недостатку самцов, частью по неправильному распределению их между самками, даже вследствие самой тесноты и безалаберной давки много икры и молок вытекает и пропадает совершенно понапрасну. При огромном количестве щучьей икры не было бы никакого сомнения в необычайном размножении этого хищника, в конечном истреблении всех других видов рыбы, за исключением окуня и хорошо себя отстаивающего ерша, если бы большая часть икры, выметанной щукой, не оставалась на высыхающих разливах и болотах, множество самой рыбы не пропадало таким же образом и если бы громадная масса щуки, необыкновенной смирной во время нереста, в чем ей уступает тогда даже язь, не делалась добычей человека и хищных птиц, например скопы, коршуна, белохвостика. Впрочем, двум первым достаются только небольшие щуки и шурята; большие, полупудовые, даже меньшие щуки уже в состоянии утащить своего неожиданного всадника в глубину, и последний — всегда смелая и цепкая скопа — платится жизнью за свою дерзость. Только белохвостики, далеко, впрочем, уступающие в ловкости скопе, пожалуй и коршуну, могут справиться с такими большими рыбами, которые в другое время очень редко делаются его добычей.

Щука мечет икру обыкновенно по третьему году, когда уже бывает здесь более полуаршина. Прежде всех играет не самая крупная, как у всех других озерных рыб, а самая мелкая, потом средняя и, наконец, самая большая, иногда даже с небольшими промежутками, отчего нерест продолжается чрезвычайно долго, дольше, чем у всех других рыб, — нередко недели две, что, конечно, тоже способствует ее более успешному лову. Много щук ловится еще перед игрой мережами, когда они только лезут в камыши и плавают у закраин. Самый нерест имеет, однако, место не здесь, а на самых мелких местах, в осоке, заливаемой водой озера, или реки; вследствие этого часто случается, что они заходят на далекое расстояние от русла реки или летнего ложа озера и нерестятся не только в пересыхающих болотах, но и на твердых, обыкновенных сухих, берегах. В это время часто приходится наблюдать щук на такой незначительной глубине, что спина их высывается из воды. Потом после внезапной убыли воды, особенно на разливах рек, им предстоит много отчаянных прыжков, и хорошо, если удастся

перевалиться или перепрыгнуть с разбега в текучую воду или хотя глубокую яму и «ширф». (12) Без сомнения, множество этой рыбы остается на мели и рано или поздно делается добычей птиц и человека.

Наступает самая горячая пора для приозерного башкирского населения, где чуть ли не каждый вместе с тем и рыболов. Дело в том, что ельцы играют исключительно в уральских речках и ловятся, и то украдкой, заводчанами, а запрещение весеннего лова по смыслу заключаемого условия — хотя и здесь дело не обходится без некоторых притеснений со стороны арендаторов, — не касается самих вотчинников, главная масса селений коих расположена по берегам степных озер. Кроме того, щука водится не только во всех проточных, но даже и в так называемых карасьих озерах; при обширном распространении вместе с тем по своему количеству, величине и продолжительности нереста, который, заканчиваясь в одних озерах, начинается в других и длится иногда чуть не целый месяц, она представляет более верную и более ценную добычу, а также гораздо большее значение для жителей. Трудно хотя бы примерно вычислить все огромное количество этой рыбы, добываемое во время игры; ценность ее с наступлением теплой погоды, обуславливающей только местный сбыт, уменьшается вдвое-вчетверо; почти все население в это время, можно сказать, питается одной щукой, а потом во всю страду употребляет ее в соленом виде, но за всем тем численность ее уменьшается весьма незаметно, и прирост здесь более, чем у каких-либо других видов, вознаграждает ежегодную убыль. Впрочем, это объясняется отчасти и тем, что неводная ловля вряд ли доставляет большее количество щуки, нежели весенняя, и вообще относительно незначительна, что зависит от исключительности ее местопребывания и неудобства зимнего лова. Несомненно, по весу весенней добычи первое место между всеми другими рыбами принадлежит щуке.

Ловля ее весьма разнообразна и во многих случаях довольно оригинальна. Прежде всего, как только образуются небольшие закраины и вода начнет поглощать воздух, она подходит к камышам и всего охотнее плавает у самого края льда, что объясняется тем, что вода содержит тут наиболее воздуха, пузырьки коего освобождаются при таянии. Явление это свойственно, впрочем, всякой рыбе, а у щук выражено только несколько яснее. В это время, предвещающее скорое наступление нереста, обыкновенно ловят их мережами, и чем чаще запутавшаяся щука выпускает, бившись, икру, тем ближе эта с нетерпением ожидаемая пора. Проходит неделя, щуки начинают ходить уже целыми артелями: обыкновенно два-три самца, отличающиеся своею прогонистостью, преследуют одну толстую, как обрубок, самку; еще день-два — щуки окончательно теряют свою обычную осторожность, подходят к самому берегу озера, вступают в поднятые водой прибрежные болота и разливы рек; артели их уже представляются одною слившеюся массой: медленно и плавно самка то опускается на дно, то поднимается кверху, и темные спины увивающихся самцов иногда совсем высовываются из воды. Начинается самая главная, самая добычливая ловля. Башкирцы, а тайком и русские, ловят их сильями, колят острогой, бьют из ружья, огромное количество щук входит в тесный лабиринт котцов. С неподражаемой ловкостью, по колена в студеной воде подкрадывается башкирец к замеченной группе, не слышащей и не видящей его приближения, проворно накидывает на нее силок и вонзает острогу и, быстро затянув петлю или прижав ко дну свой семизубец, вытаскивает добычу — иногда целиком всю артель — на берег. Таким образом каждый рыбак ловит целые пуды, иногда даже десятки пудов щуки, но уже 15—20-фунтовый суртан доставляет много хлопот башкирцу, вообще не отличающемуся физической силой, и часто обрывает волосяной силок или выдергивает из рук острогу; поэтому добывается таким образом исключительно мелкая и средняя рыба. Гораздо удобнее стрелять крупных щук, и я сам был свидетелем, как башкирец убил из винтовки почти полуторапудовую щуку. Стрельба тоже весьма добычлива, но и здесь требуется некоторый, даже больший, навык, особенно когда приходится стрелять в щук, стоящих на некоторой глубине. Большею частью ловят и бьют их по

утрам или перед закатом солнца: в полдень шук как-то меньше видно, и они, вероятно, отдыхают; игра продолжается, однако, всю ночь.

Щука не любит заезков, т. е. плетней, или ряда кольев с промежутками для морд, и обыкновенно старается обойти их около берега или же перепрыгивать через эту преграду, если она не возвышается над уровнем более аршина. Поэтому ловля в морды незначительна, а гораздо более попадает шук в котцы, которые специально назначены для них и карасей. Устройство котцов, почти не известных в Средней России и чаще употребляемых в северных губерниях, очень просто, но вместе с тем и весьма своеобразно. Это не что иное, как ряд воткнутых сосновых палочек или драночек, расположенных в виде четырехугольного лабиринта на расстоянии дюйма одна от другой и наверху переплетенных для крепости мочалой или бечевой; ряд этот начинается от черты самого дальнего стояния воды и сначала идет на большее или меньшее пространство перпендикулярно к берегу, а потом начинает делать завороты, расстояние между которыми должно быть не шире четверти, чтобы рыба не могла поворотиться и уйти обратно. Чем более этих заворотов, тем менее вероятности, что рыба уйдет из этой оригинальной снасти. Щука, да и всякая другая рыба, трущаяся у самых берегов, встречая эту преграду, поворачивает в сторону, а войдя в узкий лабиринт, уже не в состоянии выйти из него и вытаскивается сачком или просто руками.

Количество зеленоватой икры щуки значительно, хотя в этом отношении она и уступает окуню, карасю и многим другим рыбам, известный ихтиолог Блох насчитал в шестифунтовой щуке более 136 000 икринок: могу прибавить, со своей стороны, что средним числом вес икры приблизительно равняется третьей части всего веса щуки, а у крупной это отношение еще более. Такое обилие икры составляет причину ее обширного употребления простым народом, который солит ее в большом количестве. Эта соленая щучья икра продается, однако, весьма дорого — около 15, даже до 30 к. с. за фунт.

В последних числах апреля или позднее, смотря по местности и состоянию погоды, когда щука уже отыграется и лов ее уменьшается в значительной степени, начинается нерест язя, а затем чебака, между которыми существует такое же отношение, как между ельцом и щукой. За исключением заросших и полузаросших, где живет только один карась, почти нет озер, где бы не было чебака, который вообще по своему количеству и количеству особей по преимуществу не имеет себе соперников, между тем язь живет только в проточных и, следовательно, исключительно горных и приуральских озерах и, подобно ельцу, весь, целыми массами идет играть в реки и речки.

Еще в середине апреля выходит он из глубины на более мелкие места озера и уже не выказывает своей обычной осторожности и юркости. Давно отъело лед от берегов, снеговая вода разрыхлила его, несмотря на подкладываемые доски, трещит и обламывается он под ногами лошадей и людей, а весновка, имеющая главною целию лов этой сторожкой и ценной рыбы, добыча которой во всякое другое время ничтожна, все еще продолжается. Весновкою и заканчивается собственно неводная зимняя ловля; в весьма редких случаях, при особенно дружной весне, и то большею частию в степных проточных озерах, эта опасная весенняя ловля не имеет уже места — невод забрасывается и вытягивается при помощи больших лодок, называемых здесь баркасами. Но для этого необходимы или очень большие закраины, или сильный ветер, который бы угнал всю массу льда в какую-нибудь одну сторону озера.

Как только речки войдут в берега, обыкновенно после Егорья, язь идет густыми стаями в устья и подымается все далее и далее против течения, пока не найдет удобных мест для метания икры, вслед за чем уцелевшие остатки его возвращаются обратно в озеро. Особенно замечательна в этом отношении речка Булдымка, куда входит для нереста почти весь язь соединенных между

собою Каспийских озер. Из Сунгула, Киретов, Каслей вступает он в Вязовку, но, так как там нет удобных мест для нереста, поворачивает отсюда в каменистую и быстро текущую Булдымку и, несмотря на ряды заезков, или, иначе, заязков, преграждающих ему путь и, вероятно, получивших от него свое название, доходит иногда до Булдыма — небольшого горного озера, которое дает начало этой речке. И теперь еще украдкой ловят здесь язей в большом количестве, но прежде, когда присмотр был далеко не так строг, да и не мог быть таковым, и сама речка с озерком еще не отдавалась в аренду, Воскресенские и каслинские заводские крестьяне буквально нагружали ими целые воза.

А язь вообще представляет для рыбака, как он выражается сам, лестную добычу, и в самом деле есть на что и польститься. Играет только крупная рыба, не менее фунта, т. е. на 3-м году своей жизни; подъязки — годовалые и двухгодовалые язи — не участвуют вовсе в этом стремлении взрослых в реки и, очевидно, остаются на глубине; несомненно только, что во время игры не ловится ни единого подъязка, и средним числом каждый пуд заключает в себе от 15 до 20 штук. Сначала, впрочем, играет самый крупный — пяти- и даже десятифунтовый и больший, но последние замечаются уже довольно редко; вообще крупный язь идет в реки почти всегда смешанными рунами, между тем как стаи более молодых и, следовательно, более многочисленных рыб заключают в себе только один ровняк каждая стая состоит, например, только из одних трех-, четырех- или пятигодовалых язей. Такие стаи, особенно трехгодовалых, бывают иногда весьма многочисленны, особенно когда только что вошли в устье реки и не успели подвергнуться истреблению. Судя по всему, они заключают в себе до пятидесяти и более пудов, и, следовательно, до 2000 штук. Количество это, хотя далеко уступает количеству играющего чебака и окуня, тем не менее очень велико; притом язиное руно имеет за собой еще то важное преимущество, что состоит только из крупной рыбы.

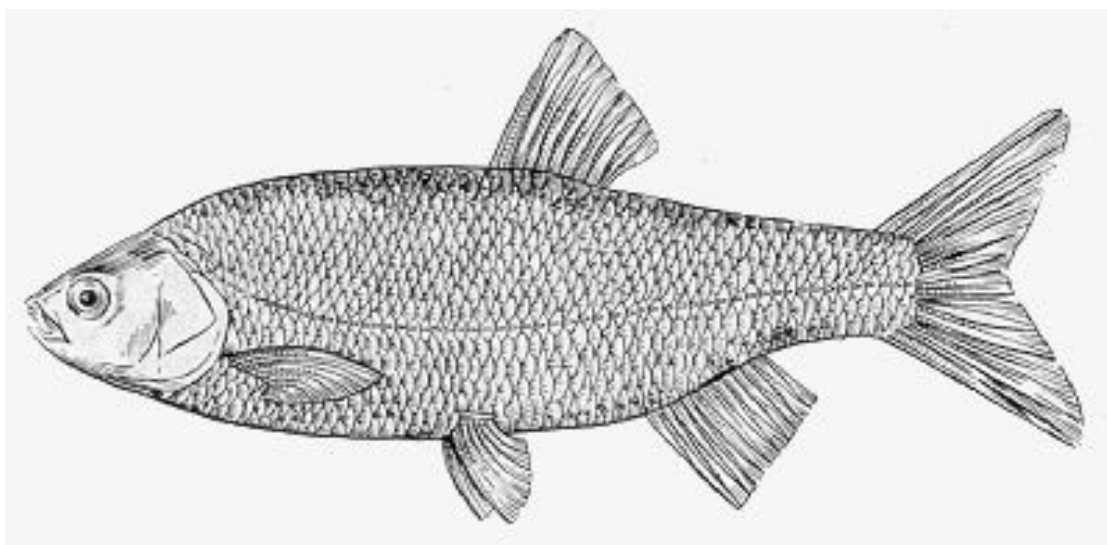

Рис. 6. Язь

Игра язя продолжается весьма недолго, всего ночи две, много три, так как он, подобно чебаку, нерестится по ночам. Во время нереста, как было сказано, язь теряет свойственную ему чуткость и осторожность; в самый разгар игры он еще смирнее щуки и часто случается наезжать на него лодкой. Однако и тогда он боится сильного шума не менее другой рыбы; бывает, что в этом случае он поворачивает назад и уходит несколько вниз или же перепрыгивает через заезки и вполне выказывает всю свою прежнюю бойкость и силу. Прыжки его действительно изумительны, и в этом отношении щука не может с ним соперничать; иногда с разбега катает он через плетень, торчащий на полтора аршина от поверхности воды, и стоит перепрыгнуть одному, как за ним следует вся стая без исключения; мы уже упоминали о том, что она почти всегда состоит из рыб

одинакового возраста и, следовательно, силы. Но если только передовой язь попадает в морду, последняя набивается битком, по самое горло.

Ловля в морды, однако, далеко не так добычлива, как ловля мережами и так называемыми фитилями. Заметив место, где собралась стая язей, а это весьма нетрудно, так как они играют на мелких каменистых быстринах и трутся всегда у самых камней, на которые выпускают свою икру, заходят пониже их и с шумом заганивают в расставленную повыше мережу или целый ряд их. Случается, что таким образом запутывается в сеть зараз до десяти пудов крупной рыбы, разумеется если только передний ряд ячей не окажется чрезмерно частым и мережа, как говорится, потрафит на руно.

Еще чаще для ловли язей употребляют т. н. фитили, которые имеют то преимущество перед мордами и необходимыми при них заезками, что удобопереносимее и не требует никаких приготовлений, что весьма важно для тайком ловящих рыбаков. Фитиль этот, называемый в Оренбургской губ. вятелью, — не что иное, как среднерусская крылена; он состоит из редкой сетки, сшиваемой бочкой, которая делается длиною и шириною в аршин или более и натягивается на три обруча; к обоим концам эта бочка постепенно суживается в виде конуса, оконечности которого должны быть не шире одной четверти; один конец фитиля втягивается внутрь бочки, привязывается там четырьмя нитками за последний обруч и составляет т. н. горло; другой же конец, называемый кутец, завязывается бечевкой. К переднему обручу привязываются две веревки для укрепления фитиля на месте. Обыкновенно фитили бывают снабжены наперед двумя крыльями, состоящими из редкой, т. н. трехпалечной, сетки, в полтора аршина вышины и двух-четырех длины; каждое крыло надевается на бечевку и растягивается с помощью трех палочек. При постановке кутец привязывают к колу и, натянув фитиль, разводят крылья (длина которых вообще созрывается с шириною речки) и притыкают к самому берегу, но не перпендикулярно к нему, а под некоторым углом; чем меньше угол образуют оба крыла, тем охотнее идет рыба в эту крылену. Иногда делаются и двугорлые фитили; они отличаются от обыкновенных, или, как называют их, одинарных, тем, что к заднему обручу привязывается другая бочка с двумя обручами и кутцом, а кутец первого обращается в горло.

Фитили сами по себе употребляются довольно редко, так как они все-таки вмещают не очень большое количество рыбы — не более 3-х пудов, и большинство язеного руна поворачивает назад. Вследствие этого реку пониже замеченной стаи перегораживают т. н. мотней, т. е. большим мешком, ячеи которого в противность настоящей неводной мотне делаются во избежание излишней тягости тоже как можно реже, почему она может быть употреблена только для самой крупной рыбы других видов. Загородив таким образом все стадо, что все-таки делается как можно осторожнее, начинают ботать, т. е. ударять по воде палкой с железной воронкой, которая производит чрезвычайно сильное и далеко слышное бульканье. Напуганный язь стремглав бросается вперед и, встретив на своем пути фитиль, набивается в него, а главная масса его поворачивает обратно и захватывается мотней. Нередко случается, что в последнюю попадает до шестнадцати и даже двадцати пудов рыбы; но, конечно, половина, даже большая часть язей успевает перескочить через крылья фитиля и верхнюю тетиву мотни, хотя вообще, надо заметить, они в это время не так опасаются сетей, как заезков, которых очень недолюбливают.

Таким образом ловится язь исключительно в Булдымке, реже в Иткульском истоке, куда он идет из Синарского озера, в Карабайке и других речках. Отыграв, он уходит вглубь, где держится недели две, после чего в течение трех ночей выходит на песчаные мели озера. В следующей главе мы увидим, как ловят их в таких местах и на глубине.

IV

Наступает май. Степные озера почти совершенно очистились от ледяного покрова, и лишь немногие рыхлые и тонкие льдинки громоздятся на подветренном берегу, быстро тая под яркими лучами весеннего солнца; всюду — в лесу, на лугах, полянах — желтеет прострельник; начинает разворачиваться березовая почка. На островах и прибрежных болотах целыми сотнями дерутся недавно прилетевшие турухтаны — «петушки», и крестьянские ребята усердно ловят их силками на утопанных токовищах. Кончается валовый прилет, пролетная птица, видимо, убавляется, а местовая разлетается; широконоски, шилохвосты — «острохвосты», чирки — все перелетели в болота и сидят на гнездах; еще гораздо ранее покидают озеро гуси и кряковые утки. Но взамен их постепенно являются новые обитатели озера: в камышах всюду раздается однообразная трескотня камышовок, на середине длинными вереницами плавают черные как уголь красноклювые турпаны (*Oidemia fusca*) и безумолчно галдят, собравшись в беспорядочную кучу, пестрые кавыки (*Harlelda glacialis*), скоро улетающие далее на север; на лавдах, беспрестанно посвистывая, переключаются многочисленные водяные курочки. Настоящая озерная птица вся на местах. Чайки, лысухи, гагары и красноголовые нырки (*Fuligula ferrina*) уже сидят на яйцах или несутся; крачки и мелкие рыболовы (*Larus minutus*) строят свои тоже незатейливые гнезда на таких же кочках, камышовых помостах, лавдах и болотистых островах. Поздним вечером всюду, особенно в Урале, мелькают над водой летучие мыши и то, порхая, подобно бабочкам, трепещутся над гладкой поверхностью озера, то с едва слышным писком и цмоканьем быстро гоняются друг за другом на высоте деревьев, едва различимые от темной синевы безоблачного неба.

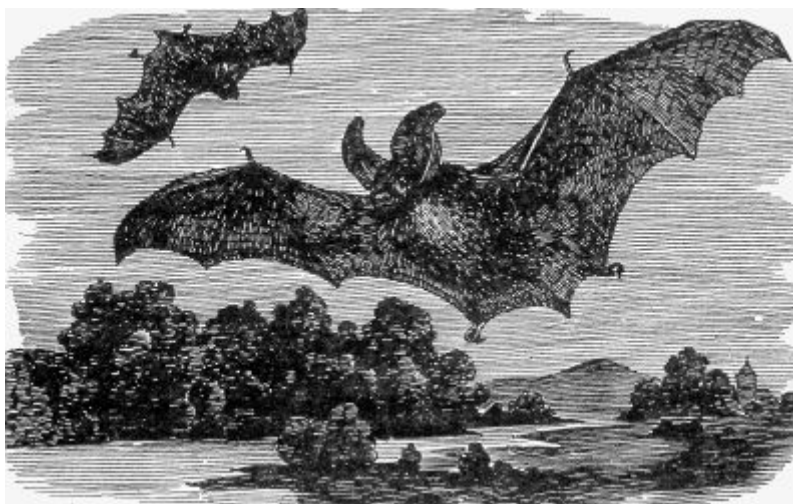

Рис. 7. Летучие мыши

В первых числах месяца начинается игра главной, самой многочисленной рыбы Зауральских озер — чебака. Вскоре вслед за ним почти одновременно нерестятся окунь и ерш, и, наконец, после некоторого большего или меньшего промежутка, когда потеплеет вода, зазеленеют молодые побеги камыша, быстро начнет развиваться растительность озера и подымутся на прудах утонувшие лавды, играют карась, линь, и вместе с окончанием нереста — этого главного и наиболее заметного явления в жизни рыб — наступает знойное континентальное лето.

Подводный мир всего менее доступен наблюдению, и этим, принимая также в соображение значительные осложнения в жизни речных обитателей, объясняется сравнительно небольшое количество биологических наблюдений относительно рыб, без сомнения самых главных и наиболее важных в экономике природы жителей этого малоизвестного мира. В таких незначительных, очень часто вполне замкнутых бассейнах, каковыми являются между прочим и Зауральские озера, мы не встречаем уже подобных затруднений, периодические явления и самый образ жизни рыб упрощаются и не представляют подобной сбивчивости; главную массу

составляет здесь не пришлая, иногда за сотни, чуть не тысячи верст, а коренная рыба; более равномерный и дружный нерест скорее замечается, легче наблюдается и в связи с одинаковым изобилием пищи делает возможным наблюдения над приростом, столь неравномерным и подверженным таким бесчисленным случайностям в текущих водах, а в темные осенние ночи «луч», ярко освещая просветлевшую глубину озера, раскрывает нам многие тайны этого прозрачного чертога, недоступные на реках. Одним словом, все явления жизни рыбы, все привычки ее изучаются здесь с гораздо большею легкостью, и этим объясняется тот знаменательный факт, что большая часть отрывочных наблюдений в области ихтиологии относится к обитателям незначительных и замкнутых бассейнов.

Эта неполнота сведений, с другой стороны, легкость наблюдений заставила нас обратить особенное внимание на многочисленные и сами по себе крайне замечательные озера Зауралья — проследить, насколько возможно, жизнь рыб и все частию там собранные и тщательно проверенные факты, частию собственные наблюдения, иногда совершенно новые и неизвестные, избегая мелких, скучных, хотя и нелишних подробностей, передать в той наиболее удобной для чтения форме, в какой предлагается написанная статья. Насколько выполнена наша задача представить возможно полную картину жизни рыб, а также некоторых других второстепенных озерных обитателей, имеющих какое-либо отношение к озеру и его главным жителям, предоставляем судить самим читателям. Итак, к делу.

Вскоре вслед за язем, с промежутком не более недели, в самых последних числах апреля, чаще в начале мая, но иногда — смотря по состоянию погоды и именно в горных озерах — в середине этого месяца, играет чебак, самая многочисленная рыба Зауральских озер, которая не встречается только в мелких тинистых и полужаросших озерах, где заменяется карасем и озерным гольяном. Вообще чебак особенно многочислен в глубоких светлых бассейнах с песчаным или хрящеватым дном и здесь нередко составляет едва ли не 9/10 всего количества рыбы. Так, например, в знакомом нам Иткуле, в Тышках и некоторых других он является единственным и притом самым неприхотливым обитателем. Как настоящая озерная рыба, чебак даже во время нереста не покидает озера и не идет в реки, подобно язю и ельцу, а в большинстве случаев или подходит к песчаным, довольно глубоким берегам озера, поросшим камышом, а не то заваленным хламом, или собирается несметными стаями к каменистым обрывам островов, как уже было упомянуто относительно Белого камня на Иткуле. Здесь мечет он свою мелкую зеленоватую икру, в которой терпеливый немец-ихтиолог Блох насчитал до 84000 яиц, и крепко прилепляется она к камням, подводным растениям, корягам, деревьям, упавшим в воду, и т. п. Вообще у большей части рыб оплодотворенные икринки необыкновенно сильно приклеиваются ко всяким предметам, и, очень может быть, избыток молок — собственно-семянной жидкости — и идет на это прилипание.

Еще около Егорья без того многочисленные стаи чебаков, которые более всех других озерных рыб ведут общественную жизнь во всякое время года, выходят из глубоких ям, собираются все большими и большими массами; со всех сторон стекаются они каждую весну в известные местности, не меняя их в продолжение многих лет; все гуще и плотнее становятся бесчисленные стаи плотвы, заключающие уже по несколько десятков, даже сотен тысяч неделимых. В утренней или вечерней тишине далеко слышен плеск играющего чебака и видно волнение от множества прыгающих и вертящихся рыб; одни разом, точно по сигналу, взвиваются в воздух и шлепаются об воду, другие плавают вверх брюхом или боком, описывая крутые зигзаги или небольшие круги. По мнению рыбаков, выпрыгивают и вообще плавают на поверхности б. ч. молошники, которые легко отличаются по небольшим белым бугоркам, особенно заметным на голове, спине и внутренней стороне плавников, и, по-видимому, принуждаются к тому самками, гораздо более многочисленными. Последние неумоимо преследуют молошников и в таком

количестве собираются под ним, что выпирают их наружу, и самцы волею-неволею оплодотворяют вытекающую икру.

Так обыкновенно бывает на более мелких травянистых местах озера — именно в камышах; но у глубоких берегов, где стая грудно собирается околохлама, валежника и упавших деревьев, самая давка рыбы способствует ускорению нереста, хотя и тут, очень может быть, молошники занимают более второстепенную, вернее — более пассивную роль; с некоторою вероятностью можно предположить, что самки окружают и теснят их со всех сторон.

Вообще, надо полагать, вытекание икры и в особенности молок совершается у чебака с большими затруднениями, чем у других озерных рыб: ни у одних не встречаем мы такой давки и такого стремления забиться в какое-нибудь тесное и узкое место. Во время игры чебак часто попадает в морды, которые просто кинуты у берега, без всяких заезков; они сами по себе служат тогда приманкою для него, еще более самые заезки, особенно сосновые. У вершины сосны, сломанной бурей и упавшей в воду, в известное время наверняка можно встретить многочисленные стаи чебака, который любит тереться об жесткую хвою, забивается в нее и тут же массами прилепляет свою икру.

На этом факте, давно замеченном наблюдательными озерными рыбаками, основана весьма оригинальная и вместе самая главная ловля чебака, так как он не уходит здесь в реки и мечет икру в озере, где уже неудобно устраивать заезки, подобные тем, которые употребляются при ловле ельцов, язей и отчасти щук. С этою целью в известных местностях озера, заведомо ежегодно привлекающих массы играющей плотвы, неподалеку от берега наваливают заранее груды сосновых вершин, устраивают из них целый помост, надавливают последний камнями и, уравнивая, ставят поверх его кольцом различное количество — иногда до двадцати — морд таким образом, что концы их почти соприкасаются, а широкие устья обращены наружу. Раз попав на такое место, вся стая держится тут в продолжение всего нереста, набивается битком во все морды по пуду и более в каждую, улепляет икрой все хвой помоста, все прутья снаряда; чем больше попало рыбы, чем более икринок приклеилось к морде, тем более лезет она туда. Следующая стая выбирает, в свою очередь, такую «счастливую» морду; снова набиваются туда чебаки, снова выпускают в ней и на нее иногда даже совершенно невольно — вынужденные к тому давкой, стоящей многим жизни, — свою икру и молоки. Таким образом, как самая морда, так более сосновый помост являются, с одной стороны, местом прикрепления икры, с другой — дают первоначальный кров и убежище молодой рыбешке, а впоследствии косвенным образом привлекают мелкие организмы — пищу этой молоди. Такая ловля, очевидно, приносит не вред, а, напротив, большую пользу, чего нельзя сказать о ловле мережами, особенно до начала нереста, когда еще не совсем зрелые половые продукты быющей рыбы погибают совершенно понапрасну. Впрочем, мережи, а также котцы играют второстепенную роль при весенней ловле этой рыбы: наибольшее количество ее бесспорно добывается мордами.

Чебак играет весьма недолгое время — каждая стая или, вернее, каждый возраст редко более одной ночи; вообще же нерест всей коренной рыбы, не принимая в расчет немногочисленной пришлой, оканчивается обыкновенно в трое суток. Раньше всех мечет икру самый мелкий чебак, который в некоторых кормных озерах уже на 2-м году делается способным к размножению, позже всех — самый крупный.

Отыграв, весь чебак, подобно язю и вообще другим рыбам, уходит в омуты и глубокие озера, где лежит спокойно на дне и больше не ловится до конца мая, иногда начала июня, до тех пор, покуда не зацветет «шипишник». К этому времени он выходит ненадолго на мелкие места озера, в курьи, уже густо заросшие водяными растениями, разбивается на незначительные стаи и

начинает жадно клевать на червяка. Этот кратковременный отдых после нереста и затем сильный клев свойственны почти всем рыбам.

Вскоре после окончания нереста плотвы, иногда почти одновременно с последней, играет окунь, который по своему количеству бесспорно занимает после нее второе место.

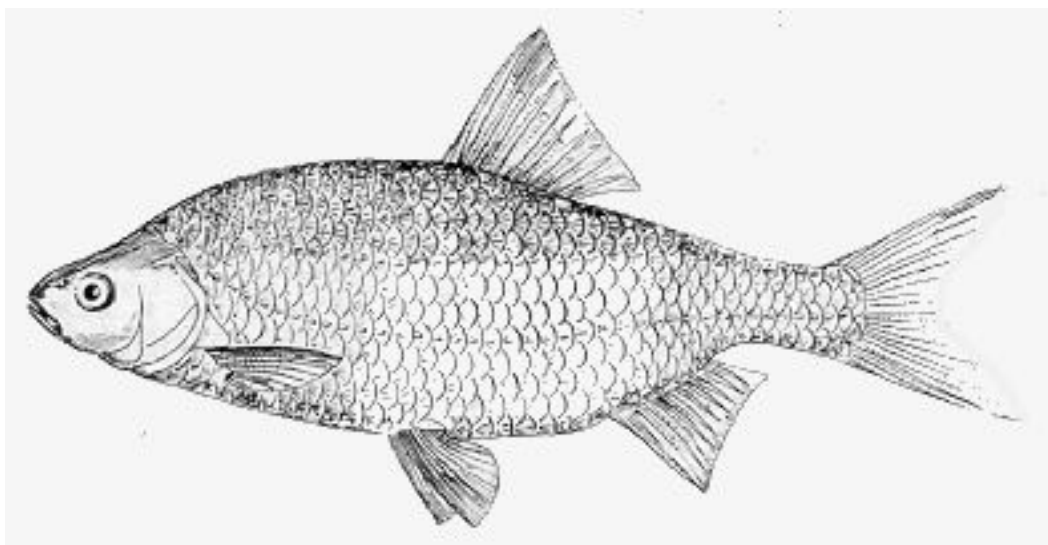

Рис. 8. Чебак

Игра окуня, в сущности, немного отличается от нереста чебака. Почти такими же стаями идет он в заливы озера, очень часто мечет икру в тихих протоках, реже в реках, быстрое течение которых не доставляет ему достаточно удобных мест: окунь любит травянистые, довольно мелкие куры, заросшие кувшинками, горошницами (*Potamogeton*), количество самцов здесь тоже, даже в большей степени, уступает количеству самок; окуни также любят тереться около сосенок, главный лов их производится тоже мордами, но последние расставляются исключительно в протоках, побочных руслах, старичках, в узких местах залива и нередко требуют устройства более или менее широких заеззов, которые делаются обыкновенно из сосновых ветвей. В степных башкирских озерах сосна заменяется березняком, даже тальником.

К этому времени сами по себе «баские» окуни, особенно самцы, делаются еще красивее: цвета их становятся ярче, резче выделяются черные полосы, плавники краснеют еще более. Но это относится далеко не ко всем: главная масса мелких окуней не принимает участия в нересте; годовалая — самая многочисленная — рыба, наверное, не имеет еще половых продуктов и, кажется, даже остается на тех же местах, где и зимой; только двухгодовалый «алабага» делается способным к размножению и заключает в себе икру или молоки. Длинными, иногда двухаршинными, лентами — «мотушками» (13) шириною в черенок ножа вытекает икра, прикрепляется к подводным растениям или свободно плавает на поверхности, скоро делаясь добычею бесчисленной водяной птицы, которая всегда указывает рыбаку место нереста. Ловко подхватывая на лету выпрыгивающую рыбу, с пронзительным криком сигают взад и вперед рыболовы и крачки, собравшиеся сюда тучами; всюду ныряют десятки нырцов (*Podiceps*), больших гагар, крохалей, турпанов и прочих уток-рыбалок, у самую берега охотятся прожорливые «карги» — вороны, в высоте плавно кружатся черные коршуны; на высокой прибрежной сухаре сидит зоркая скопа и вдруг быстрее молнии окунывается в волны обыкновенно тихой куры, которая теперь кипит от множества собравшейся рыбы. Десятки, сотни окуней, то желая избавиться от отягощающей их икры и молок, которые сдавили им внутренности, то выпираемые наружу нижними рядами, разом поднимаются на воздух, плещутся и кружатся на поверхности! Нерест в полном разгаре, но ненадолго: стая с каждым часом уменьшается, через сутки он

заканчивается, и вся рыба, уцелевшая от преследования птиц и человека, окончательно расходится в разные стороны. Только бесчисленные икряные клубки, белеющие в заливе и скоро достающиеся в пищу уткам и чайкам, ненадолго свидетельствуют о недавнем присутствии множества рыбы.

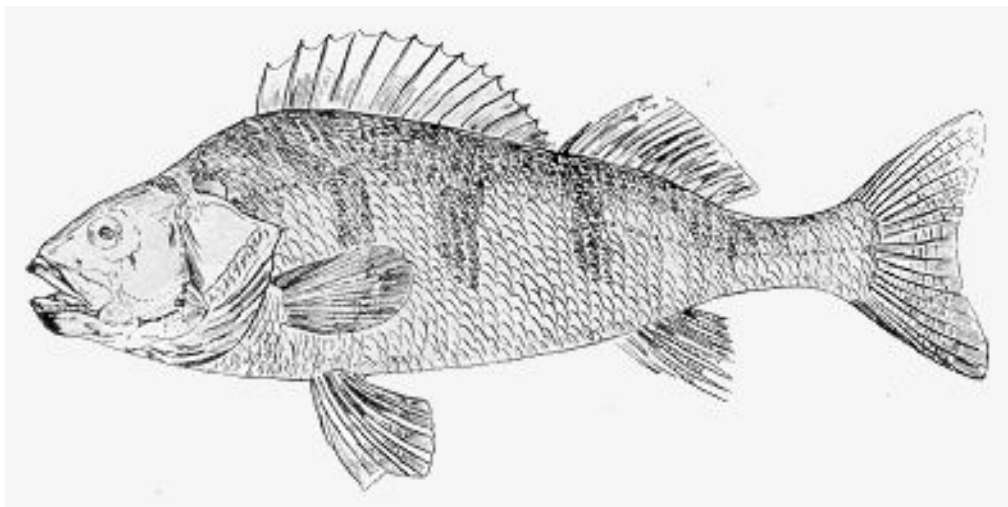

Рис. 9. Окунь

Окунь нерестится исключительно рано утром, иногда незадолго до солнечного заката; в полдневный жар и вечером игра значительно ослабевает, стоя на время редееет, а на ночь волнующаяся рыба и совсем успокаивается. Каждое руно большею частию оканчивает нерест в два-три приема, т. е. в утро и вечер или в 2 утра и вечер, но игра окуня всех возрастов продолжается весьма значительное время — около недели, и нерест заканчивают самые крупные окуни.

Эта продолжительность игры, равно как и присутствие мелких годовалых окуней, (является) причиною того, что отдых этой рыбы менее приметен, чем у других видов. Во всяком случае, он должен быть не очень продолжителен, так как в конце мая, даже в двадцатых числах, окуни уже собираются на места, где играл чебак, и во множестве поедают как самую икру, так и только что выклюнувшуюся молодь последнего. Впрочем, окунь, подобно всем рыбам, не дает спуска и своей собственной икре, но последняя в гораздо большем числе истребляется водяными птицами.

Самый главный истребитель икры всех рыб, и чебаковой в особенности, — ерш — начинает метать икру почти всегда в одно время с окунем, а оканчивает нерест иногда даже ранее последнего. Хорошо еще, что он живет только в проточных озерах; без этого условия и без вмешательства человека, который вследствие большого запроса сильно преследует эту колючую, но очень вкусную рыбу, ерш, метко названный малороссами хозяином, вдобавок еще страшный обжора, наверное, уничтожал бы весь приплод прочей рыбы, оставаясь в полной безопасности от хищной щуки, тем более окуня, икра которого тоже, несмотря на одновременный нерест, в свою очередь, успевает сделаться его добычей. Вообще ерш нерестится около середины мая, и только в немногих горных и глубоких озерах — в Иткуле и Ташкуле по преимуществу — игра его затягивается иногда до первых чисел июня; но это уже исключение.

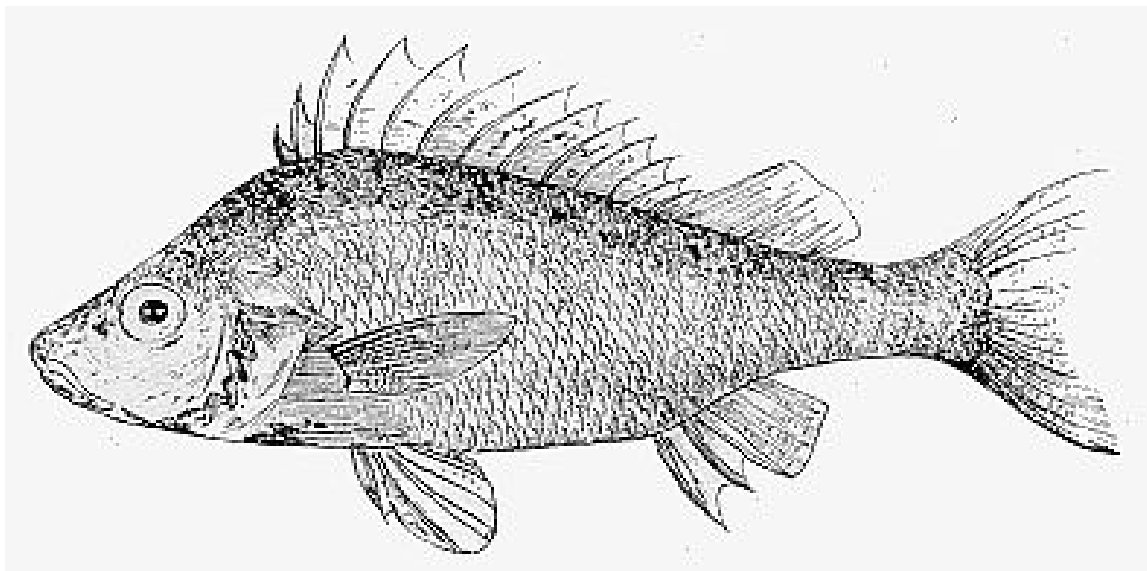

Рис. 10. Ерш

Собственно, самый нерест ерша известен нам менее нереста других рыб. Это зависит от того, что он играет еще на большей глубине, чем чебак, никогда в траве и береговых камышах, весьма редко в реках, а большею частью на самой середине озера, в глубоких ямах, дно которых усеяно камнями, хрящем или по крайней мере крупным песком, куда и прилепляет он свои желтоватые яйца.

Этим же объясняется незначительность его весеннего улова, который притом подвержен многим случайностям, тем более что ерш играет всего одну, много две ночи. Вообще он ведет вполне ночной образ жизни, что доказывается его большими глазами навывкате, и вот почему наблюдения над его нравами затруднительнее, чем у какого-либо другого вида, за исключением разве одного налима.

Еще менее известен нам нерест другого, но уже некоренного обитателя здешних вод — леща, который, собственно говоря, вовсе не встречается в реках восточного склона Урала. Только недавно, лет десять назад, был сделан опыт пересадки его в некоторые проточные, а именно Каспийские озера (из р. Уфы) в Верх-Исетский и Екатеринбургский пруд (из Чусовой), и потому он до сих пор принадлежит к числу самых малочисленных видов рыб. Всего чаще встречается лещ в Силаче, реже в Иткуле, Иртыше и Больших Каслях; в первом он иногда достигает 5 и даже более фунтов, но и здесь большею частью ловится зимой (неводом) и очень редко попадает весной (в мережи). Судя по тому, что в Уфалейском пруде (по южную сторону Урала) эта рыба играет около Николина дня (9-го мая), надо полагать, что она, вероятно, нерестится здесь в одно время с чебаком и, так же как и в том пруде, только весной заходит из озера в реки, и то очень недалеко от устьев.

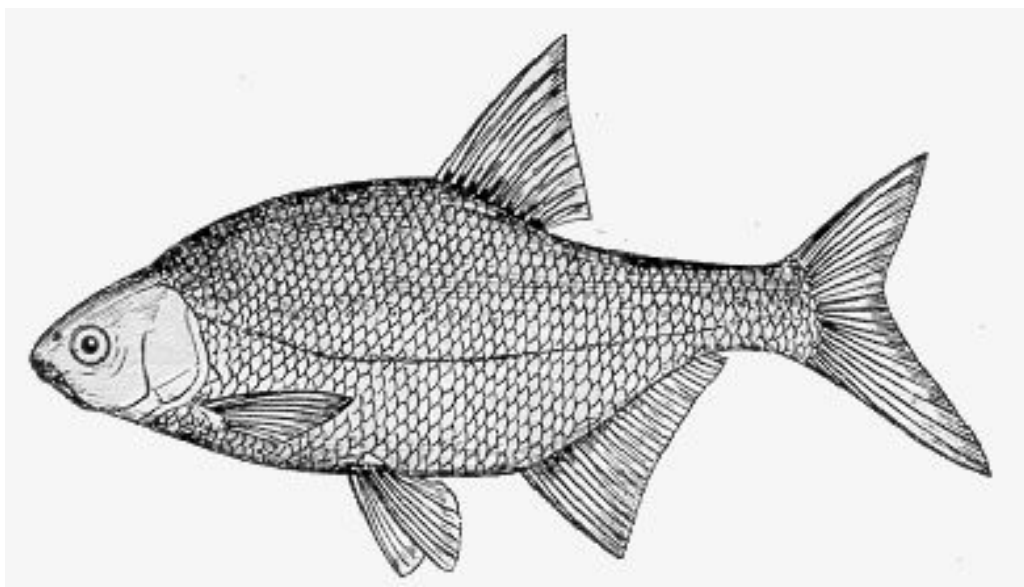

Рис. 11. Лещ

Относительно нереста пескаря и голяна, которые принадлежат, собственно, к речным рыбам и почти не заходят в озера, можно сказать тоже очень немного. Являясь чисто речной, даже исключительно ручьевой рыбой, голян по своей незначительной величине не обращает почти никакого внимания рыбаков, чего нельзя сказать о родственном ему и более крупном озерном голяне, который живет в большом количестве в тинистых и иловатых карасьих озерах. Притом последний играет почти в середине лета, позже всех рыб, когда рыба вообще ловится очень плохо; нерест же речного голяна совпадает с игрой многих других, более ценных видов: он играет в первой половине и около середины мая, обыкновенно около царя Константина (11-го мая). В это время во всех речках и ручьях большие стаи голянов собираются на мелких каменистых быстринах; здесь выпускают они свою очень мелкую икру, блестя радужными цветами, которые скоро бледнеют и вовсе исчезают. Всего ярче окрашены самцы, отличающиеся красноватым пятном под горлом, (14) и недаром эту рыбку в других местностях России зовут синькой, скоморохом и красавкой.

Несколько большее, но тоже весьма малое значение для весеннего лова имеет нерест пескаря, или, как зовут его здесь, пескозоба. Последний с первых чисел мая показывается во множестве во всех речках, куда он приходит из озер, где до того времени скрывался в глубокой няше. По крайней мере начиная с сентября он исчезает из всех проточных озер и даже случайно не попадает в мотню невода. (15) В речках, но не на мелких быстринах, а большею частью в тихих заливчиках, выпускает он свою очень мелкую голубоватую икру, которая прикрепляется к камням, корягам, колодам или плавает на поверхности. Весьма замечательно, что у пескарей количество самок в пять, даже шесть раз превышает количество молошников, отличающихся беловатою сыпью на спине и голове, что мы видели и у самцов прочих рыб, и что пескари мечут икру в несколько приемов, с большими промежутками. Главный нерест бывает, однако, в середине, реже во 2-й половине мая.

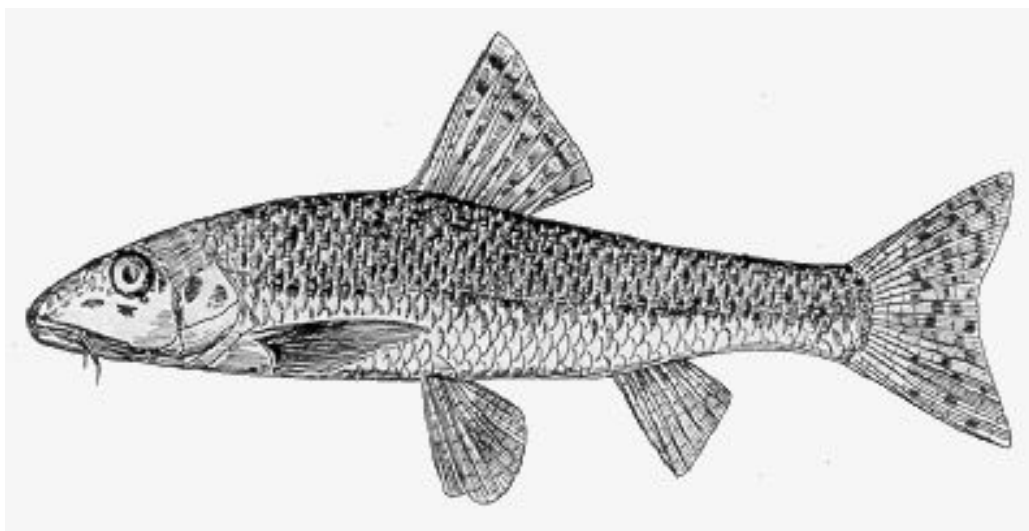

Рис. 12. Пескарь

К тому времени в уральских озерах исчезают последние льдины, быстро нагревается вода солнечными лучами, поднимаются утонувшие лавды и сотенными стаями носятся над ними черные крачки и малые рыболовы, которые предпочитают их прочим гнездовьям; зазеленели березы, но на длинных и тонких ветвях их еще можно различить белеющие издали гнезда ремеза, который уже наполняет его своими крошечными белыми яичками; быстро, не по дням, а по часам, растет тростник и широколистная осока; зеленой щеткой поднимается камыш, резко отделяясь от пожелтевших, переломанных и перепутанных старых стеблей. Вся озерная птица окончательно сбивается в камыши и лавды — на степных, в лавды и острова — на горных, и как те, так и другие озера, по-видимому, пустуют; скоро покинут степные озера турпаны, которые уже начинают нестись в мелколесье, иногда очень отдаленном от воды. Сотни, тысячи птиц выводятся в обширных степных камышах, иногда обволакивающих кольцом все озеро и часто недоступных ни с берега, ни с лодки. Ближе к открытой воде, где камыш уже растет на глубине 2-х аршин и значительно редее, расположены десятки, сотни плавучих гнезд обыкновенных гагар (*Pod. cristatus*); тихо покачиваются они волнением, и отовсюду тревожно высовываются из воды чубастые головы их обладателей; тут же, но еще в большем количестве на камышовых помостах, накопившихся веками и образовавших наконец сплотившуюся, хотя и рыхлую массу, которая, в свою очередь, служит иногда к образованию лавд, лежат яйца крачек и рыболовов, чаще гнездящихся на последних; там и сям, большею частию в каком-нибудь уединенном углу, плавает пара-другая больших «ситцевых» гагар, которые не любят общности; немного далее, ближе к берегу, расположены гнезда многочисленных лысух, а там начинается уже царство камышовок: несметные барсучки (*Salicaria phragmitis*) скачут и прыгают по сухим стеблям, камышовые дрозды (*Salicaria turdoites*) обвивают молодые побеги прошлогодней ветошью. Тут же, почти вместе с ними, но в еще более сухих камышах несется болотный лунь — гроза утят и прочей молодежи, да, пожалуй, взрослой водяной птицы; чуть не рядом возвышается гнездо выпи. Еще ближе к берегу, в более доступных местах гнездятся многочисленные красноголовые нырки, только что севшие на яйца, и некоторые другие породы уток, большинство коих выводит, однако, в ближайших болотах. Множество водяных крыс бегают, плавают и ныряют в береговых камышах, а нередко тут же можно встретить искусное гнездо мыши-малютки, и этот факт, очевидно, указывает на ее коренное местопребывание, измененное впоследствии культурой злаков. Ранним утром, как только проснется птичье население, самые разнообразные голоса несутся из этой чащи водяного леса: жалобно хнычут лысухи, каркают гагары, безумолчно трещат мелкие камышовки, короткою и глухою трелью вторят им камышовые дрозды, ухает выпь, крикают осиротевшие селезни уток, привлекаемые безопасностью убежища и обилием корма; громче, всех раздастся резкий крик крачек, ловко хватающих упавших в воду и летающих насекомых — поденок, мошкату

(Phryganea), которая, в свою очередь, привлекает сюда красивого копчика. А на прибрежных болотах, когда-то тоже составляющих часть озера, стонут долгоязыые евдошки, пищат травники, с жалобным криком вьются уже выведшие детей пигалки.

Рис. 13. Мышь-малютка

Горные озера сравнительно менее оживленны: камыши встречаются здесь редко и никогда не занимают таких огромных протяжений, озерная птица менее многочисленна и размещается частью в кардахах, но преимущественно на островах. Здесь в расщелинах камней кладут свои большие беловатые яйца узконосые крохали, в осиновых и ветловых дуплах гнездятся лутки, хохлатые чернети, гоголи — все самые многочисленные породы водяных птиц в Урале.

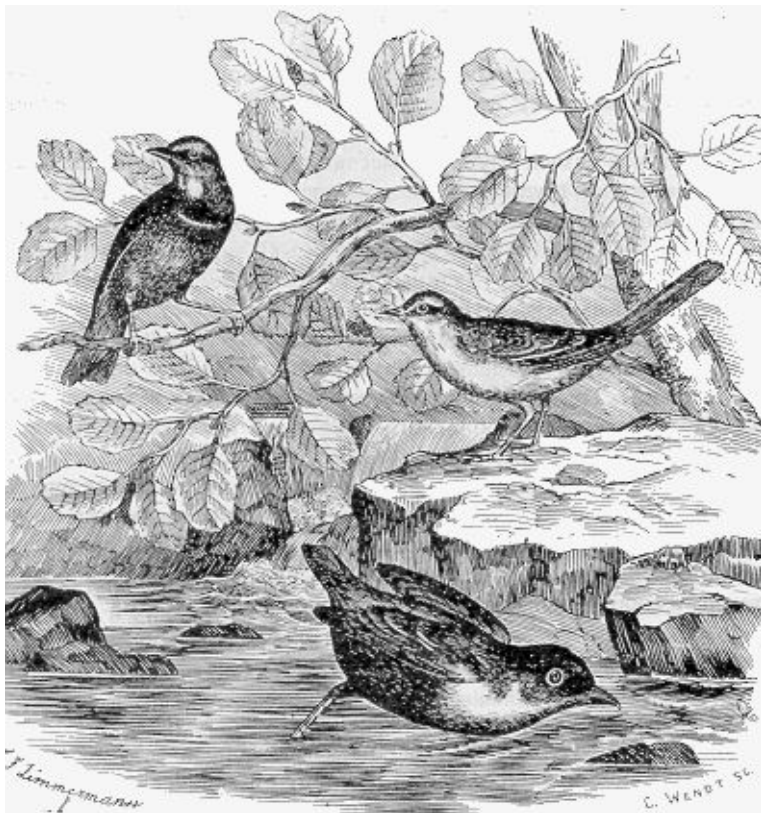

Рис. 14 Прибрежные птицы

Вообще, со второй половины мая все озера, а тем более горные, с первого взгляда нередко кажутся относительно пустынными. В полдень вдали от камышей, когда замолкнувшая птица укрывается в чаще последних, у чистых берегов озера и на середине его уже не видно прежних многочисленных утиных стай; изредка только вынырнет гагара, крохаль, привлеченные сюда рыбою; стаи турпанов редуют они тоже разлетаются повсюду, хотя на самых рыбных озерах, как на Карагузе, еще долго, почти до середины июня, когда уже все турпанихи сядут на гнезда, продолжают вести прежний общественный образ жизни. Но самые берега озера по-прежнему оживлены мелкими пернатыми обитателями: множество трясогузок, помахивая длинными хвостиками, прытко семяют по песку, гоняясь за насекомыми; в кустах поют бесчисленные варакушки, славки, камышовки и прочая мелюзга, а нередко, словно мышь, проскальзывает в воду юркий водяной воробей, который нередко встречается на горных озерах и особенно речках.

В жизни рыб с окончанием нереста ерша тоже наступает временное затишье проходит самая горячая пора весеннего рыболовства. Почти вся рыба, а чебак, елец, язь без исключений, укрывается в самых глубоких местах озера, где ловля представляет некоторые трудности и потому не в большом употреблении. Но в самых больших водоемах — Иткуле, Синаре и др. — в первой половине мая нередко производится, обыкновенно тайком, весьма обильный лов яззей на глубинах. Это мы видим, напр., в Синаре, у Чищеного Камня — глубокой яме, имеющей около 100 с. ширины и 250 с. длины: ее перегораживают несколькими рядами мереж, так что наплавки последних находят на несколько сажен ниже уровня воды. Только привязанный лист, щепка или ветка указывают на присутствие рыболовного снаряда, а нередко не бывает и этих малозаметных признаков; несмотря на все эти предосторожности и ловлю мережами только ночью, редко не делаются они добычей караульщиков, вытаскивающих их железными крючьями, т. н. кошками, привязанными на длинной бечевке. Но как только сторожа уплывут в другую сторону озера и скроются в ночной темноте, являются новые охотники попробовать счастья зачастую в каждую сеть попадает по несколько пудов рыбы, б. ч. яззя, реже чебака, который часто проскакивает сквозь редкие ячей «пятипалечной язевки».

Как было упомянуто в предыдущей главе, к середине мая язь покидает эти глубокие ямы, но на самое короткое время. Всего в продолжение двух-трех ночей выходит он «полоскаться» на полуаршинную глубину песчаных мелей озера, например Синарского, у истока р. Синары. Здесь и ловят эту бойкую и пугливую рыбу, для чего связывают вместе по пяти мереж, которые волокут на лодках, соблюдая всевозможные предосторожности, так как нет рыбы сторожчей яззя: при малейшем шуме и всплеске летит он стремглав за сотни сажен, и прощай ожидаемая добыча. Не только борта лодки, но и самое весло обивается войлоком, и им гребут (16) не вынимая из воды; зато при удаче ловят таким образом зараз десятка по два пудов этой рыбы.

Около того же времени, даже ранее, во всех курьях, у всех травянистых и камышистых берегов снова появляются уже отдохнувшие и проголодавшиеся щуки; жадно поедают они свою же собственную детву, только что выклюнувшуюся из икринок. Последние для своего развития требуют немного более двух недель в тенистых местах озера, а в мелких заливах, рано очистившихся ото льда и сильно нагреваемых солнцем, — десять, даже восемь дней. (17) Молодые щурята в это время составляют главную пищу отошавших родителей, тем более что последние почти не способны к ловле крупной рыбы: старые зубы выпадают, заменяются новыми, еще небольшими и мягкими, и обезоруженные хищники по слабости тех и других не в состоянии задержать достаточно сильного чебака, подъязыка или окуня. Этот интересный факт смены зубов у щуки, замеченный еще покойным Аксаковым, совершенно верен и доказывается прямым и косвенным наблюдением: старые зубы выпадают от одного прикосновения, и исключительно в это самое время не только крупная насадка на жерлицы, но и пойманная рыба часто носит на себе ясные следы укушения щуки; последняя не в состоянии прокусить твердого покрова своей более крупной добычи, и о крепкую чешую рыбы ломаются ее ослабевшие зубы. В конце месяца щука

уже хорошо берет на «животь», начинается клев ее и ловля на жерлицы, а еще раньше, но весьма недолгое время и большею частию в проточных мельничных прудах, производится ловля ельцов на червяка.

В последних числах мая, иногда в начале июня, опять-таки смотря по местоположению озера и состоянию погоды, когда вода значительно потеплеет, помутнеет и достигнет температуры не ниже 13-ти, даже 14-ти градусов, начинается игра карася. Необходимо заметить, однако, что, независимо от вышеозначенных условий, в полужаренных озерах, затянутых трясинами, в сущности теми же лавдами, нерест его бывает значительно позднее, нежели в камышистых и травянистых бассейнах. Дело в том, что эти самые лавды иногда не растаивают до середины июня, и только к Петрову дню нога начинает глубоко вязнуть и прорывать трясину. Понятно, вода здесь долго не получает надлежащей температуры, потребной для нереста этой рыбы.

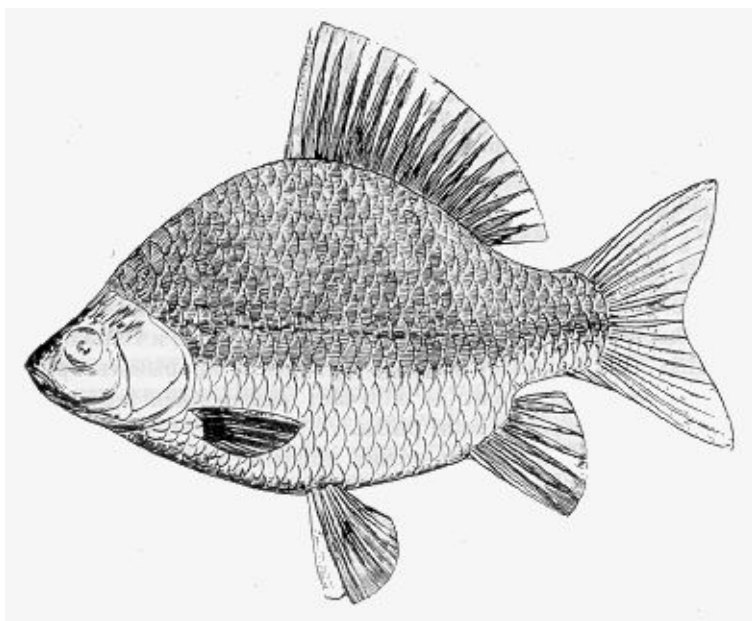

Рис. 15. Карась

Вообще карась всю зиму лежит порознь под лавдами, зарывшись в них, и окончательно выходит оттуда, когда подымутся водяные травы, зацветет шипишник и начнется клев чебака и окуня. Тогда он собирается в большие, иногда весьма многочисленные, стаи и идет в береговые камыши и ситовники (тростники), где производится самый процесс метания икры. Осоки карась не любит, но часто, особенно в Богословских, северных озерах, где камыш и тростник составляют значительную редкость, он играет во мху и на него же выпускает свою желтоватую икру.

Но несомненно, карась никогда не нерестится одновременно; игра его производится в несколько приемов, иногда с весьма большими промежутками. По замечанию рыбаков, он мечет с конца мая или начала июня «каждый новый месяц», вплоть до августа, т. е. 3—4 раза. Что карась играет по крайней мере в два приема, в этом я мог убедиться лично, так как наблюдал его вторичный нерест в двадцатых числах июня; но, надо полагать, это играет рыба, почему-либо не успевшая выметать икру; весьма невероятно предположение, что каждый карась выпускает икру в несколько приемов, и окончательно нелепа мысль многих рыбаков, будто он успевает в какие-нибудь двадцать дней «нагулять» новую икру. Весьма возможно, во всяком случае правдоподобно, что в мае и начале июня нерестится карась, живший в более теплых местностях, где половые продукты его развиваются быстрее, а в конце июня — обитавший под мерзлыми лавдами.

Каждый нерест карасей, точнее некоторой части их, весьма непродолжителен и много-много если продолжается два утра, причем прежде всего выметывают икру самые крупные; обыкновенно одно утро и заканчивается к полдням. Поэтому карась идет весьма дружно, и, если следить за ним, игра его замечается и наблюдается легче, чем у многих других рыб. Пена и муть стоит над собравшейся густой стаей рыбы, далеко слышно ее шлепанье и характеристическое чмокание, шелестит камыш и колеблются его верхушки, всюду плавают мох; кишмя кишат караси, весло так и тыркается об них. Обыкновенно икрятники находятся на дне, где и трутся, наверху же вертятся и выпрыгивают самцы; затем, обернувшись вверх брюхом или боком, последние начинают один за другим изливать молоки, а самки выпускают на них свою икру. Но и за исключением играющих позднее далеко не все караси, вообще растущие очень медленно, собираются в это время в стаи: карась нерестится только на 3-м, иногда едва ли не на четвертом году, и более молодой остается в той же няше, где точно так же отыскивает себе пищу, состоящую из растительных остатков, частию мелких насекомых. К ним скоро присоединяется отыгравшая взрослая рыба; одно утро, хотя вразброд, она еще полощется у берегов и продолжает ловиться в рыболовные снасти, но затем расходится врозь, снова прячется под лавдами или укрывается в водяном мхе и вязкой тине.

Главная ловля карася производится стеновыми мережами, поставленными по опыту прежних лет в известных местностях. При удачном выборе места в сети запутывается такое количество рыбы, что мережи буквально тонут на дно: бывают случаи, что из каждой в одно утро вытаскивают по десяти пудов карася. Кроме того, его ловят в значительном количестве в котцы и морды, а днем, когда он уже ходит не так грудно, загоняют в ботальные мережи.

Немного позже играет линь, в противоположность последнему — обитатель одних проточных озер и прудов и вообще сравнительно немногочисленный. Еще за несколько дней до начала нереста выходит он из глубокой няши, где ведет вполне уединенный образ жизни и часто совсем зарывается, к берегам озер или в заливы протоков, поросших горошницей — любимым местопребыванием его и в прочее, теплое, время года. Где он малочислен, там игра его проходит совершенно незаметно: играет вместе какой-нибудь десяток-другой рыбы, так что нерест линя — тем более что количество самцов превышает количество самок, отличающихся более крупной чешуей, — приближается к нересту щуки. Но, например, в Кызылташе, где составляет почти главную породу рыбы, линь собирается большими, хотя и негустыми рунами, так что, весьма возможно, и здесь игра его имеет тоже, так сказать, более семейный характер. Продолжительность ее, быть может, именно от этого обстоятельства весьма значительна, редко менее недели, часто две; при этом мелкие трутся раньше, крупные позже, почему можно встретить летом и молодых линьков, которые вообще выклеваются скорее других рыб, иногда гораздо менее недели, и свежую зеленоватую икру; последняя свободно плавает на поверхности или прикрепляется к водяным растениям, чаще всего горошнице. Вообще погода и ненастье имеют весьма большое влияние на продолжительность игры этой рыбы, но, вероятно, тут действуют и те же замедляющие причины, как у карася, с которым он ведет весьма сходный образ жизни.

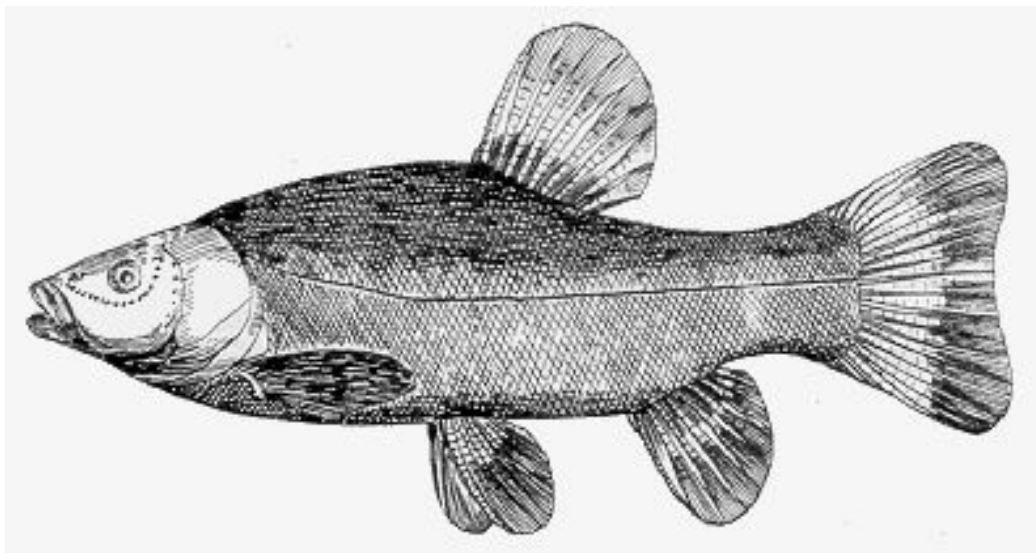

Рис. 16. Линь

До начала нереста все лини скрываются в няше и спокойно лежат в ней, так что присутствие их почти неприметно; но в конце мая в светлых водах, хотя и иловатого, Кызылташа нетрудно воочию удостовериться в огромном количестве этой рыбы. Яркий «луч» освещает дно: всюду — справа, слева, впереди — чернеются широкие спины огромных линей; одни неподвижно лежат, другие медленно плывут, пробужденные светом и шумом; даже тут меткая острога ловкого рыбака редко дает промах. Десятки лодок выезжают в это время на озеро; при удаче и умение многим достается в добычу до десяти пудов самой отборной рыбы, так как вся молодежь скоро рассеивается и немедленно уходит из озера в Метлинский пруд; только достигнув известной величины, именно на третьем году, поздней весной линь, хотя и не весь, возвращается в озеро. В других озерах он добывается обыкновенно ботальными мережами и мордами, которые уже не имеют почти никакого влияния на уменьшение его количества.

Но, за исключением весеннего лученья и отчасти ловли мережами, где тоже икра и молоки бьющейся рыбы большею частью вытекают совершенно произвольно, главная внешняя ловля — котцами и мордами — не только не приносит никакого вреда, особенно последняя, но оказывает даже значительную пользу как мы видели, морды и заезки служат косвенным образом рассадником и убежищем молодой рыбе. Гораздо большее влияние на уменьшение приплода имеют физические явления сильный ветер, буря, проливной дождь после нереста, когда огромные массы уже оплодотворенной икры и выклюнувшейся молоди выбрасываются с травой на берег или уносятся на середину озера, наконец, истребление икры водяными птицами и самой рыбой. В первом случае икра и рыбешки окончательно погибают, во втором — развитие их несколько замедляется несоответственной температурой, молодежь, не находя себе надлежащего спокойного пристанища и достаточной пищи, гибнет во множестве от одного волнения озера. Вот почему вся рыба мечет икру в курьях или, хотя реже, в камнях, где икра тоже предохранена от этих неблагоприятных условий. Вообще рыба выбирает для нереста воду, содержащую в себе много воздуха, не слишком глубокую, для того, чтобы воздух, необходимый для развития, мог скорее возобновляться, и изобилующую водяными растениями, к которым икринки могли бы прилепляться. Растения эти кроме выделения кислорода привлекают множество микроскопических животных — инфузории, коловраток, мелких ракообразных и кроме защиты доставляют прямым или косвенным образом пищу молодому поколению.

V

После некоторого колебания, иногда непродолжительного ненастья, в первых числах июня устанавливается лето и начинаются непомерные жары; только многочисленные озера и частые грозы несколько освежают раскаленный воздух и умеряют зной июльских дней. Безоблачное небо принимает сероватый оттенок, горизонт теряется во мгле, и дальние горы застилаются беловатым туманом.

Но уже с полудня туман в горах густеет, подымается все выше и выше и образует все более и более чернеющие тучи: едва ли один день в Петровки обходится без гроз в какой-либо местности Каспийского и Кыштымского Урала. Эти тучи, однако, далеко не всегда доходят до окраинных селений черноземной степи; в Шадринском уезде грозы и совместные с ними благотельные ливни относительно редки и почти никогда не бывают так сильны и опасны, как в горах. Жители равнин, конечно, не имеют малейшего понятия, что значит гроза в Урале, какой опасности подвергаются заводы и села у его подножия.

Под влиянием этих жаров и частых проливных дождей в то время, когда в безлесной степи травы выгорают, задерживается рост хлебов, трескается земля и обнаженные солонцы покрываются белым налетом выступившей соли, роскошно развивается растительность Урала. Не по дням, а по часам растут зонтичные растения, достигающие здесь громадной величины, быстро расцветают ярко-красные петушки (*Cypripedium macrantum*), великолепные курочки (*Cypripedium guttatum*), на склонах гор алеет марьин корень — дикий пион, там и сям виднеются красивые саранки (*Lilium margaton*).

В середине июня поднявшиеся лавды густо зарастают осокой; зеленеет молодой камыш, и за широкими листьями его уже не видать прошлогодних желтых стеблей; в курьях и протоках распускаются белая водяная лилия и желтая кувшинка, называемые здесь лопухами. Озера постепенно оживляются, птичье население их увеличивается с каждым днем. В камышах, тростниках, лавдах — всюду слышится писк утят, молодых чаек, лысух; рано утром везде чернеются десятки утиных выводков. Вся птица снова собирается со всех окрестных болот и не покидает более озер, где ей нет недостатка в пище.

К тому времени во всех заливах, прибрежных осоках и камышах, у всех плавучих трясин появляются мириады мелкой рыбешки; густыми стаями толпится она, привлекаемая затишьем и бесчисленными растительными и животными организмами, которые кишат в мутной воде травянистых прибрежий. В ясное тихое утро, проезжая на лодке мимо камышей и лавд, вы увидите, какие массы молодой рыбы укрываются здесь от ветра и многочисленных врагов; тем не менее и эти несметные стаи дают весьма неполное понятие о количестве мальков в озере. Все это исключительно молодь чебака, частью окуня; других рыб почти не видно: они или укрываются на самом дне озера — в вязком иле, или безвыходно таятся под трясинной, или, наконец, еще не вышли в озеро из рек и протоков. К первым принадлежит весь молодой карась, также линь, ко вторым — весь ерш и значительная часть окуней, к последним — почти вся молодь язей и ельца, которая в начале лета встречается только у устьев и истоков, и то сравнительно редко.

Отсюда очевидно, наибольшему истреблению птицами и хищными рыбами, по крайней мере первое время, подвергаются молодые чебаки и окуни, которые всего менее прячутся, чаще других видов плавают на поверхности воды и выходят на чистые места озера. Действительно, не только большая часть всех уток-рыбалок, чаек, гагар кормятся исключительно чебаковыми и окуневыми мальками, но сюда же, в курьи и камыши, привлекаемые легкостью добычи, собирается почти вся годовалая щука, почти весь прошлогодний окунь. Более крупные щуки и окуни держатся в более глубоких заливах, нередко на значительной глубине и, подобно большинству всех взрослых рыб, живут там в продолжение всего лета.

Не только все прошлогодние щучки и окуни стекаются в мелкие затишья и преследуют стаи молодых чебаков и окуней, но даже и щурята-селетки принимают самое деятельное участие в истреблении мелкой рыбешки. Во второй половине июня они выходят из водяного моху, где укрывались до сего времени, и начинают неумолимо охотиться за мальками, почти не уступая в проворстве и живости взрослым. Всюду в неглубоких курях, особенно там, где все дно густо заросло различными водяными растениями, там и сям неподвижно лежат щурята в ожидании добычи; при первом взгляде их длинное брусковатое тело кажется небольшим темным сучечком, застрявшим на листьях водяного растения. Вот медленно, не торопясь, выплывает из смежных камышей густая стая молодых чебаков; как молнии выскакивают щурята из своих засад, быстро скользят по поверхности, оставляя за собой едва заметную струйку, постепенно расходящуюся треугольником; испуганная стая спешит укрыться в родные камыши, преследуемые мальки выскакивают из воды, но на шум выходят более крупные и опасные хищники, которые с нетерпением выжидали выхода мелюзги из тесного лабиринта камышей, где преследование не совсем удобно; скоро усматривают рыбу и зоркие чайки и крачки (*Sterna hirundo*). Происходит полное смятение — молодая рыба, отрезанная от своих надежных убежищ, мечется как угорелая во все стороны, рассыпается дождем, всюду летят брызги, плещется крупная рыба. Но не проходит даром и зачинщикам суматохи: щурята, в свою очередь, даже очень часто делаются добычей окуней и своих более крупных собратьев; они все-таки представляют для них более лакомую добычу.

В это время щурята бывают уже величиной около двух вершков: они растут чрезвычайно быстро, гораздо скорее всех прочих озерных рыб. Они, впрочем, и вылупляются прежде всех. Икра щук, особенно на солнцепеке и в мелкой воде, развивается очень скоро; молодая рыбешка, как мы видели, выклеывается иногда через десять, даже восемь дней, так что в степных озерах уже в начале мая можно наблюдать щурят, хотя еще с желточным пузырем, мешающим им свободно двигаться. В это время они, однако, имеют еще не полное сходство со взрослыми щуками, которые около середины мая, как мы видели, истребляют их беспощадно; но по мере всасывания этого пузыря молодь приобретает все более и более полное сходство со старыми, делается все живее и проворнее, наконец, окончательно расходится в разные стороны и начинает укрываться в мелких местах озера, заросших водяными растениями, в особенности водяным мхом. Как известно, щуки никогда не живут стаями и ведут б. ч. одиночный образ жизни.

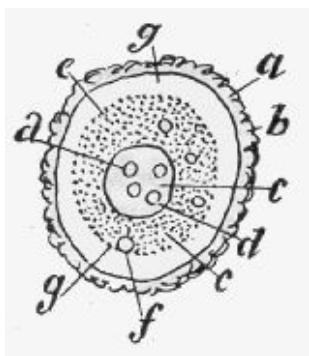

Рис. 17. Разрез икринки костистой рыбы

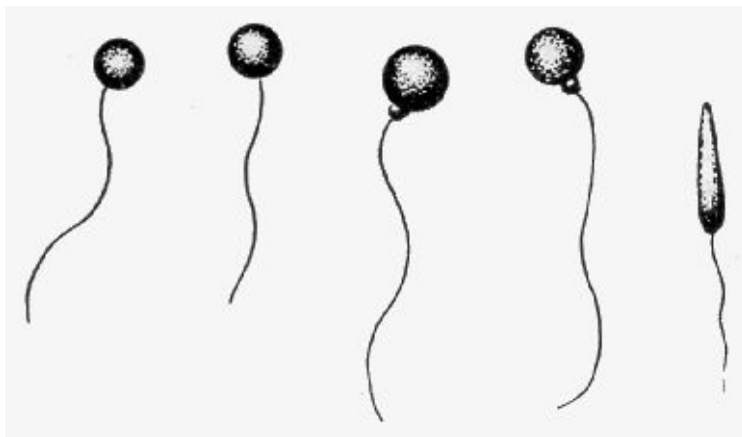

Рис. 18. Живчики рыб

В глубокой и более холодной воде, также в тени развитие щучьей икры идет гораздо медленнее и продолжается иногда более двух недель; но в большинстве случаев щурыта выклеваются ранее всех рыб — в первой половине мая — и в начале лета отличаются только своею относительно длиною. К середине этого месяца в реках и протоках, в прибрежных осоках и под широкими листьями лопуха уже кишат молоденькие ельчики: вскоре вслед за ними на припек в неглубоких камышах выходят из яиц миллионы крошечных чебачков и окуньков; затем — молодые язи, ерши; а в начале июня, даже в последних числах мая выклеваются молодые лини и караси. Икра ерша, язя, ельца, которые мечут в более холодной воде, редко развивается менее чем в две недели; между тем зародыши чебака, окуня, карася выходят из яичек в десять, семь, а молодые линьки даже в три-четыре дня.

Рассмотрим теперь вкратце, каким образом совершается развитие яйца рыбы. При некотором увеличении легко разглядеть, что каждая разрезанная икринка состоит из двойной оболочки и заключенного в ней желтка. Наружная оболочка, называемая белочною, всегда содержит небольшие поры, через которые может проходить вода; внутренняя оболочка — желточная — отличается своею крайнею тонкостью и прилегает к желтку, который представляется густою, б. ч. желтоватою жидкостью. Кроме того, в каждом яичке замечается т. н. яичная воронка (Micropyle), которая пробуравливает оболочку и доходит до поверхности желтка. Совсем другое замечаем мы под микроскопом на продуктах самцов — молоках. Они состоят из беловатой жидкости, наполненной бесчисленными мельчайшими тельцами, которые имеют сходство с булавкой и находятся в беспрестанном движении, почему и называются живчиками (сперматозоидами). Для оплодотворения яичка не только требуется, чтобы оно было смочено семенем, но и необходимо, чтобы один или несколько живчиков проникли в желток через вышеупомянутую яичную воронку. Только тогда начинается развитие яйца, заключающееся в том, что известная часть желтка начинает делиться на небольшие ячейки, из которых потом слагается продолговатая кожистая пластинка — первый зачаток зародыша.

Однако, как мы уже видели, оплодотворяется далеко не вся икра, выпускаемая рыбою во время нереста; можно даже принять, что в большинстве случаев начинает развиваться меньшая половина, а другая сгнивает и погибает без всякой пользы. Главная причина тому именно неравномерное распределение самцов между самками, но не менее важно и то обстоятельство, что икринка сейчас же начинает всасывать воду через поры белочной оболочки, быстро разбухает и затрудняет вхождение живчика через яичную воронку, которая, вероятно, разрывается. В свою очередь, и подвижность живчиков крайне ограничена и продолжается иногда не более 2—3 минут, так что даже при одновременном излиянии молок и икры все-таки многие икринки не успевают оплодотвориться. Вообще можно принять, основываясь на опытах искусственного оплодотворения, что при обыкновенных условиях оплодотворяется не более половины всего

количества икринок. Но оплодотворенная икра имеет такое множество врагов между птицами, также рыбами, водяными насекомыми и прочими подводными обитателями, что навряд ли девять десятых всех зародышей достигает своего полного развития в молодых рыбок, лишенных желточного пузыря, которые уже могут избегать многих опасностей.

Зародыш, смотря по температуре воды, развивается более или менее быстро; в общих чертах можно принять за правило, что чем позже какой-либо вид выметывает икру, тем скорее из нее выклеывается молодая рыбешка: зародыш линя, который, как было упомянуто, играет при наступлении жаров, освобождается из яйца через три, даже два с половиною дня. Обыкновенно деление той части желтка, которая называется образовательной, начинается через несколько часов после оплодотворения; затем в скором времени обособляется зародыш, тело его удлиняется, задний конец увеличивается все более и более и образует хвост, а передний утолщается и образует голову, на которой показываются две точки — зачатки глаз; зародыш растет на счет остальной части желтка, наконец, освобождается из оболочек и выходит из яйца.

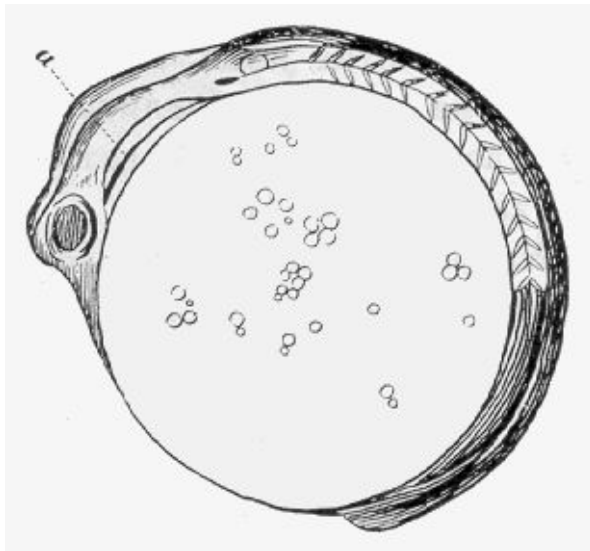

Рис. 19. 4-дневный зародыш костистой рыбы (щуки)

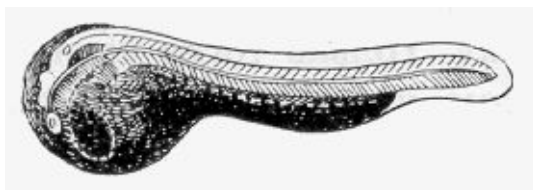

Рис. 20. Зародыш костистой рыбы (Blicca) перед выходом из яйца

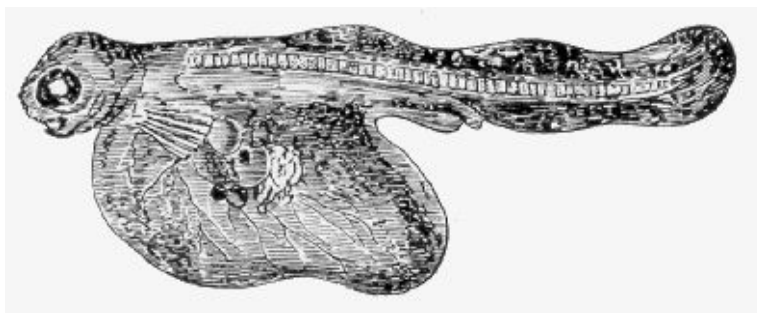

Рис. 21. Молодая рыбка (форель), вылупившаяся из яйца

Первое время молодая рыбка бывает снабжена довольно объемистым пузырем, который выставляется из брюха и заключает в себе часть питательного желтка, не вошедшего в состав зародыша, и сначала имеет только отдаленное сходство со взрослой рыбой: голова ее отличается несоразмерной величиной; у многих сазановых рыб по выходе из яйца нет ни пищеварительного канала, ни заднепроходного отверстия, недостает непарных плавников, а у некоторых даже грудных. Но с возрастом желточный пузырь всасывается, развиваются органы, бывшие в зачатке, образуются недостающие, изменяются относительные размеры тела — и зародыш постепенно приобретает почти полное сходство с родителями. Пока существует желточный пузырь, молодая рыбка не нуждается ни в какой пище и едва может двигаться; только по исчезновении его она делается более проворною и отправляется отыскивать и добывать себе нужный корм. Понятно, икра во время своего развития и молодая рыбешка, выклюнувшаяся из яйца, подвергаются несравненно большему истреблению, чем впоследствии, когда молодь уже в состоянии спастись бегством от своих многочисленных неприятелей. Мы уже упоминали, в каком множестве истребляется икра и молодь не только рыбами, особенно после нереста, но и птицами, в каком количестве остается икра на мели и высыхает. Но кроме этого, как икра, так и молодь имеет еще множество других врагов, которые становятся безопасными только впоследствии. Сюда принадлежат лягушки, особенно зеленые, еще более плавунцы и другие водяные насекомые; в мелких заросших озерах они даже бесспорно составляют самых главных истребителей икры и мальков карасей, которые по своему исключительному местопребыванию менее других рыб подвергаются нападению рыб. Нередко плавунцы поедают или портят вполне сформировавшихся карасиков, укрывающихся в няше, где сравнительно редко делается добычею водяной птицы, и рыбаки без основания считают водяных жуков одними из самых опасных врагов этой рыбы, которая вообще не отличается проворством и часто не в состоянии спастись от них бегством. Менее значительный вред карасям приносят тритоны, называемые здесь водяными ящерками, которые вообще здесь гораздо малочисленнее, чем на западном склоне Урала; в черноземной равнине они уже вовсе не встречаются, но и в Урале оба вида (*Triton cristatus* и *taeniatus*) заметно малочисленнее четырехпалого тритона, который принадлежит к недавно открытому роду *Isodactylum*. Весьма возможно, однако, что и *Isodactylum* питается карасьею икрой, так как очень часто встречается вместе с этой рыбой в больших ширфах и глубоких разрезах.

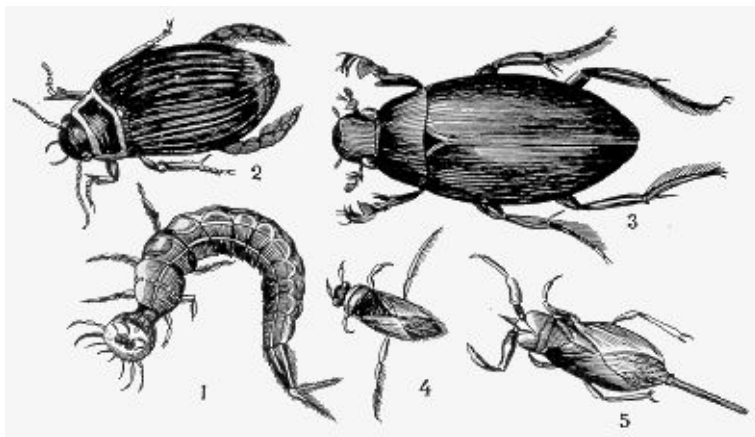

Рис. 22. Водяные насекомые, питающиеся молодью рыб: 1. Личинка плавунца. 2. Плавунец. 3. Водолюб. 4. Водяной клоп. 5. Водяной скорпион

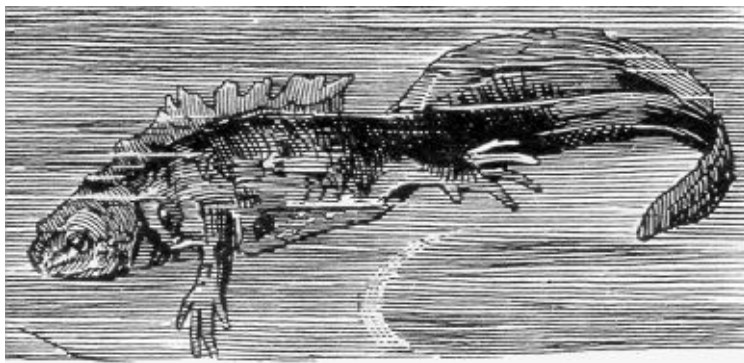

Рис. 23. Тритон (*Triton cristatus*)

Таким образом, хотя в заросших и полужаросших озерах карася икр и молодые карасики не преследуются хищными рыбами, которые уже не могут жить в таких водах, но сильно истребляются всевозможными гадами, беспрепятственно размножающимися в карасьих озерах. Участь молоди этой рыбы в более глубоких и чистых бассейнах, где уже живут щука и окунь, еще незавиднее наверное, в скором времени более девяти десятых детвы делается добычей этих хищников, не щадящих и взрослых карасей. Вот почему последние встречаются в большом количестве только в тех озерах, где не встречается этих главных врагов, которые пользуются их неповоротливостью и находят в них самую легкую добычу. Молодые чебаки, несмотря на более открытый и общественный образ жизни, в скором времени становятся такими шустрými и бойкими, что успевают иногда избежать опасности, между тем как молодые караси едва ли не делаются со временем еще более вялыми и ленивыми. В этом отношении они превосходят даже молодых линей. Взглянув на толстое, неуклюжее туловище карася, желудок которого почти во всякое время года битком набит зеленью водорослей, станет понятно его вялость и неповоротливость, обуславливаемые его растительной пищей: карась не нуждается в быстроте движений, так как корм у него, как говорится, под носом. Зарывшись наполовину в няшу, выставив один хвост, копается он в вязком иле и в этом положении чаще других рыб подвергается нападению различных водяных насекомых, мелких паразитных рачков, а также и хищных рыб. Только по вечерам и ночам карась выходит отсюда и лакомится молодыми стеблями водяных растений, особенно камыша. В это время всегда можно услышать то характерное чавканье и чмокание, по которому нетрудно отличить его от других рыб, и только в это время попадает он в сети. На зиму частью по недостатку пищи, но еще более по недостатку воздуха в мелких, почти промерзших озерах карась б. ч. вовсе зарывается в няшу и остается там с декабря до конца или середины февраля, т. е. в продолжение периода наиболее толстого льда. Эта т. н. спячка его, которая у других рыб в Зауральских озерах замечается довольно редко и не каждый год, так как они продолжают кормиться всю зиму, и его растительная пища делает понятным, почему карась растет несравненно медленнее всех других озерных рыб.

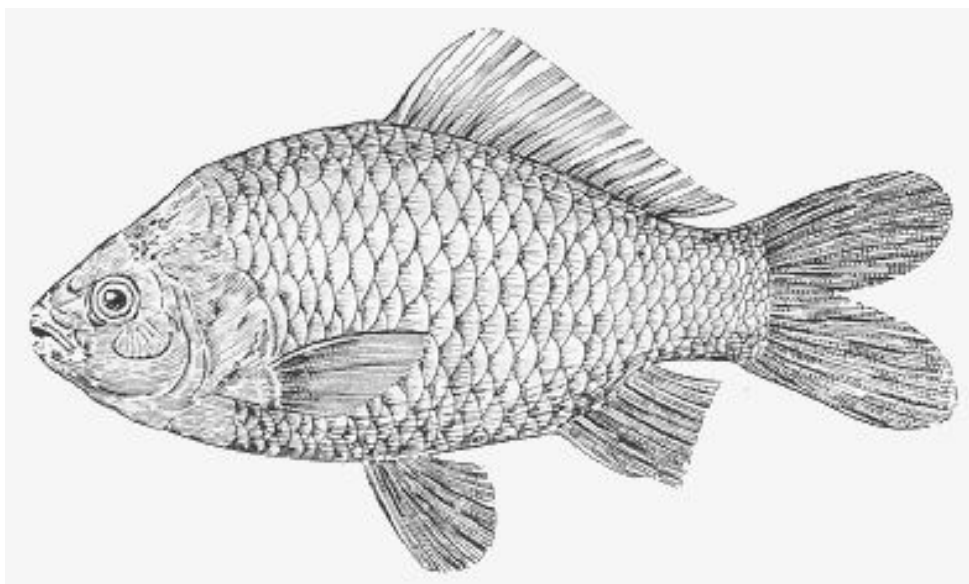

Рис. 24. Карась

Ближайший родственник карася линь, обитатель проточных озер и тинистых протоков, несмотря на свою неподвижность, подвергается уже меньшим опасностям. Очевидно, тут уже не может быть такого изобилия водяных насекомых и прочей гадины. Затем все молодые линьки, которые после окончания процесса всасывания желточного пузыря расходятся в разные стороны, первое время таятся в густой чаще водяных растений, преимущественно горошницы, также в водяном мхе и не выходят оттуда на чистые места озера или протока. Молодые караси по вечерам и утрам выходят в осоку, к мелким берегам, линьки — никогда и потому редко делают добычей щук, тем более что последние имеют даже некоторое отвращение к этой рыбе. Как бы то ни было, известно достоверно, что жерлицы, наживленные линьками, щука, даже отчасти и окунь берут крайне редко и неохотно. Объяснение этого тем, что лини сильно отзываются тиной, встречает сильное противоречие в этом обстоятельстве, что карась нисколько не уступает линю в этом отношении.

Главные враги молоди линей — мелкие полутороговыхые, даже нынешние налимы, которые с января по июнь достигают величины 3—4 вершков. Все они выбирают своим местопребыванием те же самые протоки, речные русла в пруде или озере и хотя придерживаются иловатых мест, но предпочитают более быстрое и каменистое течение. В камнях или зарывшись в ил налимы проводят весь день и выходят оттуда только по ночам. На ближних перекатах они ловят молодых ельцов и язей, которые еще довольно долго — до конца июля — остаются в речках и истоках, а в ближайших глубоких курьях охотятся за линьками, и гораздо успешнее, чем за первыми. Молодые ельцы и язи несравненно проворнее линей и притом находятся в движении почти всю ночь, так что налиму, не отличающемуся большой живостью, трудно застать их врасплох. Прочие рыбы очень редко встречаются в текучей воде: весь окунь, карась, чебак, щука, ерш, как мы уже видели, постоянные обитатели озер. Последний, впрочем, чаще всех этих видов встречается вместе с налимом — именно под лавдами; он тоже любит холодную воду, и вот почему в жаркое время года во всех проточных озерах налимы встречаются б. ч. под этими трясынами, которые очень долго предохраняют воду от нагревания.

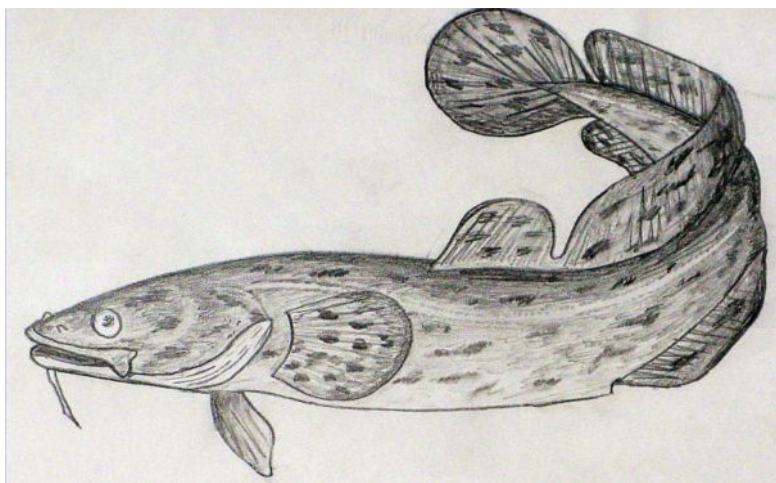

Рис. 25. Налим

Налим, собственно говоря, житель севера, и это доказывается временем его нереста, большим ростом на севере, чем на юге, и его местопребыванием. Летом он нередко встречается поблизости родников, где и зарывается между камнями в том вязком иле, который вообще характеризует ключи. Летние жары, видимо, не благоприятствуют налиму, и отсюда понятно, почему его нет во многих степных протоках и речках, берега коих лишены древесной растительности. Тень и прохлада необходимы налиму: он не любит температуры свыше $15\frac{1}{2}^{\circ}$ и потому с наступлением теплых июньских дней всегда забивается в хворост, в норы, вырытые течением в берегу, также в камни, трещины и расселины скалистого берега, зарывается в ключевую няшу или, наконец, укрывается под обнаженными корнями подмытых деревьев и нависшими берегами. В Петровки и начинается главная летняя ловля налима. Она, конечно, не может идти в сравнение с осенним лучением и зимнею ловлею его в морды, тем более что ограничивается более мелкою рыбою, но все-таки довольно значительна. Притом Петровки — самое глухое время для рыболовства, и по этой причине и настоящие рыбаки не брезгают щупаньем налимов, забившихся в камни и норы, откуда вытаскивают их просто руками или (именно из береговых расщелин) зацепляют особыми крючками. Гораздо реже употребляется острога, но ею, особенно далее к северу от Екатеринбурга и в это время года, добывают громадных налимов, которых, конечно, не только не удержишь, но даже не обхватишь руками.

Вообще в последних числах июня в озерном рыболовстве наступает полнейшее затишье. Вся рыба укрывается от палящего зноя в самые глубокие ямы или прячется под тень лавд, откуда точно так же мудрено загнать ее в ботальные сети. Только по ночам или зорям выходит она на более мелкую и открытую воду; клев ее почти совершенно прекращается, чему еще более способствуют каждодневные грозы. Один ерш иногда ловится в большом количестве в прорубях на лавдах, но этот клев весьма неправилен и подвержен многим случайностям. Но не только взрослая рыба удаляется в более холодные части озера; к этому времени б. ч. молоди чебака, окуня, в свою очередь, укрывается на глубине или уходит под лавды, куда за ними следуют шурята, прошлогодние окуньки. Днем озеро кажется почти безрыбным, и только перед закатом вся рыба выходит покормиться и погулять на широком просторе: стаи мальков выходят из своих убежищ, за ними гоняется мелкая хищная рыба, из камышей wypлывают вереницы уток, утят, гагар, крохалей и крохалят. Всюду плещется и играет рыба, оставляя бесчисленные круги на поверхности, которые не успевают сливаться с спокойной гладью воды. Здесь сигаю молодые чебаки, преследуемые шурятами, там выскакивают серебристые ельцы, гоняясь за мошками, булькают язи, хватая мошкар (Phryganea), которая во множестве падает в воду, там и сям плеснет большая щука. Только в глухую полночь рыба несколько успокаивается, но перед восходом снова на два-три часа выходит кормиться, а затем уже укрывается на целый день.

Так бывает на более глубоких или же хотя и мелких, но лавдистых озерах. В чистых и неглубоких бассейнах вся рыба в петровские жары подходит к берегам и ищет более холодной проточной воды или уходит в другие, менее открытые озера. Такие летние переходы мы видим в Большом Окункуле, откуда вся рыба переходит в Малый; в Кызылташе, откуда она стремится в Метлинский пруд; в Улагаче (18) и весьма многих других озерах. Мы уже упоминали, какими массами толпится тогда рыба у берегов замкнутых озер, отыскивая выхода кипит и бурлит вода, шуршат и гнутся камыши от напора рыбы, которая иногда и вовсе выскакивает на берег. В проточных, но мелких озерах она тогда вся стоит у решетчатых запоров, преграждающих ей путь в реку или исток, и в таком количестве собирается здесь, что ее черпают сачками; иногда даже она ломает забойку и успевает выйти из озера.

Но только в исключительном случае — в крайне сухое и жаркое лето и при сильном пересыхании озера — слишком высокая температура воды оказывает на рыбу вредное влияние и имеет для нее опасные последствия. Рыба ищет проточной воды и приступает к берегам не столько от палящего зноя, сколько для того, чтобы избавиться от бесчисленных паразитов, кишящих в стоячих водах озера. Эти паразиты составляют главную причину мора, который замечается здесь периодически, большею частью в самое жаркое время года. Без всякого сомнения, известный вид, не находя соответственной температуры, или вовсе уходит из озера, или вымирает, но вымирание совершается постепенно, в течение более или менее значительного времени, и легко убедиться, что летний мор рыбы зависит не от жары, как полагают многие рыбаки. Обглоданные жабры и плавники, язвы на теле — все показывает, что главную причину этого явления служит чрезмерное размножение наружных паразитов, известных в науке под названием рыбоедов. Эти паразитные рачки — главные враги озерной и прудовой рыбы, бич всех рыбоводных заведений. Все остальные паразиты — рыбы-пиявки (*Ichtyobdella*), ленточные, реже круглые глисты — не имеют и сотой доли значения этих рачков и не приносят рыбе такого ощутительного вреда. Правда, в некоторых озерах, напр. в Калдахе, Шарташе и многих других, почти вся рыба, всего чаще чебак, окунь и карась, глистовата, (19) во многих случаях вовсе лишена икры и растет крайне медленно, но самый мор несомненно происходит от карпоедов, окунеедов и некоторых других родов замечательного отряда рыбоедных раков, которых рыбаки обыкновенно называют рыбьими вшами.

Рис. 26. Окунеед (самка)

Рис. 27. Окунеед (самец)

Рис. 28. Рыбья пиявка

Название это дается, впрочем, исключительно карпоеду (*Argulus*), который по форме своего круглого зеленоватого тела представляет некоторое сходство с вошью, притом на озерах гораздо обыкновеннее прочих родов рыбоедов, и встречается почти на всех озерных рыбах, особенно на карасе, который потому чаще других видов подвергается внезапному мору. В противоположность другим паразитным рачкам карпоед ведет свободный образ жизни и плавает очень быстро, что, конечно, дает ему большое преимущество перед остальными рыбоедами, которые большую часть своей жизни неразрывно связаны с питающей их особью, и объясняет его многочисленность и громадность вреда, им приносимого.

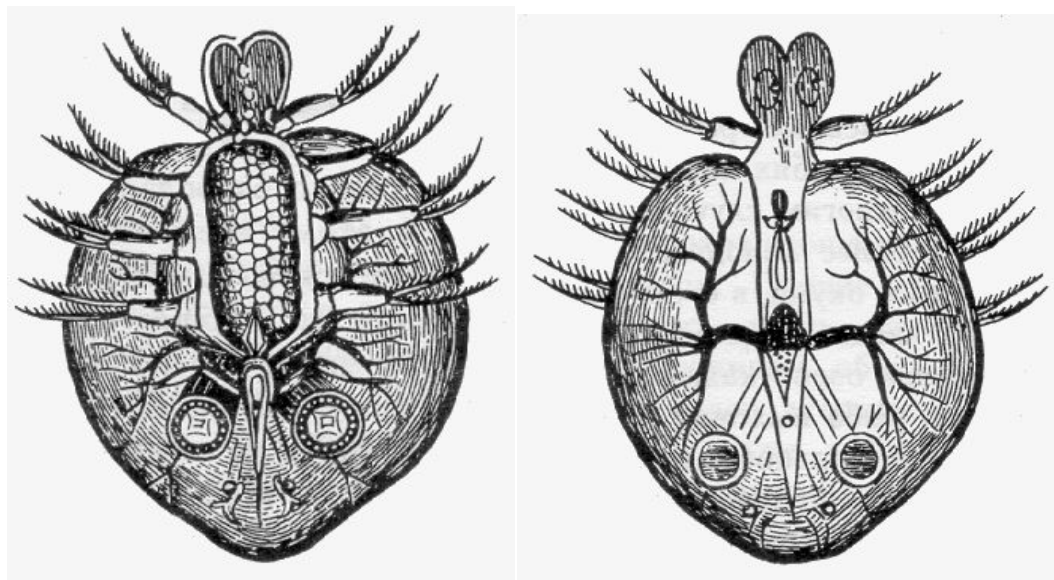

Рис. 29 Карпоед (*Argulus foliaceus*): Снизу и сверху

Карпоеды прежде всего обгладывают плавники рыбы, так что последняя почти лишается возможности движения, поворачивается кверху брюхом, всплывает наверх и делается затем окончательной добычей этих мелких хищников, которые десятками, сотнями впиваются в тело беззащитной жертвы и оставляют ее только при последнем издыхании. Большая часть снулой

рыбы носит на себе явные следы нападения карпоедов, но кровавые язвы на теле производятся исключительно лернеоцерами, которые внедряются в мускулы рыбы и служат, в свою очередь, причиною ее смерти. Меньшее значение имеют ергазины, живущие на жабрах, особенно щук, также окунеды, не редкие в полости рта окуня.

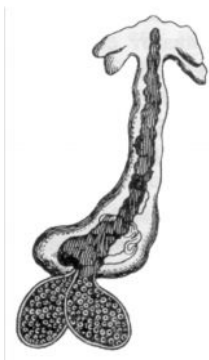

Рис. 30. Лернеоцера (*Lerneocera cyprinacea*)

Рис. 31. Лернеоцера (*Lerneocera gobiana*)

Редкий год обходится без более или менее значительного мора в каком-либо из озер Зауралья. Чаще всего это случается в травянистых и мелких карасевых озерах, которые вообще отличаются огромным количеством мелких животных организмов, всего реже в проточных бассейнах, тем более реках. Обыкновенно мор начинается в самые жары — в Петровки и в начале июля — и продолжается всего несколько дней, редко более недели; почти всегда мрет какой-нибудь один вид рыбы, б. ч. карась, окунь, реже чебак, налим, щука и другие. Притом мор начинается исподволь, уснувшая рыба живо подбирается чайками, утками, и иногда дело ограничивается этим, и мор проходит совершенно незамеченным. Но годами он принимает невероятные размеры, и в какие-нибудь два-три дня жертвою его делается громадное количество рыбы. Озеро белеет от множества трупов; тучи рыболовов, воронья, сотни коршунов выются над озером, добывая полумертвую рыбу; даже жадная ворона от избытка брезгает снулой; сотни, тысячи, целые груды трупов выбрасываются волнением на подветренный берег озера и, сгнивая, заражают окрестности нестерпимым зловонием. Иногда пропадает почти вся рыба какого-либо вида, некоторые озера становятся почти безрыбными, но до окончательного обмеления и зимнего вымерзания озера; неиссякаем его жизненный источник: через два, три, много четыре года в нем рыбы более прежнего.

VI

Летняя ловля рыбы не имеет большого значения. С первых чисел июня, с наступлением жаров, вся крупная рыба уходит на глубину, и клев ее постепенно ослабевает. Лишь изредка, гуляя

по ночам или гоняясь за рыбешкой, заходит она в протоки и заливы и попадает здесь в морды или тесный лабиринт котцов; но в это время года озера редко навешаются рыбаками, и пойманная рыба не всегда достается последним. Целые выводки уток, гагар, лысух, привлекаемые скопившейся рыбой, заходят в котцы, пожирают последнюю, но затем, не имея возможности ни выплыть, ни вылететь отсюда, погибают голодной смертью. На уединенных камышистых озерах, изобилующих водяной птицей, нередко случается находить здесь десятки различных утят, а гагары и лысухи как-то ухитряются заползти и в самые морды. Вообще, как эти последние, так и котцы играют второстепенную роль в летнем рыболовстве.

Еще ранее кончается ловля тоже знакомыми нам фитилями. Притом этот снаряд всюду в небольшом употреблении, и его можно встретить только на уральских реках, и то преимущественно в Оренбургской губ. Лишь изредка ловят им запоздавших ельцов и язей, которые иногда недели две-три проводят в озерах, дающих начало речкам, и только в начале лета скатываются обратно — в большие и глубокие озера, где проводят большую часть года.

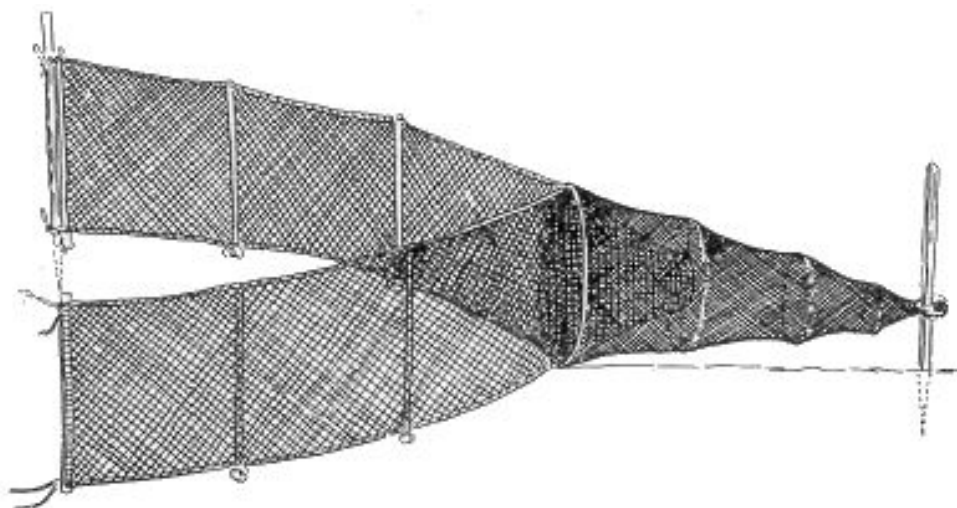

Рис. 32. Фитиль

Настоящая летняя ловля — боганье — не менее оригинальна, чем ловля котцами, и также всего более распространена на Зауральских озерах. В России она известна только местами — на озерах северо-западных губерний и в низовьях южнорусских рек. Этот способ ловли основан на том, что рыба очень боится всякого сильного звука, который притом, как известно, приобретает в воде необычайную силу, и бросается стремглав в противоположную сторону, где ее ожидает мережа с двойным рядом сетей. Одним словом, рыба загоняется в сеть. Главное орудие при боганье — бот или ботало, на Чудском озере известное под названием мшаги, на юге России — ботва. Это деревянный или железный колокол, насаженный на длинную и тонкую жердь; при ударе им спертый воздух производит такой оглушительный звук, что в тихую погоду боганье слышно за несколько верст; потрясающий шум от этих ударов бывает еще поразительнее в воде, что можно испытать, нырнув в то время, когда действуют этим несложным снарядом: если опыт сделать шагах в десяти от ударяющего, то для человеческого уха даже мучительно выносить подобное сотрясение слуховых органов.

Рис. 33. Ботанье

Ловят ботальными мережами почти всегда утрам и вечерам, в полдень только линь и карась, реже щука делаются добычею рыбака. Всего более попадает рыбы около восхода и перед закатом солнца, когда красноперый язь, пестрый окунь, серебристый чебак и вообще вся крупная рыба выходит кормиться из глубоких ям озера в травянистые курьи и к береговым лавдам. В тихую погоду вы часто услышите, приближаясь к озеру, какой-то странный отдаленный гул — это «уркает ботало». Подъезжаете ближе, все сильнее и сильнее слышится это урканье, но рыбака все не видно; лишь зоркий проводник указывает вам на другом берегу широкого, чуть не пятиверстного озера едва чернеющую точку — это утлый челнок с рыбаком. Но шум прекращается, точка быстро растет, вы уже видите, как лихой гребец, стоя на ногах, несется стрелой; с неподражаемою ловкостью гребет он, быстро перекидывая весло из руки в другую: одно неверное движение, порыв ветра, и легкий бат, скорее корыто, нежели лодка, неминуемо должен опрокинуться, а между тем есть мастера, которые могут грести так и в довольно ветреную погоду. Вот он наконец весь на виду — в сотне-другой саженьях, тихо всплывает в камышистую курью, осторожно обметывает густую траву неподалеку от берега, отъезжает на несколько десятков шагов, и с первым ударом ботала стая испуганных селезней подымается столбом из камышей, делает два-три широкие круга и исчезает у дальнего берега; выводки утят бегут по воде, шлепают неуклюжие лысухи, там и сям выныривают, даже вылетают гагары, оглушенные шумом; происходит всеобщее смятение.

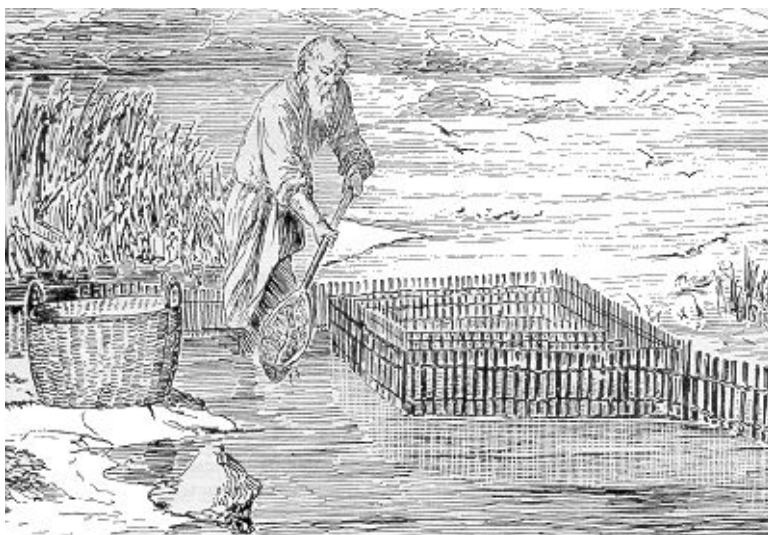

Рис. 34. Котцы

Весь мокрый от брызг, проворно действует рыбак своим орудием, зарыбилась поверхность воды, и широкими кругами расходитесь зыбь, постепенно сливаясь с спокойною гладью еще неподвижного озера, все ближе и ближе подъезжает он к сети, быстро двигаясь взад и вперед все при помощи того же ботала, наконец ударяет еще несколько раз у самой бичевы мережи, вытаскивает колья и вынимает рыбу, запутавшуюся своими перьями в редких ячейках наружной сети.

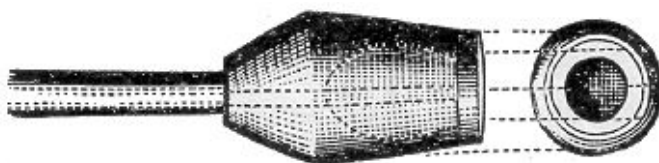

Рис. 35. Ботало

Таким образом ловится исключительно самая крупная рыба, чаще всего огромные лини, которые почти никогда не покидают глубоких тинистых заливов, зарастающих горошницей, лопухами и другими водяными растениями, реже карась и щука, большую часть мелкая и средняя. Иногда в ботальную мережу попадает зараз более двух пудов рыбы, а во время нереста и несравненно более случается, что сеть с первых ударов боталом тонет на дно от множества добычи. К счастью, ботальные мережи здесь редко употребляют даже при позднем нересте линя и карася: это исключительно летняя ловля, и потому на Зауральских озерах она не приносит такого вреда, как в некоторых местностях России. Можно быть уверенным, что стая рыбы, потревоженная во время метания икры, никогда или по крайней мере много лет не возвратится на прежнее место; множество неоплодотворенной икры погибает без всякой пользы, а кроме того, некоторые рыбы (напр., лещ), не выметав икры вовремя, подвергаются особой болезни, известной под названием гнилой икры, болезни, которая в большинстве случаев, за исключением осетровых рыб, у которых разлагающаяся икра постепенно всасывается организмом, имеет смертельный исход.

Но, говоря относительно, в Петровки и в первую половину июля летний лов рыбы весьма незначителен, и потому в это время на безрыбье не брезгают ловлею даже такой мелкой рыбы, как озерный голянь (*Phoxinus phoxinus* Pall), который нерестится позже всех рыб в первых числах, в уральских озерах даже в середине июля и ловится тогда в большом количестве.

Озерный гольян представляет некоторое сходство с обыкновенным и относится к одному роду с последним, но вместе с тем имеет и значительные отличия. Между тем как брусковатое туловище речного гольяна (*Phoxinus laevis*) покрыто крайне мелкою, почти неприметною чешуею (откуда, разумеется, произошло это название), яркими цветами, особенно во время нереста, — озерной гольян заметно сжат с боков, имеет гораздо более крупную чешую, менее выпуклый нос и далеко не так красив. Спина у него темно-голубовато-зеленая, бока золотистые, плавники оранжевые, изредка красноватые, и красноты на брюхе не бывает у него даже во время нереста. Кроме того, он значительно более речного и в некоторых озерах при благоприятных условиях достигает одной четверти длины и четверти фунта весу.

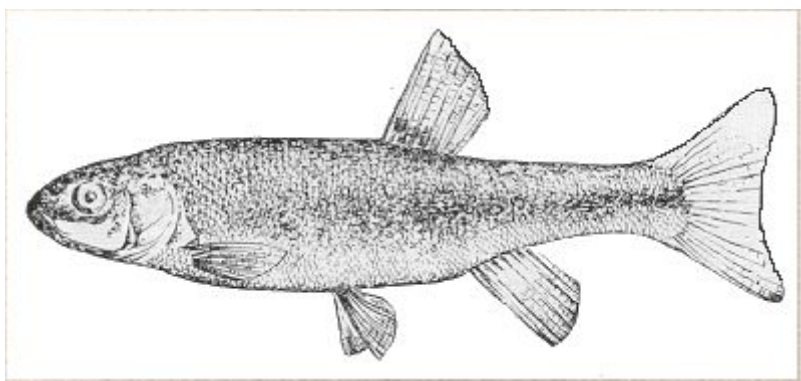

Рис. 36. Гольян

Так же отличны образ жизни и распространение озерного гольяна. Он постоянно живет в мелких няшистых озерах, где является почти всегдашним спутником карася, и большею частию держится на дне, а на зиму совершенно зарывается в ил; движения его довольно медленны и вялы, пища состоит не из насекомых, а водорослей, и желудок постоянно набит зеленой грязью.

Несмотря на свою неприхотливость в отношении качества обитаемой им воды, он засыпает, однако, весьма быстро и летом портится едва ли не скорее всех других рыб. До сих пор местопребыванием озерного гольяна считалась Восточная Сибирь, но в Зауральских озерах от Петропавловска до Златоуста и, вероятно, еще южнее он принадлежит к числу весьма обыкновенных рыб и встречается как в горных, так и степных озерах, но в России на западном склоне хребта его, по-видимому, нет вовсе, так что распространение речного гольяна гораздо обширнее.

В мелких степных озерах Шадринского и Челябинского уездов озерной гольян, по-видимому, гораздо многочисленнее, чем в уральских, что доказывается тем, что он и в этих последних выбирает самые мелкие и няшистые. По слухам, он действительно весьма обыкновенен в озерах степной полосы.

Во время нереста озерной гольян собирается огромными стаями и массами приплывает к берегам или лавдам, входит в самые незначительные заливы и здесь выметывает свою довольно многочисленную икру. В таких курях, тоже в промежутках прибрежных лавд, расставляют самые частые морды, которые, как сказано выше, плетутся из тонких ивовых прутьев, в виде кувшина со вставным горлом иногда в одну морду набивается до пуда этой мелкой рыбы. Изредка, и то самые крупные, гольяны, впрочем, попадают в мелкоячеистые и двухпалечные мережи вместе с карасями, но большею частию они проходят беспрепятственно через ячеи второй сети. Ловлею гольяна занимаются исключительно на небольших уральских озерах, где местами он составляет самую многочисленную, почти единственную, породу рыб. Таковы Семискуль, Арыткуль, неподалеку от знакомого читателям Иткуля, также Багаряк, Ямское и многие другие небольшие бассейны. На севере Пермской губернии в окрестностях Петропавловского завода есть даже

небольшое озеро, населенное одними гольянами и называемое Гольянским; жители этого завода за недостатком другой рыбы ловят его в очень большом количестве и даже сушат и маринуют. В другое время года гольян ловится только в начале сентября, в листопад.

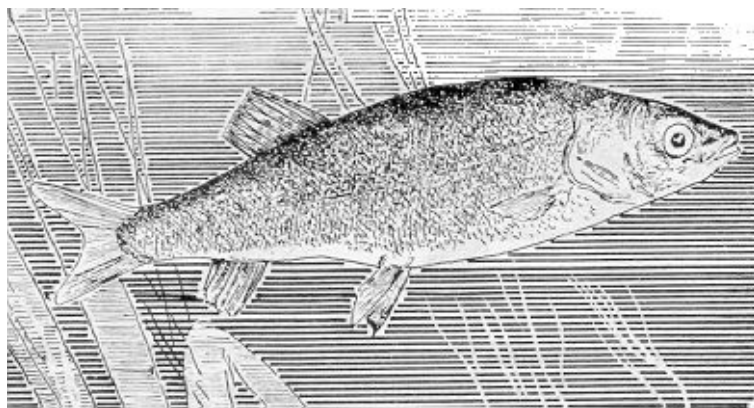

Рис. 37. Озерный гольян

Лов гольяна продолжается недели две — до середины июля, судя по всему, нерест его кончается не ранее как в неделю и совпадает с самою высшею летнею температурою воды, которая с Ильина дня, т. е. 20 июля, начинает быстро понижаться. Около этого времени в жизни вообще всех обитателей озера также происходят весьма резкие изменения. Огромные стаи молодого чебака и окуня, которые уже достигли величины около вершка, чаще и чаще выходят из-под лавд и камышей к чистым берегам озера. Сюда привлекает их бесчисленная мошка, черною корою покрывающая кусты, всю траву на берегу. Темными тучами подымается она в воздух, относится ветром и несчетными массами падает в воду. Нигде, даже на севере, я не видал такого необычайного множества этих мелких насекомых, как на озерах Екатеринбургского и Шадринского уездов.

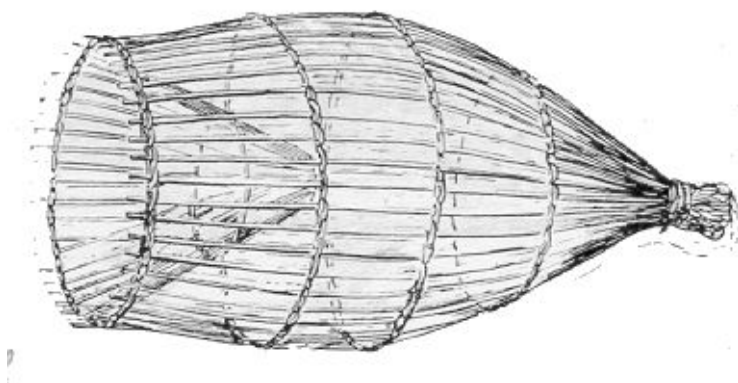

Рис. 38. Морда

Обилие мошки, также и других насекомых, особенно мошкары (*Phryganea*) и поденки (*Ephemera*), которая, впрочем, падает здесь далеко не в таком количестве, как на некоторых реках Средней России, и отличается своею большею долговечностью, также постепенно возрастающая свежесть воды постепенно привлекают к берегам и других, уже взрослых рыб, которые до того времени скрывались на глубине или держались под лавдами и трясинами.

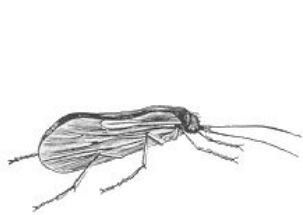

Рис 39 Мошкара

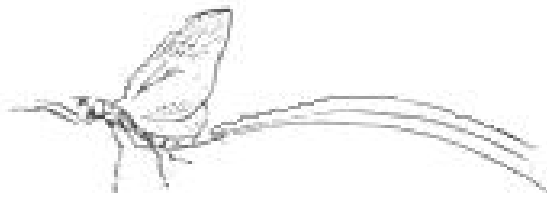

Рис. 40 Подёнка

Язи как бешеные хватают добычу, стаи ельцов, ярко сверкая белизной, плавают на поверхности. По тем же причинам молодь этих рыб покидает речки и протоки и окончательно входит в озеро. Выход мелкой рыбы, по преимуществу чебака, имеет влияние и на других рыб, даже водяных птиц. Хищные окунь и щука, в свою очередь, все чаще и чаще встречаются на мелких местах; вслед за молодью перемещаются из камышей поднявшиеся утки и лысухи, собирающиеся все в большие и большие стада; сотнями, тысячами плавают они неподалеку от берега; тучи крачек и рыболовов, вереницы турпанов и гагар указывают опытному рыбаку, где стоит громадная стая мелкого чебака, а следовательно, и крупная рыба. В августе самый разгар ловли ботальными мережами, чаще и чаще попадает рыба в морды, начинается клев окуня, добычливая ловля щук на жерлицы и дорожки. Реки и протоки совершенно пустеют, в конце лета даже налим и пескарь переходят из озера, и только голянь, также голец и веретей, столь обыкновенные в прудах и озерах Средней и Южной России, по-видимому, вовсе не покидают проточных, вернее, текучих вод. Веретей (*Cobitis taenia*) еще изредка встречается в заводских прудах, голец (*Cobitis barbatula*) — никогда, но в реках и протоках оба вида крайне многочисленны. Всегда можно усмотреть голец, неподвижно приткнувшись в камнях, в мелких, светлых заливах ясно различишь тонких полосатых «водяных ящерок», напоминающих щурят, а в иле часто замечаешь их ходы. Во всякой незначительной речке можно наловить множество этих рыб. Недотками, но при изобилии другой рыбы только первый изредка употребляется в пищу, в большинстве случаев голец считается поганой рыбой, а веретей, как показывает вышеприведенное местное название, даже не считается рыбой. Что же касается обыкновенных выюнов (*Cobitis fossilis*), то, сколько известно, они вовсе не встречаются в озерах и даже присутствие их в небольших речках Каспийского Урала весьма сомнительно. Впрочем, по свидетельству некоторых лиц, заслуживающих полного доверия, он водится в окрестностях Екатеринбурга, и очень может быть, позднейшее исследование покажут, что выюн принадлежит к числу рыб, весьма недавно перешедших или случайно перенесенных в зародыше через Уральский хребет. На западном склоне Урала, например в Уфалейской, Полевской даче, они весьма обыкновенны, но в пищу никогда не употребляются.

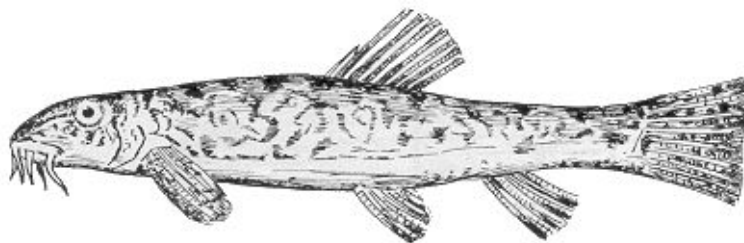

Рис. 41. Голец

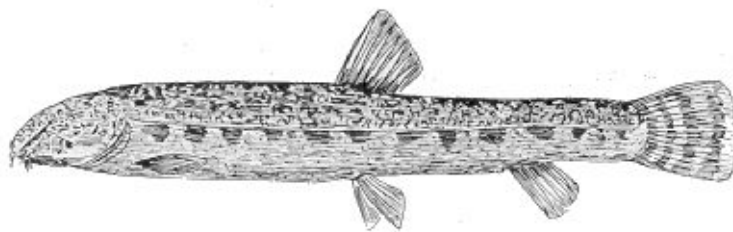

Рис. 42. Веретя

Рис. 43. Вьюн

Не употребляется в пищу и стерлядь, которая, как уже было сказано, пересажена в озера из Уфы и Чусовой и изредка попадает в морды, (20) расставленные весной в каменистых речках Каслинского Урала, где она, по-видимому, нерестится. По крайней мере, это можно заключить из того, что рыбакам попадаются и очень небольшие экземпляры. Во всяком случае, навряд ли в какой-либо местности России можно найти такую местность, как Зауральские проточные озера, которая бы могла быть более пригодною для искусственного разведения этой ценной рыбы, которая известна здесь только в мороженом виде привозная из Оби. Очень может быть, что при употреблении крючковой снасти окажется, что стерлядь вовсе не так редка, как это кажется с первого взгляда.

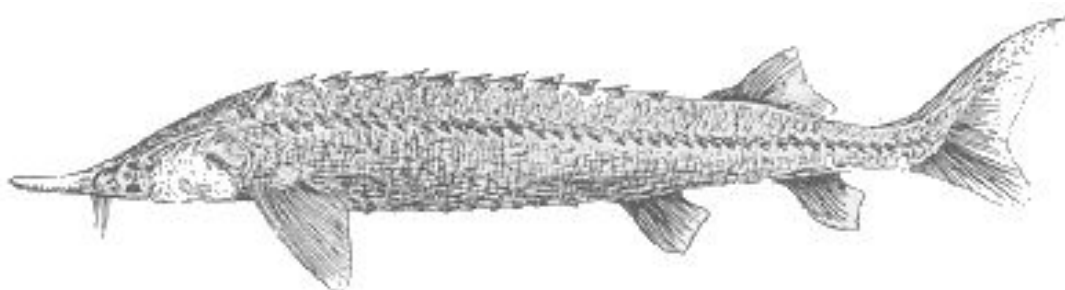

Рис. 44. Стерлядь

Рассмотрим кстати и тех рыб, которые хотя и не принадлежат к рассматриваемым нами озерам, но встречаются в некоторых зауральских реках или в верховьях речек западного склона. К первым принадлежат тальмень, нельма, хариус и, может быть, бычок, ко вторым — уклеика и голавль.

Тальмень (*Salmo talmen*), местами «лень», — рыба чисто сибирская, вовсе не известная в России, где ее заменяет близкий к ней вид форелей — кумжа (*S. trutta*), называемая в Уфимской губ лохом или красулей. Впрочем, судя по некоторым данным, этот вид постепенно проникает и в Россию через Ледовитый океан. (21) От последнего вида тальмень отличается главным образом своим большим ростом, так как в некоторых речках Верхотурского уезда, напр. Какве, Сосьве, Лозьве, он достигает 1 1/2 и даже 2-х пудов весу. В Екатеринбургском уезде тальмень вовсе не встречается, разве в среднем течении р. Исети, но в Миясе, уже в Челябинском уезде, он не составляет редкости и легко, может быть, заходит отсюда и в озеро Аргази, через которое

протекает эта каменистая и быстрая река. Быстрота течения и холодная вода — необходимые условия для распространения тальменя, и этим объясняется отсутствие его в небольших речках Екатеринбургского Урала, впадающих притом в степные реки, каковы Теча и частию Исеть. На севере, в реках Верхотурского уезда, эта рыба имеет довольно большое значение и (местами) вместе с хариусом принадлежит к числу наиболее обыкновенных, а иногда, как в Вагране (Богословский Урал), бывает почти единственным видом. Большею частию тальмень ловится там на дорожку (см далее), изредка бредниками и на большие крючки, наживленные рыбой, лягушкой или несколькими крупными земляными червями.

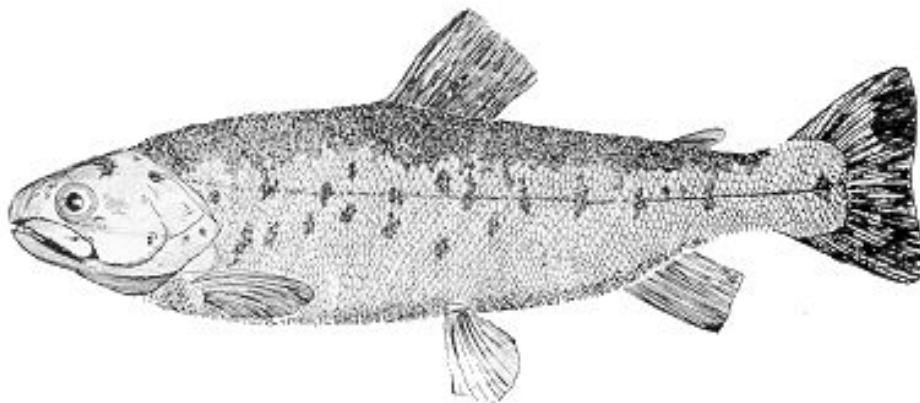

Рис. 45. Форель

Почти такое же распространение имеет нельма и хариус. Нельма, собственно наша белорыбца, тоже встречается в Миясе и во многих реках Верхотурского уезда, только никогда не заходит так далеко вверх по рекам, как тальмень, и не любит каменистого и очень быстрого течения. В низовьях Сосьвы и Лозьвы нельма осенью, когда после нереста скатывается вниз по реке, ловится в большом количестве, т. н. сежами, в сущности сачками, расставленными в отверстиях изгороди, преграждающей всю реку или только наиболее глубокую часть ее. Наверху устраивается сиденье, которое, конечно, и дало название этому снаряду, рыбак держит в руке симу — бечевки, привязанные внутри сачка, и при малейшем прикосновении рыбы мгновенно с помощью крайне простого механизма приподымает сачок. Чуткая и бойкая рыба редко успевает выскочить из этой западни. В противоположность этим двум рыбам, поднимающимся на более или менее дальнее расстояние из нижних течений рек, хариус — исключительный обитатель самых верховьев быстрых и каменистых рек речек и даже ручьев и местами в Верхотурском уезде, а также и почти во всех реках западного склона встречается в огромном количестве, так что в необитаемых частях Урала его ловят самым первобытным способом рубахами и штанами, завязанными на конце веревочками. Но вообще это весьма осторожная рыба и ловля ее довольно затруднительна. В Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездах хариуса ловят обыкновенно т. н. сырпами, иногда (во время нереста) в морды, реже удочкой или острогой. Ловля сырпом довольно оригинальна. Это небольшая сеть связанная в виде сачка в 4—5 аршин длины и 1/2 аршина вышины. К нижней бечеве прикрепляют тонкие шесты около 5 аршин, а к верхней — симы. Лов производится всегда на двух лодках вчетвером гребцы правят лодкой, а другие два рыбака прижимают ко дну шесты и как только услышат по сипе, наверху на палец что в сеть ткнулась рыба, ослабевают верхнюю тетиву и вынимают сырп из воды.

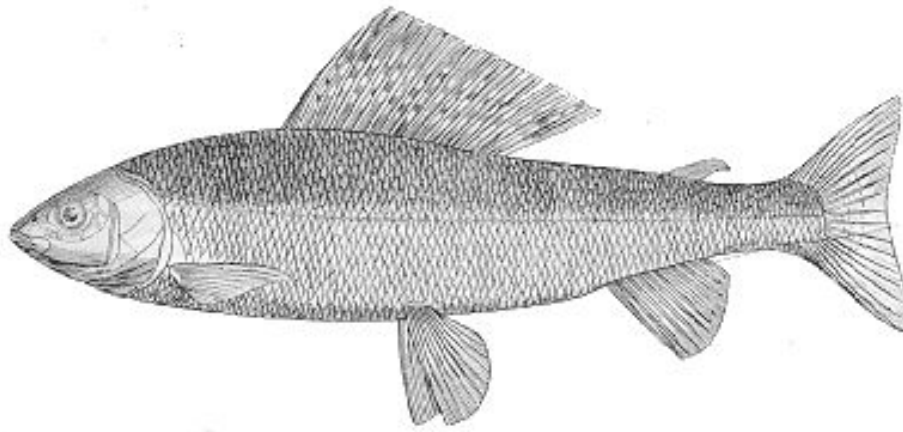

Рис. 46. Хариус

Все другие рыбы встречаются только в реках западного склона, а если и встречаются по ту сторону Урала, то это может объясняться только переходом этих рыб через хребет вышеупомянутым способом — через общие истоки или же перенесением икры. Бычок, иначе подкаменщик, по-видимому, встречается и в Сибири, но в восточной половине он настолько редок, насколько обыкновенен в речках Камского бассейна. По описанию рыбаков, он попадает в Павдинской и Тагильской дачах и даже в Каспийском Урале, именно в речке Вязовке. В притоках Уфы, Чусовой, Вишеры, Косьвы бычок весьма обыкновенен, но в пищу не употребляется.

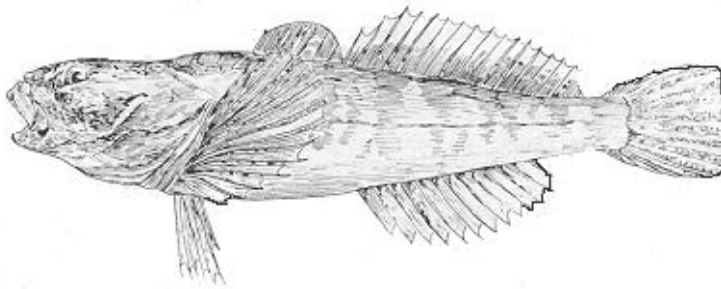

Рис. 47. Бычок

Точно так же и всем известная в России уклейка — одна из самых обыкновенных рыб наших рек — на восточном склоне принадлежит к величайшим редкостям, а голавль, достигающий в притоках Уфы и Чусовой необычайной величины, здесь уже никогда не встречается. Эта, последняя, рыба живет, однако, в самых верховьях быстрых и каменистых речек Уфалейского и Полевского Урала и вместе с хариусом принадлежит здесь к наиболее распространенным рыбам.

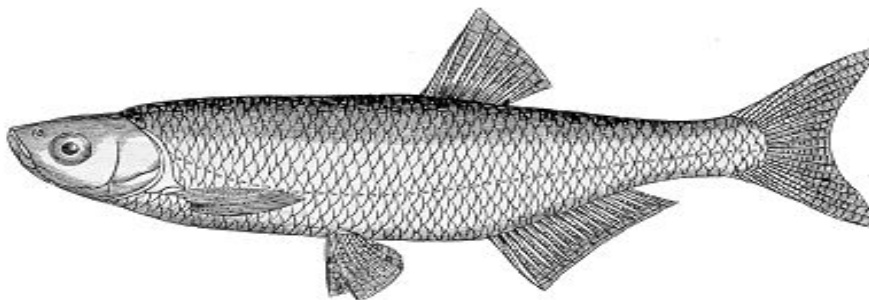

Рис. 47. Уклеика

Вообще фауна рыб всего Зауралья значительно беднее, нежели рыбье население притоков Камы. Здесь недостает весьма многих других обыкновенных наших пресноводных видов, напр. густеры (*Blicca*), шереспера, подуста, чехони и некоторых других. Рыбы эти, однако, встречаются уже в большем отдалении от хребта, исключительно в Уфе, Чусовой. Собственно восточному склону из сибирских рыб принадлежат только тальмень и озерной голянь.

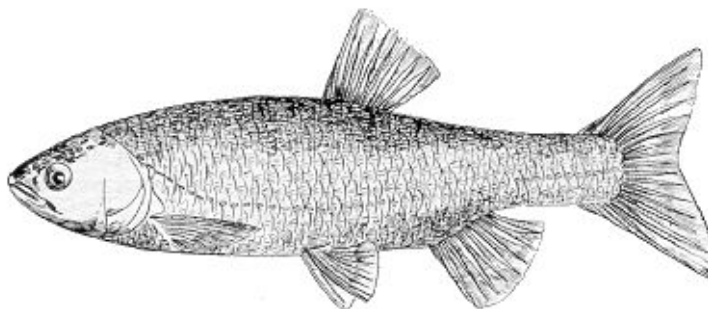

Рис. 48. Головлъ

VII

В середине августа, впрочем, чаще в начале сентября начинаются легкие утренники; постепенно усиливаются они, но еще сильно греет полуденное солнце и дает знать, что еще не кончилось бабье лето. Быстро холодеет вода, бесчисленные мелкие растительные и животные организмы — споры водорослей, инфузорий, коловратки; мельчайшие ракообразные — циклопы, дафнии, впрочем далеко не столь многочисленные, как в прудах и травянистых озерах Средней России, так как, по-видимому, служат главною пищею знакомых нам мормышей (*Gammarus*), — все это мало-помалу погибает, садится на дно и вместе с сгнившими остатками прошлогодних растений образует новый слой ила. Скоро исчезнут и водяные насекомые: один мормыш выходит из-под лавд, подымается со дна, где укрывался в няше; количество его увеличивается с каждым днем и в конце осени, всю зиму и первую половину весны он бесспорно служит почти единственною пищею большинства озерных рыб. С каждым днем вода становится все прозрачнее и прозрачнее, в просветлевшей воде озера ясно видны все неровности, малейшие его углубления. Начинается осень и самая добычливая ловля щук, окуней и лученья рыбы.

Не по дням, а по часам растет пернатое население, особенно на степных озерах. Тысячи уток налетают с далекого севера, начинается пролет гусей, а затем и казарок; «на море» плавают бесчисленные стаи гоголей, турпанов, крохалей; в камышах и осоках таятся громадные стада уток, особенно кряковых; озеро иногда чернеет от множества птицы. Вот стая гусей садится на середину озера и осторожно подплывает к голому берегу; низко над водой пролетает орел-белохвостик — и несметная стая лысух, издали казавшаяся темным островом, точно по сигналу, бежит по воде, и далёко-далёко слышится их неуклюжее шлепанье. Глухо кричат немые казарки (*Anser arvensis*), пищит мелкая казара-пискулька (*Anser minutus*), сотенными стаями одна за другою пролетая над озером; всюду, на воде и в воздухе, крикают, свистят бесчисленные утки, перелетывающие с одного озера на другое, тысячи рыболовов, крачек с пронзительным криком выются над водою; там и сям каркают гагары, кричит цапля, неуклюже пролетая над озером, а в необъятной выси слышится заунывное курлыканье журавлей, тронувшихся в далекий путь.

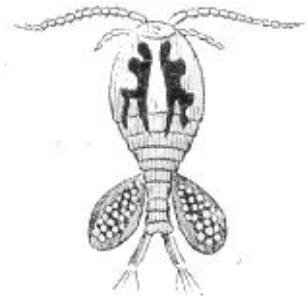

Рис. 49. Циклоп

Как было сказано, к осени вся рыба собирается на мелкие, следовательно, более кормные места озера и вообще держится у берегов, а в прудах выходит из материка и омутов в полои. В исходе августа крупный окунь жадно берет на малька, всего лучше голяна, начинается жор щуки. Озеро, безлюдное в июле, начинает понемногу оживать, но жатвенная страда уже многим мешает выехать на ловлю, и ею занимаются исключительно коренные рыбаки-промышленники или же старики.

С конца августа, с выходом чебака на чистые места, оба хищника, особенно щука, неустойчиво охотятся за мальками. Стаи крупных окуней следуют за каждым передвижением молоди и уже исключительно придерживаются заливов, хотя и довольно глубоких. Тут же стерегут свою добычу и крупные щуки, которые все лето держатся в озерных ямах и речных бочагах. Впрочем, последние редко встречаются в большом количестве и только зимою попадают в значительном числе в невода: они не любят сообщества себе подобных, всегда ведут уединенный образ жизни, и крупная щука не дает спуска не только мелкой, но и средней. Это обстоятельство очень хорошо известно рыбакам, которым здесь не очень редко приходится вытаскивать крупных щук, заглотавших, иногда наполовину, очень порядочных шурят, взявших на живое жерлицы.

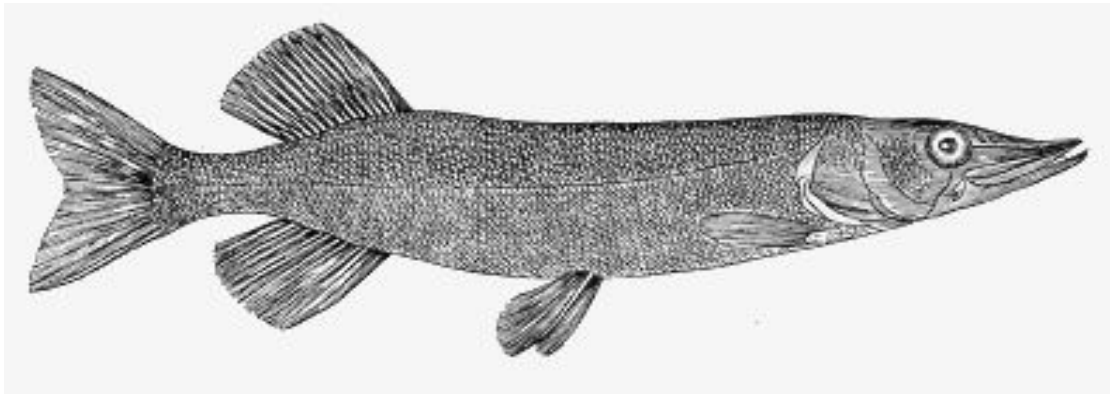

Рис. 50. Щука

По своему устройству зауральские жерлицы очень мало отличаются от употребляемых в России. Кол, рогулька, крестообразно намотанная на нее бечевка и большой простой (не двойной) крючок — вот и все устройство жерлицы, которая также ставится в курьях, у камышей или тростника, также у неглубоких лавд, под которыми щука лежит по целым часам, неподвижно высматривая добычу. Для насадки обыкновенно употребляется более или менее крупный елец или чебак, изредка окунь с подстриженными плавниками, чаще всего крючок вдевается прямо в спину: это гораздо скорее, а скорость имеет весьма большое значение, так как иные рыбаки ставят жерлицы десятками — до сотни и более. Голодная щука, увидев приманку, стремглав бросается на нее, заглатывает живое, сама себя подсекает, постепенно разматывает бечеву с упругих

развилин рогульки, но скоро утомляется и иногда с вывороченным желудком лежит неподвижно на дне, так что при надежной снасти вытаскивается без особых затруднений. Впрочем, очень крупные щуки здесь редки и обыкновенно попадаетесь на жерлицы 2—5-фунтовая рыба. Тем не менее в самый разгар клева щуки опытный рыболов при большом количестве снастей добывает до 5, даже 10 пудов. С раннего утра до поздней ночи расставляет, осматривает и оправляет он свои жерлицы и иногда с одной снимает добычу по 3—4 раза: редкая жерлица остается нетронутой, редкий живец не помят зубами хищника или не сорван с крючка. Последнее обстоятельство много зависит от способа насадки, почему в некоторых местах рыбаки начинают употреблять мешкотную, но более надежную продевку через рот, жабры и спинное перо.

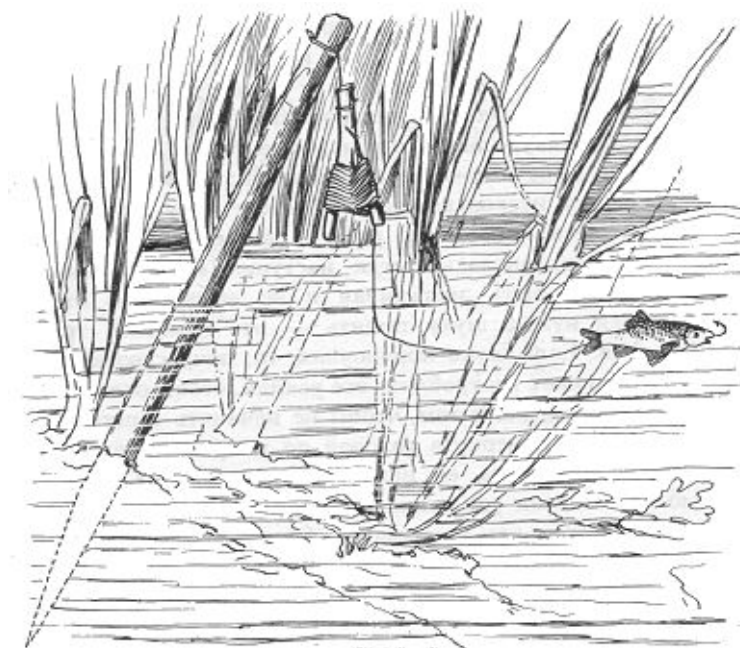

Рис. 51. Жерлица

Менее распространена здесь ловля щук на дорожку, весьма употребительная и вместе добычливая на Сосьве, Лозьве и других северноуральских реках, где на дорожку берет и хищный тальмень, реже — озерах. Из описания этого несложного снаряда, напоминающего блесну среднерусских рыбаков и волжских бурлаков, легко усмотреть, что он гораздо более пригоден для рек, нежели озер. Как видно из рисунка, дорожка состоит из 2—4-вершков железной, реже медной пластинки с небольшим выгибом на переднем конце, где просверливается маленькое отверстие; на другом конце припаян крючок и привязан кусочек красного сукна или другой материи. Приготовление хорошей дорожки, несмотря на всю простоту ее, требует, однако, большого искусства; при неправильном центре тяжести она плавает не горизонтально, плашмя, крючком книзу, а несколько наискось и неверно колеблется — играет; потому хорошая дорожка ценится рыбаками весьма дорого, и счастливый обладатель таковой не продаст ее и за несколько рублей.

Дорожат всегда с лодки и на ходу: только тогда дорожка принимает некоторое подобие рыбы и обманывает хищников, притаившихся у берега в ожидании добычи. В переднее отверстие продевается короткая проволока, к которой привязывается длинная и крепкая бечевка — до 10 сажен и длиннее, смотря по быстроте течения реки, вообще так, чтобы дорожка плыла на глубине около аршина. Рыбак садится в корму и тихо и мерно гребет, постепенно спуская веревку; затем, вытравив ее до надлежащей длины, захватывает зубами и закидывает за ухо. Осторожно, едва шевеля веслом, плавает он мимо заливов; мерно колеблется шнурок, передавая свое сотрясение уху — верный признак, что дорожка играет как следует. Мгновенно веревка натягивается и больно

режет ухо — это щука схватила с разбега сверкающую приманку; еще мгновение — и рыба подсекается инертивным движением лодки. С большею или меньшею осторожностью вытаскивает ее рыбак или предварительно дает ей увлечь легкий челнок; слегка подсобляя веслом и постепенно убавляя бечевку, подводит наконец измученную рыбу к корме и захватывает сачком. Нередки, впрочем, фальшивые тревоги и промахи, так как щуке, заведшей мимо плывущую дорожку, большею частию приходится хватать ее не прямо с хвоста, а несколько сбоку; вот почему бывают случаи, когда крючок задевает за жабру, за бок, даже за хвост. На Сосьве и Лозьве, где щука и тальмень достигают громадной величины — до двух пудов, нередко обрывается самая крепкая веревка, и самая крупная добыча обыкновенно ускользает из рук рыбака. Всего чаще дорожат утром и под вечер, но и в полдень мне не раз приходилось ловить довольно больших щук и тальмений.

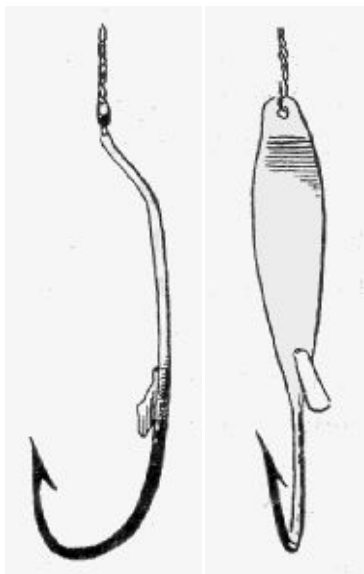

Рис. 52. Дорожка

Лов на жерлицу и дорожку кончается в последних числах сентября, даже ранее, и с первых октябрьских дней, обыкновенно с Покрова, начинается другая, еще более добычливая, еще более занимательная ловля — лученье.

В числе других способов ловли рыбы для рыбака-охотника охота с лучом и острогой занимает, бесспорно, первое место. Не говоря о том, что эта ловля одна из самых трудных и требует много силы, ловкости, сметки и необыкновенно верного глаза, она имеет еще то значение, что таким образом добывается самая крупная, отборная рыба. Охота с лучом имеет даже много поэзии, и всякий, кто хоть раз был участником, даже свидетелем лученья, непременно согласится, что вид этого чуждого нам подводного мира представляет чудное, великолепное зрелище. В черте огненного круга ясно видны все неровности дна, все растения и спящие обитатели озера; далее во все стороны — непроницаемая тьма и, по-видимому, безграничное пространство воды; медленно и бесшумно плывет лодка, точно предводимая пламенем; быстро сменяются впечатления, и в больших прудах, имеющих столь богатую флору водяных растений, много пород рыб, трудно представить себе большее разнообразие.

Главный снаряд для лучения острога — весьма нехитрое орудие. Большею частию она имеет 7—10, но иногда 12 зубцов, около четверти длины, четырехгранной, реже цилиндрической формы; все зубцы имеют в ширину около 4—5 вершков и с обеих сторон кончаются каждый несколькими зазубринами, а наверху соединяются в трубку, которая прикрепляется неподвижно к сухому и тонкому шесту около сажени длины, редко более 4 аршин.

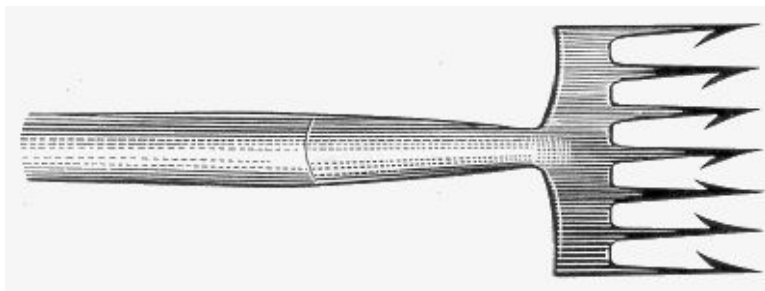

Рис .53. Острога

Второстепенное значение имеет устройство луча. Для этого существует особое, весьма целесообразное приспособление, т. н. коза. Она состоит из изогнутой железной рукоятки, к которой привариваются с боков более тонкие железные прутья, которые на конце тоже согнуты, но под прямым углом, так что весь снаряд имеет вид продолговатой жаровни около трех четвертей длины. Конец рукоятки прикрепляется к носу лодки таким образом, что коза находится несколько выше последнего, по крайней мере на аршин от воды, что необходимо для освещения возможно большего пространства.

Вообще при ловле острогой во всем Зауралье употребляются очень легкие лодки, управляемые только одним веслом. Гребец сидит потому не в передней, носовой, ее части, как на гребных лодках, а в корме лицом к носу, где помещается, обыкновенно стоя, самый рыбак с острогой.

Самый лучший осветительный материал для луча — т. н. смольё. Это небольшие поленья или щепки, наколотые из смолистых сосновых пней и дающие самое яркое и продолжительное пламя. Смольё всегда готовится заранее и высушивается как можно лучше; в противном случае оно горит темнее и притом с треском, пугающим чуткую рыбу.

Трудно описать ощущения, которые чувствуешь, когда темною осеннею ночью едешь в лодке с лучом: кругом мертвая тишина, изредка нарушаемая лаем собак и криканьем уток; ярко горит смольё, освещая путь; на одну минуту мелькнули мельчайшие подробности разнохарактерного дна озера, малейшие его углубления, каждая травинка — и немедленно сменяются новыми: здесь, точно подводное чудовище, лежит огромная коряга, растопырив свои ослизлые ветви, поросшие мшанками; там желтеет голый песок, тут чернеет глубокая яма, зеленеет водяной мох, виднеются длинные стебли лопуха и его огромные ползучие корни; вот и целая чаша остролистной горошницы, пожелтевшей от осенних морозов. Всюду неподвижно стоят мелкие окуньки, пестрея своими полосатыми спинками; мелькают неугомонные чебаки и бойкие ельцы; небольшими сучечками лежат на дне мелкие «нонешние» щурята; медленно, словно нехотя, плывет широкий темно-желтый линь. Тихо и бесшумно движется лодка; ни единая капелька не скатывается с весла, не вынимаемого из воды; то осторожно подворачивается оно к корме, то снова выносится вперед в разрез воды, почти касаясь краев лодки. Неподвижно, черною тенью рисуясь на огненном круге, стоит рыбак посредине лодки ближе к лучу и держит наготове острогу. Проворно, но без малейшего всплеска опускает он ее в воду, вдруг с силою нажимает и вытаскивает трепещущую рыбу, ударом другой руки снимает добычу, ловко подкидывает на жаровню свежего смолья и подправляет его зубцами остроги. Трещит огонь, с треском надают в воду искры и обгоревшие головешки, и снова вспыхивает еще более яркое пламя. Вот еще новая добыча, другая, третья, чем дальше, тем больше; чаще становятся и промахи. Самое главное здесь угадать то расстояние, на котором медленное движение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар; притом всегда следует бить рыбу не вертикально, а несколько наискось и сначала опускать острогу как бы мимо рыбы и на расстоянии полуаршина или менее, осторожно переносить ее на цель, т. е. спину рыбы впереди спинного плавника. Нередко рыба убегает в то

самое мгновение, когда острога готовится пронзить ее; впрочем, многие рыбы, особенно щука, уходят очень недалеко, и глядишь, она снова приткнулась в каких-нибудь десяти саженьях, почему ее нетрудно найти поблизости, разумеется если по величине она заслуживает этого. Уже полупудовая щука требует значительного усилия от рыбака и нередко вырывает острогу; но в сильных и опытных руках только дрожит древко остроги, и щука, втиснутая в вязкий ил озера, скоро изнемогает и вытаскивается без особых затруднений. Еще более крупные, пудовые, щуки попадаются здесь весьма редко, и рыбаки уже не осмеливаются ударить их острогой.

Рис 54. Лученье

Трудно представить, сколько крупной рыбы добывается таким образом. При благоприятных условиях опытный рыбак в 3-4 часа добывает до 10 пудов самой лучшей, отборной рыбы, б. ч. щуки, налима и линя, реже делается его добычей осторожный язь, окунь, чебак; мелкие не стоят удара, а очень крупные часто срываются, и от крупной чешуи их, точно от железной брони, отскакивает и самая лучшая острога. Но не одна рыба попадает ловкому «бойцу»; нередко последнему доводится закалывать и уток: точно ошалевшие от внезапно озарившего их пламени, вертятся они на одном месте, налетают на самый огонь; даже гребцу удается зашибить их своим коротким веслом.

Впрочем, еще с середины сентября количество водяной птицы постепенно уменьшается; одна за другой покидают озера разные породы уток, и с окончательным замерзанием вид в ноябре улетают и последние стаи гоголей и кряковых уток. С замерзанием озер кончается лучение рыбы, и с первым, еще тонким и прозрачным как стекло, льдом, еще не запущенным снегом, который обыкновенно выпадает несколько позже, начинается кратковременная, крайне опасная, но весьма удачная осенняя ловля — глушение рыбы.

Эта весьма оригинальная ловля основана на том, что по замерзании озера вся рыба, очевидно не находя себе прежних условий для дыхания, первое время держится подо льдом и ясно виднеется, особенно ночью, при освещении сквозь прозрачный покров озера. Иногда глушат и днем, но чуткая рыба стоит тогда плохо и уходит ранее, нежели рыбак успевает подкрасться со своим кийком — полуаршинной чуркой, вершков 6 в отрубе, которая насаживается на двухаршинную рукоятку. Потому глушение б. ч. производится по ночам, когда рыба спит, почти касаясь ледяной коры своим спинным пером. Тем не менее необходимы многие предосторожности, и грузному, тяжелому человеку лучше не пробовать счастья: тонкий лед трещит, пугает рыбу и иногда проламывается. Ради возможной тишины рыбак обувается в валеные сапоги — «пимы», по-сибирски. С небольшой козой в левой руке осторожно скользит он

по стеклянной поверхности озера, ловко бьет кийком стоящую рыбу, темная спина которой при свете луча отчетливо виднеется сквозь тонкий лед. Удар должен приходиться прямо против головы рыбы и бывает действителен, только когда последняя стоит не далее полуаршина от внутренней поверхности ледяного покрова: только тогда она сразу перевортывается вверх брюхом. Крепче всех налима, хлипче всех щука, и первого редко удается оглушить с одного раза, между тем как щука шалеет даже от слабого удара и иногда на аршинной глубине. Оглушенная рыба, однако, скоро приходит в чувство, и потому рыбак немедленно прорубает пешней или топором надлежащее отверстие и выкидывает добычу на лед. Вот тут-то всего чаще бывают несчастные случаи, и потому редко глушат в одиночку, почти всегда вдвоем: один несет огонь и бьет рыбу, другой достает ее и на всякий случай имеет при себе достаточно длинную веревку. Иногда кийк заменяется обухом топора или простой дубиной, а коза — железным ковшом, даже лопатой, а при случайной ловле просто светят горящею берестяною трубкою. В реках и протоках обыкновенно бьют рыбу прямо с берега, но здесь на зиму остается весьма немного рыбы — она вся уходит в озеро.

Глушение, впрочем, непродолжительно и вообще имеет случайный характер; только при удаче добывается этим способом пуд-другой большею частью мелкой и средней рыбы. Быстро утолщается лед от сильных ноябрьских морозов, и уже не действуют самые сильные удары тяжелого кийка; рыба, еще прежде собравшаяся громадными стаями, уходит окончательно на глубокие места озера и не удаляется отсюда, иногда даже не переходит в другие, соседние ямы. Но за исключением карася, и то в мелких озерах, также пескарей, зарывающихся в тину, в глубоких уральских озерах почти вся прочая рыба продолжает, однако, кормиться всю зиму. Пищи им вдоволь: с первым тонким льдом весь мормыш, столь редкий летом и в начале осени, высыпает на внутреннюю поверхность последнего, местами сплошь покрывает его и кишит темными массами в несколько рядов, одни под другими. Окунь и ерш в особенности в продолжение почти всего холодного времени года исключительно кормятся этим рачком, и желудок их постоянно наполнен мормышем; реже, б. ч. в начале и конце зимы, поедается он язем, ельцом, щукою и чебаком.

VIII

Выше было указано, какое громадное значение для прироста рыбы имеет мормыш — ничтожный рачок, в большем или меньшем количестве населяющий все Зауральские озера, начиная от Петропавловска; вероятно, он встречается и гораздо севернее и идет далеко на восток и юг — в Барабу и Киргизские степи. Рыба большую часть зимы питается одним мормышем, и потому быстрота ее роста почти невероятна: в Карагузе полуторагодовалый чебак и окунь весят около фунта; 2—3-вершковая рыба этих видов, пересаженная сюда весной из Синарского озера, к зиме достигает 5—6 вершков; тышкинский чебак в 1/16 ф., перевезенный в садок, т. е. кормное озеро, тоже через 8 месяцев весит 1/5 ф., а через год каждый из них — фунтовик. (22)

Примеры эти достаточно объясняют неистощимость Зауральских озер. Конечно, это исключительные случаи, которые не имеют общего применения, но тем не менее ежегодный прирост здешних рыб может идти в сравнение только с приростом рыб в низовьях Волги, Урала и Дона и, несмотря на хищничество арендаторов, почти вознаграждает ежегодную убыль. Мы не будем далеки от истины, если примем следующие цифры первоначального роста рыбы, выведенные из наблюдений и расспросов рыбаков. Быстрее всех растет щука, которая через год достигает 5, даже 7, через 2 года — 8—9 вершков длины; затем следует налим — 4—6 вершков, язь — 4—5, линь — 3, чебак и окунь — 2—3, ерш и елец — 1 1/2 вершка. Самый незначительный прирост замечается у карася, который только в самых кормных озерах вырастает в год до 1 1/2 в.; обыкновенная же величина годовалого карася — 3/4—1 вершок. Дальнейший прирост рыбы также подвержен более или менее значительным колебаниям, но, соображаясь с достоверными цифрами

прироста в первые два-три года, надо полагать, что он совершается в следующей, хотя и не совсем правильной прогрессии.

	Годов	2-хг	3-хг	4-хг	5-тиг.
Щука	6	8	9	9 ½	9 ¾
Налим	5	7	8.	8 ½	8 ¾
Язь.	4	6	7	7 ½	7 ¾
Линь	3.	5	6	6 ½	6 ¾
Окунь	2 ½	4	5	5 ½	5 ¾
Чебак	2	3(3 1/4)	3 ½	3 ¾	3 7/8
Елец	1 ½	2 ½	3	3 ¼	3 3/8
Ерш.	1 ¼	2 ¼	2 ½	3	3 1/8
Карась	1	1 ¾	2 ¼	2 ½	2 5/8

Начиная с трехлетнего возраста все рыбы начинают расти более в толщину, нежели длину, особенно в кормных озерах, где и первоначальный прирост значительно выше. Рыба таких озер нередко весит в 1 1/2 и 2 раза более, чем та же рыба одинаковой с ней длины (и притом старше) из озера менее кормного. Отношение между длиной и шириной тела всего изменчивее у щук, карасей и налимов.

Даже этот приблизительно верный прирост значительно превышает обыкновенный рост рыбы не только в реках, но и других русских озерах, и, без сомнения, немногие бассейны могут в этом отношении соперничать с Зауральскими озерами. Но и здесь он весьма различен: свойства дна и берегов, глубина озера, даже состояние погоды во время нереста и множество случайных явлений имеют более или менее значительное влияние на размеры живущей в нем рыбы, и вообще можно принять за правило, что большинство наших рыб достигает тем большей величины, чем медленнее течение и иловатее дно известного бассейна. Всего медленнее растет рыба в проточных водах с каменистым или песчаным дном и голыми берегами.

Возвращаемся, однако, к мормышу — главному виновнику этого быстрого и, что всего важнее, почти непрерывного роста рыбы Зауральских озер. Зимнее ужение основано здесь единственно на изобилии этого небольшого рачка, служащего, в свою очередь, предметом лова, даже особого, хотя и весьма незначительного промысла. От изобилия мормыша зависит и успех неводной ловли, и, по замечанию неводчиков, «чем более мормыша — тем лучше ловится рыба неводами». Быть может, что периодический уход последней на глубину, где она, вероятно, впадает в зимний сон, зависит т. с. от неурожая на мормыша и что зимняя спячка обуславливается не одним недостатком воздуха, но также и недостатком пищи. Весьма возможно, однако, что немалую долю влияния оказывает большая или меньшая суровость зимы: чрезмерная толщина льда выгоняет рыбу из более мелких и вместе самых кормных местностей озера, а карася и линя заставляет даже закапываться в ил.

По-видимому, во всех Зауральских озерах встречается только один вид Gammarus. Правда, в одних он крупнее, в других или синее обыкновенного, или же с желтым, даже красноватым оттенком, но это объясняется очень просто: различия в величине зависят от свойства дна и самой воды, и всего крупнее и желтее мормыш в карасьих иловатых озерах, всего синее и, заметим, малочисленнее бывает он в свежей, чистой воде более глубоких и проточных озер. В течение всего теплого времени года он держится под лавдами или в няше (редко в иловатом песке), и до сильных морозов присутствие его в озере почти неприметно. Как было сказано, с замерзанием озера бесчисленное множество мормышей высыпает на нижнюю поверхность льда. Во второй половине зимы, с конца января или в начале февраля, они совокупляются и постоянно встречаются попарно, in copula. По наблюдениям в акварие, они и в это время не отличаются особенною живостью, большею частью неподвижно сидят у поверхности; только по утрам и вечерам между ними замечается некоторое оживление: они беспрестанно то падают на дно, свернувшись клубком,

то подымаются кверху, подгибая под себя заднюю часть тела. Спят они собравшись в густую кучу и зимою всю ночь проводят во сне, между тем как летом, напротив, ведут более ночной образ жизни, что доказывается тем, что в карасьих озерах они иногда съедают до тла мережи, поставленные поздним вечером. Мормыш положительно всеяден. Главным образом он питается мельчайшими животными, особенно дафниями, циклопами и коловратками, а также и своим собственным юным потомством, но употребляет в пищу и всякие животные и растительные остатки, отыскиваемые им в няше озера. Во время зимнего уженья его ловят на гороховину, которую он очень любит, также на льняные снопы; иногда с этой целью спускают под лед решето на веревочках, к которым привязан пучок мочалы, натертый мукой: мормыши, наевшись, падают в решето и осторожно вытаскиваются из проруби.

Летом мормыш ловится плохо, да в нем и нет никакой надобности; рыба редко берет на него, да и вообще описанными способами добывается незначительное количество этого рачка. Поэтому при огромной потребности в нем, особенно в таких местах, где он малочислен (где мормыша очень много, там рыба сыта и почти не клюет на него и в зимнее время), для ловли мормыша чаще употребляют более или менее длинный, иногда саженный, узкий и глубокий ящик, одна из длинных сторон которого густо усажена щетиною. В один конец ящика прикрепляется под углом довольно большая жердь, затем ящик просовывается в довольно большую прорубь, приводится в горизонтальное положение и загребает всех мормышей, сидящих на льду кругом проруби, на радиус равный длине ящика. Иногда таким образом вытаскивается зараз по несколько ведер, но еще большее количество мормыша попадает в мотню невода, откуда он выбирается рабочими и складывается в осиновые кадушки, которые закапываются в землю или ставятся на погреб, где мормыш сохраняется живым иногда в течение 2-х недель. Ловом мормыша вообще занимаются исключительно неводные рабочие, которые и продают его по 20—25 к. с. за ведро, вырученные деньги делятся между всею артелью К весне по плохому льду в самый сильный клев рыбы, когда количество мормыша значительно уменьшается, ведро мормыша стоит 50 к. с., даже более. Все это показывает, в каком множестве встречается здесь этот рачок и какую важность имеет для зимнего уженья.

Уженье на мормыша, не известное в России, с незапамятных времен употребляется во всех Зауральских озерах, за исключением северных озер.

Лов этот начинается одновременно с неводным, с первым достаточно прочным льдом и может быть разделен на два периода, отделенные полуторамесячным, даже месячным промежутком, в конце декабря и в январе рыба клюет очень плохо, да притом сильные рождественские и крещенские морозы отобьют охоту и у самого ярого удильщика. В начале февраля клев снова возобновляется, и исключительно в марте бывают те огромные уловы, о которых мы говорили выше: в короткий зимний день опытный рыбак легко выуживает два, иногда три пуда окуней или ершей. Чебак, елец и язь берут на мормыша уже не так жадно; изредка на него попадают и мелкие щуки, а налим в начале зимы и вскоре после нереста кормится исключительно мормышем, но попадает не часто, хотя, если удить со дна, удастся иногда вытащить на эту приманку и довольно большого шамбы, как называют налима башкирцы.

Рис. 55. Зимнее ужение

Проезжая зимою мимо озера, вы иногда увидите вдали какие-то неподвижные фигуры, ясно выделяющиеся из ослепительной белизны снежного покрова. Это — рыболовы. В самый разгар клева, который то ослабевает, то усиливается, на озере собираются десятки, иногда сотни рыбаков, но это бывает, впрочем, редко, так как в большинстве случаев и ужение на озерах строго воспрещается арендаторами, которые очень хорошо знают, что при хорошем клеве они в один день могут лишиться не одной сотни пудов рыбы. Но тогда рыболовы прибегают к хитростям, прячутся в камышах, надевают сверх собачьей дохи холщовые балахоны или укрываются между трещинами и ледяными надвигами. Последние, впрочем, бывают только в проточных озерах, которые в большинстве случаев служат главными или запасными прудами здешних заводов. Постепенно возрастающая убыль воды в этих озерах производит ледяные отдувы, расстояние между льдом и поверхностью воды увеличивается, и наконец вся громадная ледяная масса, нависшая над озером, с треском и гулом, слышным за много верст, обрушивается и местами дает широкие трещины, местами образует более или менее высокие сдвиги, скоро заваливаемые снежными сугробами. Высечет рыбак пещеру в этом сдвиге, пешней же выбьет прорубь и спокойно удит себе здесь он в полной безопасности от непогоды, и даже зоркий глаз караульщика не отличит его от синевы ледяной стены.

Самое ужение довольно оригинально. Рыбак, отправляясь на ловлю, берет с собою пешню, корзину для рыбы, бурак с мормышем и запасается несколькими крючками и удами. Живо высекает он круглую прорубь или расчищает старую, для защиты от ветра нагребает кучу снега, садится на ней поджав ноги и закидывает удочку. Последняя состоит из гибкого 8—10-вершкового березового прутика, завернутого наполовину в камыш, который туго обматывается бечевкой; большею частью удят на глубине не более 2-х аршин с навесу и с грузилом; мормыш насаживается с головы. Удочка держится в левой руке, а в правой у рыбака небольшая лопаточка, которая служит для подсечки рыбы. Как только клюнет рыба, он мгновенно поддевает лесу и, откинув левую руку, быстро подводит лопатку почти к самой добыче, одним ударом лопатки по голове рыбы высвобождает наживу, в одну секунду оправляет ее и снова закидывает лесу. При хорошем клеве и на удачно выбранном месте рыба берет беспрестанно, едва успеет приманка показаться на нижнем крае проруби, и тогда с берега положительно кажется, что рыбаки только махают руками с таким необычайным проворством орудуют они своим коротким удищем. Почти всегда берет мелкий годовалый или двухгодовалый окунь и ерш; более крупные клюют на более значительной глубине, далее от берега, и ловля их уже более мешкотна, так как длинная леса путается и смерзается, да и более сильная рыба упирается в нижние края узкой проруби. Вот почему при клеве последней количество добычи редко бывает значительнее, чем при ловле

мелкой. Как было сказано, в короткий зимний день иногда легко выуживают здесь по 2, даже по 3 пуда рыбы, иногда более 1000 штук мелкого окуня и ерша. Первый берет на песчаных, второй на иловатых местах озера, и обыкновенно на большей глубине. Клев других рыб в начале зимы не имеет такого значения: чебак, елец, язь берут только в ноябре и со дна.

Рис. 56. Башкирская удочка

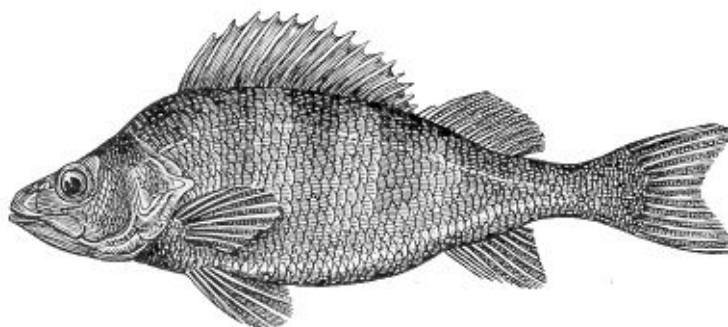

Рис. 57. Окунь

Ужение это продолжается до первых чисел, иногда середины декабря — одним словом, до наступления сильных морозов и периода самого толстого льда; затем клев постепенно слабеет и около крещенья вовсе прекращается. В это время производится главная ловля налимов, которые нерестуют в конце декабря и начале января и реже всех рыб попадают в сети.

Налим, впрочем, встречается в большом количестве далеко не во всех и проточных озерах; всего многочисленнее он в протоках и речках, где проводит большую часть времени года, но зато нигде в России не достигает он таких больших размеров, как в Зауральских озерах. Здесь вообще отличают три варианта этой рыбы. Черный, самый мелкий налим, живет в реках и почти никогда не достигает более 5 фунтов и 8 вершков длины, растет гораздо медленнее (3, 5, 6) и, кроме того, несравненно уже обыкновенного желтого налима, который попадает как в иловатых реках, так и в менее кормных озерах. Настоящий озерной налим серого цвета, необыкновенно жирен и толст и бывает иногда до 30-40 фунтов весом, даже более так, в Иртыше был пойман лет 10 назад один серый налим, весивший почти два пуда. Эти серые налимы иногда в один год вырастают до 7 вершков; во время игры не попадает ни один менее 1/2 аршина и 3-х фунтов, между тем как у черных иногда имеют икру и 4-хвершковые полуфунтовики. Но как те, так и другие несомненно играют по достижении трехлетнего возраста.

Еще задолго до нереста, в октябре, даже в сентябре, начинается в озерах сильный клев налима, вышедшего из камней на глубине из-под лавд и из протоков. Мелкие налимы берут (по льду) на мормыша, впрочем, непременно со дна, более крупные — сначала на ельца и чебака, а затем на окуня и обстриженного ерша. (23) В начале декабря клев прекращается, и в середине этого месяца начинается ход налимов. Они собираются большими стаями, по сотне и более, и выходят из озера; изредка налимы мечут и в устьях но всегда выбирают текучую воду. Икра выпускается обыкновенно в довольно мелких песчаных или хрящеватых местах и весьма замечательно, что налимы, по свидетельству рыбаков, играют постоянно на белой гальке и во время самого нереста свиваются парами — самец с самкой. Мнения этого придерживается и

большинство рыбаков Ярославской губ., и подобное наблюдение приводится и в сочинении Зибольта. Икра налима довольно многочисленна (около 13000 икринок), но считается вредною и потому в пищу почти никогда не употребляется.

Нерест налима почти всегда продолжается 12 дней, от рождества до крещения, он идет только по ночам и днем почти никогда не попадает в морды, которые ставятся через проруби в узких местах речек и протоков. Зато ночью в самый разгар хода и при удаче морды набиваются битком и случается вытаскивать зараз до 2-х пудов этой ценной рыбы. Иногда налимы, не находя себе места в самой морде, помещаются в горле (детыше) и, несмотря на то, что очень легко могли бы выйти оттуда, делаются добычею опытного рыбака, который, зная это, вытаскивает свою снасть с большою осторожностью. Вообще улов налимов весьма значителен, и на святках они составляют главную рыбную пищу всего населения.

В начале февраля налим возвращается в озеро и снова берет на животку, иногда и на мормыша. В то же время вместе с возрастающею рыхлостью льда и постепенным его утончением поднимаются со дна озера и другие рыбы снова начинается ужение окуня и ерша, а затем чебака, ельца, частию язя, тоже на мормыша и ловля, впрочем незначительная, шук на жерлицы. Клев этих рыб продолжается до середины или конца марта и прекращается вместе с образованием больших наледей, полыней и закраин и уходом мормыша на дно. Наступает весна, кончается и неводная ловля, кратким описанием которой мы заключаем нашу статью.

IX

С первым осенним льдом в конце октября или в ноябре, иногда гораздо ранее санного пути начинается самый главный — неводный: лов все количество рыбы, пойманное весной летом и осенью, ничтожно в сравнении с количеством добываемым неводами арендаторов зауральских озер.

Оставляя в стороне массу собранных нами статистических фактов, касающихся озер, рабочих, ловли, уловов и сбыта рыбы, фактов, которые, к сожалению, не могут быть помещены в этой статье, мы постараемся представить возможно краткий и вместе наглядный очерк зимнего — неводного лова.

Большая часть озер Екатеринбургского, Шадринского и Челябинского уездов принадлежит башкирцам и не более трети составляет собственность челябинских казаков, отчасти казенных и частных заводов и, наконец, помещиков (села Куяша, Никольского и Тибука). Но все эти озера в настоящее время вовсе не тянутся самими владельцами и сдаются в аренду исключительно каслинским купцам, которые с давних времен захватили в свои руки почти всю рыбную промышленность зауральского края, включая сюда и часть Троицкого уезда. Братья Наседкины, Трутневы, Бельников, Блиновский, в последнее время Злоказов кортомят почти все озера за исключением самых южных, эксплуататорами коих являются челябинские купцы. Миллионеры Д. Наседкин, Трутнев с давних времен, чуть не с начала текущего столетия, держат в своих руках почти все башкирские озера и самое башкирское, частию русское население, посредством подкупа нужных людей и влиятельных башкирцев являются главными обладателями самых лучших озер и вместе с прочими, второстепенными, рыбопромышленниками не допускают конкуренции посторонних лиц.

Тем не менее арендная плата как за владельческие и казачьи, так и башкирские озера возвышается в значительной прогрессии каждое двенадцатилетие — обыкновенный срок найма. Для примера укажем на самые ценные и надежные Каспийские озера, которые с 1819-го года по настоящее время кортомются Д. Наседкиным.

До 1819 года арендная плата была 1900 р. (ассигн.)

С 1819—1830 —"— 10000 р. с.

1830—1841 —"— 23000 —" —

1841—1852 —"— 43000 —" —

1852—1863 —"— 56000 —" —

1863—1875 —"— 64000 —" —

Но даже и эта последняя плата еще весьма низка сравнительно с арендой помещичьих озер Тибуцкого и Куяшского имений и далеко не достигла настоящей нормы. Вообще можно принять, что в первые же четыре года окупается не только вся арендная плата, но и все затраты на невод и рабочих за полное двенадцатилетие и остальные 8 лет озеро приносит один чистый доход. Такие случаи низкой аренды, как озера Айдакуля, да которое еще не так давно платилось Трутневым 25 р. ассигн. и выручалось 25000 р. ас., конечно, более не повторяются, но и до сих пор вследствие постепенно возрастающего обеднения башкирского населения, живущего одной арендой с озер и земли, бывают примеры невероятно дешевой кортомы. Так, правда, за год или два до истечения срока старой аренды и уплатив вперед все деньги, Трутнев «купил» Иткуль (в котором, как мы видели, ловится до 30000 пудов рыбы) и прилежащие к нему мелкие озера за 10000 р. с. Выгоды, получаемые рыбопромышленниками, тем значительнее, что на весну, лето и осень озера сдаются рыбакам за известную плату (около 1 руб. за каждую мережу) или из третьей рыбы.

Переходим к рабочим. Последними в большинстве случаев являются казенные крестьяне из сел Конёва, Огнёва, Бульзей и пр., также крестьяне (тоже государственные) Ирбитского и Камышловского уездов. Только неводчики (башлыки у башкирцев) и их помощники с давних времен бывают всегда из заводских крестьян и горнорабочих. Наем рабочих совершается очень просто. Осенью, в сентябре или октябре, приказчики рыбопромышленников разъезжают по казенным волостям и, столкнувшись с старшинами, выплачивают подати за бобылей и недоимочников и забирают их паспорта. Поэтому невероятно тяжелый труд неводных рабочих оплачивается весьма скудно. С каждым неводом «ходит» от 12 до 16 человек рабочих (считая в том числе неводчика и его помощника) и собственно рабочих 8—10 пехарей рядят в три срока: 1-й — с открытия лова до рождества по 80 к. с в неделю (на хозяйских, относительно весьма плохих харчах); 2-й — с рождества до масленицы по 1 р. 10 с., так как лед в середине зимы достигает до 5, а на Иртыше даже 7 четвертей; 3-й — с масленицы до окончания лова — снова по 80 к. Остальные рабочие получают постоянно одинаковое жалование, именно два прогонщика из мальчишек — по 50 к., два норильщика — по 1 р. 20 к., конюх, который смотрит за 9—12 лошадьми, смотря по неводу, (24) — 1 р. 50 к., помощник неводчика — 1 р. 80 к. до 2 р., неводчики — 3—3 р. 50 к., и, наконец, приказчик, обязанность которого присутствовать при каждой тяге невода, продавать рыбу, закупать овес, дрова, сено и харчи для рабочих, получает по 100—150 р. с. в год.

Обыкновенная длина невода 400 сажень, а ширина 10—15 аршин. Самый большой невод ходит на Иртыше и имеет почти 500 сажень длины, 25 аршин ширины и стоит более 1500 р. с. Устройство невода более или менее известно каждому, и потому мы не станем о нем слишком распространяться. Крылья и матка (мотня) — главные его части. Первая половина каждого крыла, начиная от «кляч», сшивается из трехпалечной (т. е. в ячейку проходит три пальца) дели, называемой шадринкой, так как она идет из Шадринска. Эта дель покупается по 12 к. с. за маховую сажень. Вторая половина крыльев состоит из двухпалечных сетей, называемых ураимками (Ураим — Нязепетровский завод): каждая квадратная полоса в 32 петли стоит на месте

14—15 к.; матка же — однопалечная, и дель для нее идет тоже из Ураима и продается по 18 к. за 33—34 петли. (25) Матка пристегивается к крыльям шнуром «на вздержку» и имеет всегда около 3-х сажен ширины и 6 длины. К нижней тетиве невода на расстоянии 1 аршина привязываются т. н. кибасы (алташ — у башкирцев) — 2—3 плитки, зашитые в толстую бересту, в которой проделывается отверстие; на небольшом неводе считается более тысячи этих кибасов. Кибасы приготавливаются на досуге самими рабочими, но осокоревые поплавки привозятся из Уфимской губ. и продаются здесь по 1 к. за штуку.

Большую часть на двух-трех озерах ходит один невод, и только в исключительных случаях на очень больших озерах (Иртяше) и перед окончанием срока аренды на одном озере тянут зараз двумя, даже тремя неводами. Обыкновенно невод ходит столько раз в зиму, сколько считается в озере тоней, и только некоторые места, известные как главные зимние становища рыбы, тянутся по несколько раз в течение всего неводного лова. Количество тоней, можно сказать, пропорционально пространству, занимаемому озером: мели, самые глубокие ямы и очень каменистые места, конечно, не входят в этот расчет, но их не так много, и потому можно принять, что число тоней несколько более числа квадратных верст, занимаемых озером: береговые тони захватывают около половины ($1/2$ версты ширины и 1 в. длины), а моревые — $2/3$ квадратной версты ($1/2$ версты ширины и $1\ 1/2$ длины).

Каждая не только береговая, но и моревая тоня имеет с незапамятных времен свое название и неизменно принадлежащее ей место, которое каждый раз вымеривается неводчиком. Последнему известны в точности как все углубления озера и все большие камни на дне, так и малейший кустик на берегу. Неводчик есть распорядитель неводного лова и единственный начальник рабочих во время тяги, и на нем вместе с его помощником лежит весьма тяжелая работа — «топка» крыльев при вытягивании невода на лед.

Другим рабочим, особенно пехарям, которые бьют проруби, достается еще более. Невод закидывается ежедневно, несмотря на ветер и «клящие» морозы, и только в самую метель — пургу — не бывает тяги на озере. Из ближайшей рыболовной избушки рабочие выезжают до света, и тяга кончается к 5 часам вечера; с рождества до масленицы в самый толстый лед работа начинается еще ранее и позднее оканчивается. В день делается всего одна тоня.

Прежде всего неводчик по береговым приметам или островам назначает место запуска — главной проруби, в которую спускают невод, и отмеривает шагами надлежащее расстояние ($3/4$ — $1\ 1/2$ в.) до притона. Двое пехарей рубят запуск, трое или четверо бьют проруби на левом, столько же — на правом крыле. Запуск делается большей частью в две сажени длины и сажень ширины; боковые круглые проруби (5—6 вершков в диаметре) отстоят одна от другой на 6—8 сажен, и на каждом крыле их бывает от 20 до 25.

Эта работа требует очень больших трудов и значительной сноровки, и у неопытных пехарей-новичков от холода и чрезмерных усилий нередко сводит пальцы. Особенно тяжело бить круглые проруби, тем более что они должны иметь правильную цилиндрическую форму: пехари на крыльях редко кончают их ранее чем в шесть часов. Запуск бьется несколько скорее, и рабочие, утопив ледяницы под задний край проруби, рубят притон, из которого невод вытаскивается на лед. Притон имеет треугольную форму с основанием (обращенным к неводу) в $2\ 1/2$ и боками в 3—4 сажени.

Как только готов запуск и ближайшие к нему проруби, норильщики начинают пропихивать с каждой стороны до следующей проруби т. н. норило — жердь в 8 сажен длины и с дырой на одном конце, в которую продевается воротовой канат; по окончании этой работы последний закладывается на ворот, невод спускается в воду и образует под льдом довольно круглую дугу, так что идет на 200—280 сажен. Невод тянется, конечно, лошадьми, и в каждый

ворот, который устраивается на дровнях и закрепляется во льду присечным крюком, ввернутым в брус, связывающий салазки, впрягается одна лошадь. Потом, когда вытянут невод на половину расстояния, действует только один ворот позади притона, и лошади тянут оба крыла вместе.

Едва покажутся крылья невода, прогонщики становятся на широком месте притока и захватывают верхнюю тетиву аршинными таловыми крючками и тянут крылья в разные стороны, крепко прижимая ко льду верхний край сети. Нижняя же тетива прижимается ко дну неводчиком и его помощником при помощи т. н. топков — шестов с железной развилой на конце; у каждого по 2 топки. Которые поочередно передаются рабочему. Эта работа чрезвычайно тяжела и требует много силы и умения, особенно в начале вытаскивания невода: в глубоких озерах топки имеют в длину несколько сажень. Все рабочие в это время действуют на крыльях и выбирают из них рыбу, что, впрочем, бывает только при удачных тонях и служит признаком того, что будет поймано не менее 500 пудов. При еще большей добыче рыба оказывается и в первой половине крыльев, а при улове в 1500—2000 пудов матка не может вместить всего количества и рыбу приходится черпать из притона сачками. В тех же, впрочем крайне редких, случаях, как, напр., в Маяне, когда зараз вытаскивают до 5000 пудов, все лошади действуют на воротах, недостаточно крепкие или старые канаты лопаются, и тяга продолжается всю ночь и следующий день, а рыбу, стеснившуюся у проруби, высакивают в течение нескольких суток! При богатых тонях почти всегда вытаскивается один, даже два выродка (всего чаще бывают они у чебаков и окуней), которые отличаются своею уродливостью и обыкновенно не достигают большого роста. Таких «князьков» суеверные рыбаки считают за вожakov рыбы и всегда выпускают обратно в воду с 2—3 сачками мелкой рыбы.

Большую часть, однако, почти вся рыба помещается в матке. Как только последняя обнаружится, ее отстегивают, каждое крыло складывают на воз, края мотни приступают и постепенно выбирают на лед до тех пор, пока она не будет полна рыбы, которая выбирается оттуда сачками и всыпается для меры в короба — огромные плетеные корзины, вмещающие 70 пудов мелкой и 80 крупной рыбы; затем рыбу морозят на току, для которой расчищают лед поблизости притона, наконец, для весу обсыпают снегом, а иногда (исключительно крупную) при малом запросе макают в воду. В начале весны, когда кончается дальний сбыт, лишнюю и мелкую рыбу выпускают в садки — небольшие кормные, большую частью караси, озера, где она в 8 месяцев достигает вдвое, даже втрое большей величины. Перевозят ее обыкновенно в сороковых бочках с весьма небольшим количеством воды (несколько ведер), и при достаточно холодной погоде рыба остается живою в продолжение 4-6 и более часов, смотря по виду рыбы. Заметим также, что в выборе тони неводчик соображается с запросом: при большей потребности в рыбе невод закидывается в таких местах, где по опыту прежних лет стоит главная масса рыбы. Опытность башлыков в этом деле изумительна, и хороший неводчик, принимая во внимание прежние уловы и увеличение или уменьшение рыбы в озере, всегда может с достаточною точностью определить, сколько коробов и какой именно рыбы даст такая тonya, сколько другая, третья и т. д.

При огромном количестве озер, многочисленности арендаторов, которые притом из боязни конкуренции ведут свое дело в строжайшей тайне, мне удалось получить сведения о названиях, количестве тоней и уловов не ото всех неводчиков: некоторые из боязни прямо отказывались от всяких положительных ответов. Тем не менее, принимая в соображение все собранные мною факты, я прихожу к заключению, что количество тоней на одних озерах Екатеринбургского уезда должно быть не менее 1050 и что средний улов здесь (с северными озерами) никак не ниже 2 1/2 коробов, а годами значительно более. Но так как некоторые, самые лучшие, тони тянутся по несколько раз и немалое количество рыбы ловится весною и осенью мелкими арендаторами и местными жителями (не менее 1/10 зимнего улова), общая цифра улова должна быть еще значительно больше, и мы не будем далеки от истины, если примем, что здесь вылавливается более 200000 пудов на сумму 300000 р. с. (26) Несколько менее улов всех

Шадринских озер, но озера Челябинского уезда по количеству вылавливаемой рыбы даже превосходят Екатеринбургские. Присоединяя сюда и улов Троицких озер, в общем итоге составит до 650000 пудов на сумму 800000 р. с.

Таким образом, зауральский рыбный промысел должен занимать одно из первых мест в ряду русских не только озерных, но и речных промыслов.

Примечания

- (1) Настоящие двухвесельные лодки здесь вовсе не употребительны.
- (2) Еще на памяти старожилов подобные леса покрывали большую часть Шадринского и Челябинского уездов. Весьма вероятно, что некоторая доля участия в образовании чернозема принадлежала и этим лесам.
- (3) К числу главных истребителей икры принадлежит также ерш, питающийся ею с ранней весны и почти до середины мая.
- (4) Без сомнения, малочисленность их зависит в большинстве случаев от того, что мормыш, вообще всеядный, в свою очередь, питается ими.
- (5) То же самое явление наблюдается ныне и в Иткуле.
- (6) Также в Шарташе, в окрестностях Екатеринбурга, в Багарях близ Синары и пр.
- (7) Это, конечно, всего более зависит от отсутствия неводного лова.
- (8) Балтым находится в 18 верстах от Екатеринбурга.
- (9) Это озеро не надо смешивать с другим того же названия, которое лежит южнее, ближе к границам Челябинского уезда.
- (10) Лес на болоте.
- (11) Весьма редко в ивняке и никогда в камыше.
- (12) Т. е. шурф — яма, выкопанная золотопромышленниками.
- (13) Она никогда не бывает менее полуаршина.
- (14) Во время нереста у всех голова и чешуи покрываются очень мелкими бородавочками, более заметными на голове.
- (15) Может быть, однако, он уходит зимовать в реки.
- (16) На озерах вовсе нет настоящих весельных лодок (кроме выше упомянутых баркасов у арендаторов озер), и лодка управляется одним веслом.
- (17) Икра щуки, как известно, требует для своего развития весьма невысокой температуры — 8—10°R.
- (18) Из Улагача вытекает р. Бишеляк, впадающая в Течу ниже Метлина.
- (19) Особенно замечательно в этом отношении оз. Калды, в котором весь чебак и большинство других рыб заключают по два, три и более ленточных глистов.

(20) См. Миддендорф «Сибирская фауна».

(21) См. Миддендорф «Сибирская фауна».

(22) Впрочем, теперь прирост тышкинского чебака несколько уменьшился, так как последний сделался вообще крупнее и менее способным к такому быстрому откармливанию.

(23) Лов налимов на лягушку здесь вовсе не известен.

(24) Шесть лошадей завозят крылья, две — на воротах, две — под приказчиком для разездов, две возят рыбу.

(25) В последнее время дель сильно вздорожала, и теперь входят в употребление сравнительно дешевые вятские сети.

(26) Крупный чебак, окунь, ерш, карась продается от 3—4 р. с. за пуд; щука, язь от 2 р. 50 — 3 р. 50. Мелкая рыба от 50 к. — 1 р. с. На более отдаленных озерах других уездов ценность рыбы понижается до 25, даже 50 процентов.

Оглавление

ЖИЗНЬ РЫБ И РЫБОЛОВСТВО НА ЗАУРАЛЬСКИХ ОЗЕРАХ.....	1
I	1
II	10
III	20
IV	30
V	43
VI	53
VII	63
VIII	69
IX	74